

БЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 9 СЕНТЯБРЬ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

DK
1
.B99
v.1
no.9

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія „Энергія“, Загородный, 17.

1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

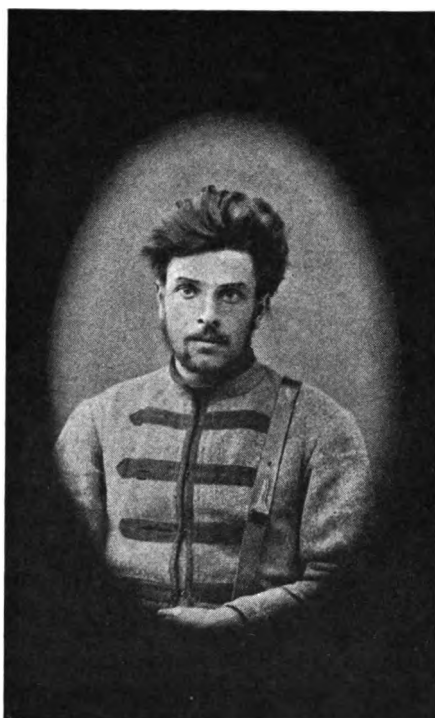
	СТР.
1. Первая типографія „Народной Воли“. С. А. Ивановой-Борейша	1
2. Самодержавіе Николая I-го и французское общественное мнѣніе. Е. В. Тарле	12
3. Послѣ Шлиссельбурга. М. Н. Тригони	45
4. С. В. Зубатовъ. М. Р. Гоца	63
5. Политическая каторга на Карѣ. Н. Л. Геккера	69
6. Воспоминаніе чайковца (<i>продолженіе</i>). С. С. Синегуба	90
7. Якутская драма 22 марта 1889 года. О. С. Минора	129
8. Письма осужденныхъ якутянъ	149
9. „Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“ (по неизданнымъ источникамъ). М. К. Лемке	158
10. Въ Шлиссельбургской крѣпости. М. В. Новорусскаго	209
11. Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи. В. А. Старосельскаго	229
12. Освобожденіе Н. Г. Чернышевскаго. Н. Я. Николадзе	242
13. М. Р. Гоць (некрологъ)	282
14. Историческая библіографія: <i>Джорджъ Кеннанъ</i> .—Сибирь и ссылка. А. Б. Джорджъ Кеннанъ . Последнее заявленіе русскихъ либераловъ. А. Б. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій . Исторія русской интеллигенціи. Н. К. П—а. В. И. Семевскій . Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова. Н. К. П—а	284
15. Современная лѣтопись	289

16. **Матеріалы, документи и мелкія замѣтки.** (Дѣло Столпакова и Бѣлозерскаго (1865 г.)—43. Дѣло подпоручика Крушевскаго (1863 г.)—87. Къ протесту по дѣлу А. П. Шапова—208). стр.
17. Объявленія 311
-

Къ этой книгѣ приложены портреты С. С. Синегуба, Н. Л. Зотова, Л. М. Коганъ-Бернштейна, А. Л. Гаусмана и М. Р. Гоца.

Николай Львович
ЗОТОВЪ.

Первая типографія „Народной Воли“.

Въ августѣ 1879 года только что сформировавшейся группѣ народовольцевъ пришлось заняться устройствомъ тайной типографіи для своего новаго органа. Это было послѣ раздѣленія организациі «Земли и Воли» на двѣ самостоятельныя группы. Бывшую типографію «Земли и Воли», благополучно существовавшую въ Петербургѣ раньше, раздѣлили между этими двумя группами. Сдѣлавъ необходимыя добавленія шрифта и прочихъ принадлежностей, народовольцы принялись устраивать дѣло. Трое типографскихъ работниковъ изъ «Земли и Воли» выразили согласіе работать въ новой газетѣ, что значительно облегчало нашу задачу, ибо это были не только опытные наборщики, но и вообще люди, знавшіе и любившіе типографское дѣло. Кромѣ того, въ будущемъ намъ обѣщали еще одного сотрудника, наборщика по ремеслу, который въ продолженіе многихъ лѣтъ добывалъ себѣ хлѣбъ этимъ ремесломъ. Онъ въ это время жилъ за границей, и было предложено выписать его оттуда. Предстояло подыскать подходящую квартиру и болѣе или менѣе солидную къ ней хозяйку, которая сумѣла бы внушить къ себѣ почтеніе дворникамъ и сосѣдямъ. По правдѣ говоря, солидныхъ по возрасту людей среди насъ совсѣмъ почти не было, и поневолѣ пришлось принимать во вниманіе только другія соображенія. Мѣсто это было предложено мнѣ, отчасти потому, что я раньше была знакома съ ремесломъ наборщицы и могла быть въ этомъ дѣлѣ полезнѣе другихъ, отчасти же просто потому, что я была въ это время свободна отъ другихъ обязательствъ. Не скажу, чтобы мнѣ особенно улыбалась мысль о затворнической жизни, которую приходится вести при такой работѣ, но было желаніе какъ можно скорѣе приложить куда-нибудь свои силы; сознаніе, что я могу здѣсь быть полезной, заставило меня сразу согласиться на эту роль.

За отысканіе квартиры взялись А. А. Квятковскій и Д. А. Михайловъ. Оба они были очень предусмотрительны и умѣли хорошо взвѣшивать удобства и недостатки квартиръ въ конспиративномъ отношеніи. Черезъ нѣсколько дней подходящее помѣщеніе было найдено и мнѣ было предложено снова осмотрѣть его вмѣстѣ съ Н. Бухомъ, который долженъ былъ разыгрывать роль моего супруга.

Все было предусмотрено как нельзя лучше. Саперный переулок— улица не бойкая, и населена она болѣе или менѣе почтенными людьми; домъ, въ которомъ находилась наша будущая квартира, былъ занятъ нѣсколькими достаточными семьями. Ни квартирныхъ хозяекъ съ безчисленными квартирантами, среди которыхъ всегда можетъ оказаться какой-нибудь «крамольникъ», ни студентовъ, ни молодежи вообще—въ этомъ домѣ не было. Въ квартирѣ два хода,— черный и парадный, при чемъ послѣдній имѣлъ вполнѣ приличный видъ и освѣщался по вечерамъ; большое удобство представляло то, что швейцара не было. Окна четвертаго этажа, гдѣ помѣщалась наша квартира, выходили во дворъ, а напротивъ была глухая стѣна сосѣдняго дома. Окна эти только отчасти были видны съ противоположной стороны улицы, но все же, въ случаѣ неблагополучія у насъ въ домѣ, можно было выставить знакъ, что и было сдѣлано впоследствии. По паспорту мы должны были изображать собою отставного чиновника и его супругу. Документъ былъ настоящий, такъ что съ этой стороны мы ничѣмъ не рисковали. Въ концѣ августа мы переѣхали. Шрифтъ и прочія принадлежности типографскаго дѣла перевозилось вмѣстѣ съ мебелью, причемъ всѣ тяжелыя вещи были по-возможности размѣщены по разнымъ сундукамъ, чтобы тяжесть ихъ не возбудила подозрѣнія. Квятковскій, принимавшій дѣятельное участіе въ упаковкѣ вещей, не могъ слѣдить за выгрузкой ихъ въ новомъ жилищѣ и потому нашелъ себѣ другое дѣло: не сказавши намъ ни слова, онъ принялся издали, незамѣтно для насъ, выслѣживать наши поѣзда, чтобы убѣдиться, что никакіе шпіоны насъ не сопровождаютъ. Продѣлалъ это онъ такъ артистически, что я ничего не замѣтила и была очень удивлена и сконфужена, когда онъ рассказалъ мнѣ объ этомъ послѣ. При нашемъ переѣздѣ дворники, которыхъ въ домѣ было двое, оказывали намъ содѣйствіе, помогая вытаскивать вещи, за что получили щедрое «на чай». Съ этой, кажется, минуты они рѣшили, что къ нимъ переѣхали «хорошіе господа». Мы всегда старались поддерживать такую репутацію и они все время относились къ намъ очень почтительно. Прислуги у новыхъ жильцовъ въ первые дни совѣмъ не было. Грязнова, бравшая сначала на себя роль кухарки, по своимъ личнымъ дѣламъ должна была отложить на время поступленіе въ типографію, поэтому у насъ вышла заминка. Мы объявили дворнику, что ждемъ рекомендованную намъ кухарку. Вскорѣ на должность эту къ намъ опредѣлилась особа, называвшаяся по паспорту Анной Барабановой. Такъ какъ личность ея не была установлена, то я и буду называть ее этимъ именемъ. «Аннушка» была интеллигентная дѣвушка, курсистка, но съ ролью кухарки справлялась, какъ настоящая актриса, которая сама увлекается принятой на себя ролью. Ея природная практичность много помогала ей въ этомъ. Какъ человѣкъ общительный, она живо перезнакомилась съ дворникомъ, его помощникомъ и сосѣдними лавочниками. Ближайшій изъ нихъ сталъ даже задабривать Аннушку подарками, уговаривая ее не покупать продуктовъ нигдѣ, кромѣ его лавочки, и общая ей

за это постоянное вознаграждение. На первый случай онъ подарилъ ей коробочку монпансье. Главное достоинство Аннушки заключалось въ томъ, что она не имѣла конспиративнаго вида и держала себя просто. Аннушка, повидимому, была не прочь поболтать со всѣми этими людьми, при случаѣ немножко побранить своихъ господъ, но всегда умѣла соблюдать чувство мѣры. Приходя къ намъ въ комнаты, она со смѣхомъ передавала намъ эти разговоры, иногда изображая ихъ въ лицахъ.

Когда пришла пора начинать печатаніе 1-го № «Народной Воли», въ квартирѣ былъ водворенъ Абрамъ, товарищъ Буха по старой типографіи. Онъ проживалъ въ квартирѣ «нелегально», т. е. безъ прописки, и поэтому ему предстояло почти безвыходное сидѣніе дома. Началось печатаніе. Наборомъ занимались Бухъ, Абрамъ и я. Потомъ двое изъ насъ должны были стоять у станка при печатаніи листовъ. У станка работала и Аннушка. Хозяйственные обязанности мы съ ней подѣлили и готовили въ кухнѣ обѣдъ по очереди. На своемъ посту, т. е. въ кухнѣ, въ качествѣ прислуги, она обязана была пребывать только утромъ, когда являлся дворникъ съ дровами, мальчикъ изъ мясной лавки и пр. Послѣ того въ кухню изъ постороннихъ людей никто не заходилъ, но въ случаѣ, если звонилъ кто-нибудь съ чернаго хода, должна была выйти и отворить кухарка. Съ параднаго крыльца посѣтителей тоже было немного. По дѣламъ типографіи являлись только два-три лица; черезъ нихъ и велись сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Остальные члены партіи, даже близко стоявшіе къ дѣлу, не должны были знать адреса типографіи, хотя личный составъ ея былъ извѣстенъ имъ.

Кажется, въ концѣ сентября пріѣхалъ новый наборщикъ, Лейзеръ Цукерманъ. Онъ въ типографскомъ дѣлѣ былъ какъ бы въ своей стихіи и потому на другой же день работалъ наравнѣ съ другими. Ему, такъ же какъ и Абраму, пришлось жить въ качествѣ нелегальнаго квартиранта и безвыходно сидѣть дома. Конечно, можно было узаконить ихъ пребываніе въ квартирѣ, но это было нѣсколько рискованно: пришлось бы взять фальшивые паспорта, а прописка таковыхъ сама по себѣ представляетъ рискъ. Кромѣ того, квартира, въ которой скромно живутъ мужъ, жена и кухарка, имѣетъ болѣе благонамѣренный видъ, чѣмъ если въ ней обитаютъ еще квартиранты, да притомъ люди молодые, среди которыхъ попадаются разные вольнодумцы и неблагонамѣренные люди. Намъ хотѣлось такъ обставить квартиру, чтобы, что называется, комаръ носу не могъ подточить. Много было обращено вниманія и на внѣшнюю обстановку квартиры, главнымъ образомъ, на гостиную, которая была видна при входѣ въ переднюю. Незадолго до переѣзда въ Саперный переулокъ намъ представился случай купить не только мебель, но и всю домашнюю обстановку квартиры средней руки у одной почтенной дамы, уѣзжавшей изъ Петербурга. Мебель была вполнѣ приличная, и то, что она была немножко подержанная, даже еще больше подходило для отставнаго чиновника. Передняя ком-

ната, самая лучшая въ квартирѣ, представляла собою самую заурядную гостиную, въ которой красовалось множество вязаныхъ салфеточекъ и разбросанная на столѣ колода картъ и пр. На стѣнѣ, въ числѣ другихъ украшеній, видное мѣсто занималъ большой портретъ Александра II, писанный масляными красками. Въ слѣдующей маленькой комнатѣ помѣщался станокъ для печатанія. Его устанавливали на мягкой кушеткѣ для того, чтобы не производить шума при печатаніи. Самая задняя и отдаленная комната была просторнѣе другихъ, и въ ней удобно было расположить кассы со шрифтами. Въ этихъ двухъ комнатахъ производилась вся типографская работа, и въ ней же должны были помѣщаться трое мужчинъ. Была еще маленькая комната около кухни, которую великодушно уступили мнѣ. Такую роскошь, какъ кровать или матрацъ, могли имѣть только законные жильцы, и наши молодые люди должны были довольствоваться диваномъ и кушеткой, а когда послѣдняя была занята, то приходилось устраиваться на полу или на большой кипѣ типографской бумаги. Хотя въ квартиру эту почти не проникалъ чужой глазъ, но были дни, въ которые мы обязаны были чиститься и прибираться совершенно, какъ передъ обыскомъ. Дѣло въ томъ, что, по разъ установившемуся порядку, хозяинъ дома два раза въ мѣсяцъ, въ опредѣленные дни, посылалъ къ жильцамъ полотеровъ для чистки половъ. Дни эти рѣзко выдѣлялись у насъ. Еще наканунѣ вечеромъ начиналась уборка, въ которой принимали участіе всѣ. Кассы и шрифты прятались въ большіе сундуки; болѣе громоздкія вещи выносились въ переднюю и запрягивались въ большой стѣнной шкафъ. Шкафъ этотъ, въ которомъ помѣщались водопроводныя трубы, точно нарочно былъ устроенъ для нашихъ конспиративныхъ цѣлей. Бумага и отпечатанные листы тоже убирались въ сундуки, но главное вниманіе обращалось на тщательную чистку и выметаніе по угламъ и закоулкамъ: маленькая шрифтинка, или какая-нибудь мелкая принадлежность печатанія, найденная полотерами при уборкѣ, могла насъ погубить не хуже, чѣмъ полное открытіе типографіи. Нелегальные жильцы, Абрамъ и Цукерманъ, должны были съ утра уйти куда-нибудь, одѣвшись по приличію и провести гдѣ имъ угодно цѣлый день. Вечеромъ они снова являлись въ квартиру и усаживались въ ней ровно на двѣ недѣли.

День въ типографіи проходилъ слѣдующимъ образомъ: съ утра принимались за работу, при чемъ одна изъ женщинъ до обѣда была занята хозяйствомъ. Мужчины были очень трудолюбивы по своей спеціальности, но очень неохотно брались за какія бы то ни было хозяйственныя дѣла. Исключеніе составлялъ только Цукерманъ, который, по своему безконечному добродушію, не отказывался ни отъ какой работы и видя, что дамамъ кухня надоѣла, готовъ былъ взяться даже за поварскія обязанности, но мы не злоупотребляли его добротой, или, вѣрнѣе, не особенно довѣряли его кулинарному искусству. Работа продолжалась вплоть до обѣда, послѣ котораго полагался отдыхъ. Около этого времени обыкновенно являлся кто-

нибудь изъ нашихъ обычныхъ посѣтителей и приносилъ намъ извѣстія о томъ, что дѣлается на свѣтѣ. Надо отдать справедливость нашимъ товарищамъ, которые, зная, что мы сидимъ здѣсь, какъ въ тюрьмѣ, старались приносить намъ всевозможныя новости. Бывали дни, когда не являлся никто, потому что въ эту квартиру безъ дѣла ходить не полагалось; посѣтители приносили рукописи или забирали отъ насъ отпечатанное. Отдохнувши и поблагодаривъ за самоваромъ, вся публика снова принималась за работу, которая, впрочемъ, долго никогда не затягивалась. По конспиративнымъ соображеніямъ было рѣшено вечеромъ не работать позже 10 часовъ, и это правило нарушалось только въ исключительныхъ случаяхъ. Такую скучную, однообразную жизнь вели типографщики изо дня въ день, не зная ни праздниковъ, ни отдыха, ни развлеченій. По совѣсти говоря, думаю, что успѣху дѣла много способствовало то обстоятельство, что сюда попали замкнутые, мало общительные люди, иначе имъ было бы слишкомъ тяжело выносить такую жизнь. Буху было лѣтъ 25—26, но на видъ ему можно было дать гораздо больше; это былъ замкнутый и очень молчаливый человѣкъ. По натурѣ онъ былъ довольно неподвиженъ, но въ работѣ усидчивъ; къ тому же онъ относился къ своей работѣ, какъ художникъ, который гордится результатами своихъ трудовъ. Его домашній костюмъ былъ болѣе чѣмъ небреженъ, но заставить его переодѣться или хотя бы почище умыться было не такъ то легко. Если принять во вниманіе, что для выхода на улицу онъ долженъ былъ преобразиться въ настоящаго джентельмена и употребить на это не мало времени, то будетъ понятно его терпѣливое отношеніе къ обязательному сидѣнію дома. Зато въ тѣхъ случаяхъ, когда господинъ Лысенко (подъ такимъ именемъ онъ былъ прописанъ) выходилъ на улицу, видъ у него былъ настолько внушительнъ, шуба настолько хороша, и золотое пенснэ такъ удобно помѣщалось на носу, что дворникъ издали приподнималъ шапку и отвѣщивалъ ему почтительный поклонъ. Суровый баринъ снисходительно кивалъ ему головой.

Его товарищъ Абрамъ, котораго всѣ звали „пташкой“ за его тоненькій голосокъ, былъ еще очень молодъ. Ему было не болѣе 20—22 лѣтъ. О своемъ прошломъ онъ никогда не говорилъ, и мы даже не знали, почему именно онъ сталъ нелегальнымъ человекомъ. Застѣнчивый и скромный, онъ рѣдко вступалъ въ разговоры и всего меньше любилъ говорить о себѣ. Никто не зналъ, о чемъ онъ думаетъ въ то время, когда по цѣлымъ часамъ стоитъ за однообразной работой у типографскаго станка. Несомнѣнно, что «пташка» былъ нервный и впечатлительный человѣкъ. Когда до насъ доходило извѣстіе объ арестѣ кого-нибудь изъ близкихъ людей, Абрамъ принималъ это очень близко къ сердцу и, видимо, не находилъ себѣ мѣста. Его тоска и нервное напряженіе выражались очень своеобразно: вѣроятно потому, что ему нельзя было уйти изъ дому и разсѣять свою грусть, онъ забирался въ кухню, запералъ на-глухо двери и начиналъ какую-нибудь хозяйственную

суету, столь не любимую имъ въ обычное время: чистилъ самоваръ, или мыль шваброй полъ, отчаянно размазывая по угламъ грязь. Нароботавшись въ одиночествѣ до утомленія, онъ ложился спать. Мы смѣясь говорили въ такихъ случаяхъ, что только благодаря общественнымъ бѣдствіямъ, кухня наша иногда принимаетъ весьма хозяйственный видъ.

Къ счастью для такой молчаливой компаніи судьба послала намъ Лейзера Цукермана, этого живого, общительнаго и необыкновенно добродушнаго человѣка. Онъ не былъ ни болтливъ, ни навязчивъ въ разговорѣ, но сидѣлъ молча въ обществѣ себѣ подобныхъ людей онъ былъ не въ силахъ. Если ему не удавалось заставить своихъ товарищей говорить, онъ заставлялъ ихъ во время работы пѣть, всегда начиная первый. Никто изъ насъ не зналъ Цукермана раньше, но онъ сразу сталъ въ пріятельскія отношенія со всѣми нами, и, надо отдать ему справедливость, его присутствіе оживило все наше общество. Онъ былъ гораздо старше всѣхъ своихъ товарищей, но обладалъ какой-то младенчески чистой душой и былъ такъ простъ, что каждому казалось, будто онъ знаетъ Лейзера давнымъ-давно. Онъ былъ еврей изъ западнаго края. Семья его была преисполнена еврейскихъ предразсудковъ, и жилось ему дома такъ плохо, что онъ еще съ юныхъ лѣтъ убѣжалъ за границу, гдѣ и прожилъ половину своей жизни. Не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, онъ поступилъ въ наборщики и работалъ всю жизнь то въ нѣмецкихъ типографіяхъ, то въ русскихъ—эмигрантскихъ.

Его все-таки тянуло вернуться въ Россію и, когда ему предложили ѣхать въ Петербургъ и работать въ тайной типографіи, онъ поѣхалъ не задумываясь. Его ломанный русскій языкъ и незнакомство съ русской жизнью, особенно петербургской, которой онъ не зналъ и раньше, создавали массу курьезовъ. Въ «четверги», когда его отпускали на всѣ четыре стороны, онъ посѣщалъ своихъ немногочисленныхъ знакомыхъ, которыхъ зналъ за границей, и потомъ бродилъ по городу или шелъ въ публичную бібліотеку. Домой онъ приносилъ массу разсказовъ о своихъ приключеніяхъ, на которыя наталкивался въ качествѣ иностранца и цѣлый вечеръ смѣшил публику.

Въ часы отдыха онъ усердно читалъ газеты и слѣдилъ за политикой. Потомъ заводилъ на эту тему общіе разговоры и старался втянуть въ нихъ своихъ молчаливыхъ товарищей. Тѣ охотно поддерживали его въ этомъ направленіи, главнымъ образомъ, потому, что здѣсь начинался неудержимый полетъ фантазіи Цукермана въ область иностранной политики, причемъ онъ смѣло рѣшалъ будущія судьбы европейскихъ государствъ.

Цукерманъ всей душою привязался къ типографскимъ товарищамъ, а также и къ тѣмъ, которые приходили сюда съ воли. Сознаніе своей полезности въ дѣлѣ его вполне удовлетворяло, и онъ, повидимому, былъ доволенъ своимъ новымъ положеніемъ. Его доброта и трогательное вниманіе ко всѣмъ окружающимъ его людямъ создавали ему много друзей, какъ здѣсь, въ типографіи, такъ и

впослѣдствіи въ Карійской каторжной тюрьмѣ, куда онъ попалъ изъ-за той же типографіи. Послѣ ареста Лейзеръ отказался давать какія бы то ни было показанія только потому, что боялся какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ повредить своимъ товарищамъ. Между тѣмъ обвиненія противъ него были вовсе не такъ велики, чтобы ему не стоило выяснять свою роль въ революціонной партіи.

Четвертый членъ нашей компаніи—Аннушка Барабанова не имѣла никакой склонности къ замкнутой жизни и нисколько не скрывала того, что ей здѣсь скучно. Несомнѣнно, здѣсь вліяло то, что она поступила въ типографію на время и ожидала, что ее скоро смѣнятъ. Это ей не мѣшало, впрочемъ, исполнять свою роль прекрасно и устраивать такія сцены, что я съ трудомъ удерживалась отъ смѣха, слушая ихъ изъ другой комнаты. Однажды, на примѣръ, ей пришлось занимать разговоромъ прачку, принесшую бѣлье господамъ Лысенко. Получивъ деньги, прачка присаживается въ кухнѣ, выражая желаніе покалякать. Начинаются разспросы о жалованьи, о господахъ. Аннушка очень охотно отвѣчаетъ на всѣ вопросы. Изъ любопытства прачка заглядываетъ въ дверь сосѣдней съ кухней, моей комнаты. Аннушка объясняетъ, что это спальня барыни. Замѣтивъ, что дверь, ведущая изъ этой комнаты въ другія, не только заперта, но даже заставлена столомъ, прачка изумлена:

— Что это она у васъ запирается отъ своего-то?

— Запирается! — со смѣхомъ отвѣчаетъ Аннушка. — Все вотъ такъ-то! Какъ поссорятся, такъ она его не пускаетъ къ себѣ!

— О! Ссорятся?

— Да еще какъ! Ты бы посмотрѣла! И то сказать: она-то молоденькая, а онъ—старикъ! Ей въ театръ хочется, или потанцовать гдѣ, а онъ, аспидъ, не пускаетъ; ну и грызутся, прости Господи!

Черезъ два мѣсяца мы провожали Аннушку, которая заявила своимъ пріятелямъ во дворѣ, что не поладила съ господами и бросаетъ мѣсто. Послѣ того въ квартирѣ водворилась Грязнова, еще молодая дѣвушка, болѣзненная и нервная.

Такъ монотонно и однообразно тянулась жизнь въ типографіи. Казалось, что она можетъ просуществовать такимъ образомъ цѣлые годы, и ничего въ ней не измѣнится. По внѣшности все было обставлено такъ хорошо и прочно. Несмотря на это, трудно было уберечься отъ разныхъ случайностей, къ числу которыхъ можно отнести слѣдующее приключеніе.

Однажды ночью я была разбужена звонкомъ съ чернаго хода. Для людей въ нашемъ положеніи такой звонокъ могъ означать: «все кончено», тѣмъ болѣе, что у насъ заранѣе было рѣшено встрѣтить полицію съ оружіемъ въ рукахъ. Надо было будить всю публику. Одѣвшись наскоро, я подошла къ двери и спросила: «Кто тутъ?» Мнѣ отвѣтилъ незнакомый голосъ:

— Я водопроводчикъ. Пустите пожалуйста посмотрѣть у васъ трубы; внизу заливаетъ квартиру водой и мы не знаемъ, гдѣ течь!

Я стояла въ недоумѣннн; съ одной стороны, это ночное посѣщеніе подозрительно, а съ другой—можетъ быть, и правда водо-проводчикъ. Не стрѣлять же въ него изъ револьвера! Не зная, что предпринять, я закричала черезъ дверь:

— Погодите, пойду спрошу у господы и рѣшила послѣ этой, невольно вырвавшейся фразы, что, стало быть, мнѣ надо разыграть роль прислуги. Грязнова въ это время спала въ гостиной, потому что въ кухнѣ было холодно, и мнѣ не хотѣлось тревожить ее, пока нѣтъ опасности. Мужчины уже поднялись въ это время, услыхавши мои переговоры, и мы рѣшили, что я отворю,—будь, что будетъ!

Оказалось, что это дѣйствительно рабочій, приведенный дворникомъ, чтобы осматривать трубы. Тутъ только я сообразила, что мнѣ нельзя играть роль кухарки, потому что дворникъ меня знаетъ. Къ счастью, онъ только впустилъ рабочаго, а самъ отправился внизъ, гдѣ случилась бѣда. Осмотрѣвши трубы въ ватеръ-клозетѣ, рабочій заявилъ: «Ничего не видать здѣсь, откройте шкафъ, тамъ вѣдь тоже трубы». Новое затрудненіе! Въ шкафу у насъ были сложены нѣкоторыя типографскія принадлежности, потому что это былъ четвергъ, день, въ который, какъ я уже говорила, мы все прятали. Я рѣшила поторговаться:

— Вы видите, шкафъ запертъ на замокъ, а ключи у барыни; она и то разсердилась что я ее потревожила изъ за-вась!

— Надо побудить!

— Не стану я будить барыню. Она у насъ сердитая, да еще хвораетъ теперь. Можетъ и не въ этихъ трубахъ дѣло, а внизу.

Рабочій почесалъ затылокъ и объявилъ:

— Ну схожу еще тамъ погляжу. Потомъ найду опять и тогда уже какъ хочешь, добывай ключъ.

Товарищи мои слышали весь этотъ разговоръ изъ сосѣдней комнаты и, какъ только я заперла дверь за рабочимъ, принялись вытаскивать изъ шкафа все, что нужно было спрятать отъ глазъ посторонняго человѣка. Отъ шкафа, продѣланнаго въ стѣнѣ передней, до задней комнаты, куда мы сносили вещи, забѣгало горопливо цѣлыхъ пять паръ ногъ, которыя, конечно, произвели бы шумъ, если бы мы всѣ не ходили въ мягкихъ войлочныхъ туфляхъ, которыя считались у насъ необходимою принадлежностью всякаго работника. Черезъ нѣсколько минутъ все было готово и, когда вернувшійся водопроводчикъ снова потребовалъ, чтобы открыли шкафъ, я подчинилась, вынесла «отъ барыни» ключи, и онъ сдѣлалъ свое дѣло:

Въ эту ночь вся наша компанія уже не ложились спать, настолько сильно взбудоражило ее это происшествіе.

Эта случайность не повредила намъ, но все же, въ концѣ концовъ, тайная типографія погибла изъ за случайности, или, вѣрнѣе, изъ-за оплошности тамъ, гдѣ меньше всего можно было опасаться этого.

При обыскѣ, произведенномъ у Мартыновскаго (члена партіи «Народной Воли», но не имѣвшаго никакого отношенія къ типо-

графіи) былъ найденъ цѣлый складъ паспортовъ и печатей, очевидно оставленныхъ у него на храненіи. Среди этихъ бумагъ была копія, снятая съ паспорта Лысенко. Паспортъ этотъ былъ настоящій, кажется, умершаго лица, и вотъ кто-то, очевидно, устраивая себѣ паспортъ, пожелалъ списать себѣ форму, но не догадался, что не нужно проставлять на немъ имя и фамилію лицъ, живущихъ уже по этимъ документамъ. Этотъ клочекъ бумажки, смятый даже, (повидимому, его просто забыли уничтожить) и погубилъ все наше дѣло... Какъ мало сама полиція придавала значенія этой бумажкѣ, видно изъ того, что справку въ адресномъ столѣ объ лицахъ, упомянутыхъ тутъ, сдѣлали не сейчасъ же, а спустя нѣкоторое время, а для обыска присланы были даже не жандармы, а простые полицейскіе чины. Послѣднее обстоятельство доказывало, что мы удостоились вниманія всего лишь градоначальника, а не III отдѣленія. Намъ было бы гораздо выгоднѣе имѣть дѣло съ этимъ грознымъ учрежденіемъ, потому что тамъ у насъ былъ свой человекъ Клѣточниковъ, который, конечно, успѣлъ бы предупредить насъ. Въ послѣднемъ случаѣ могла бы погибнуть типографія, если бы мы не успѣли ее перетащить въ другое мѣсто, но люди были бы цѣлы.

Разгромъ тайной типографіи произошелъ въ январѣ 1880 года. Снова я была разбужена среди ночи звонкомъ. На этотъ разъ звонили съ параднаго крыльца. Я вышла въ переднюю, заглянула въ окно, выходящее на лѣстницу, и сразу увидѣла на освѣщенной лѣстницѣ полицейскихъ, которыхъ привелъ нашъ старшій дворникъ. Дверь я имъ, конечно, сразу не отворила, а начала будить публику. Всѣ моментально вскочили, а я въ это время вспомнила, что у меня въ комодѣ скопилось много писемъ и бумагъ, которыя были принесены сюда только потому, что ихъ надо было тщательно спрятать, а наша квартира считалась мѣстомъ надежнымъ. Тогда я рѣшила, что моя первая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить все это. Я заперлась въ своей комнатѣ, поставила на полъ большой умывальный тазъ съ водою и начала жечь надъ нимъ бумаги, вытаскивая ихъ изъ комода. Боялась очень, чтобы не осталось какого нибудь адреса или фамиліи, но разбирать было некогда; за стѣной были слышны выстрѣлы, бѣготня, а съ лѣстницы раздавался стукъ ломаемой двери и неистовые крики.

Надо было спѣшить туда. Когда я вышла, то съ удивленіемъ замѣтила, что входная дверь еще не сломана, а за нею по старому стучать и кричать полицейскіе. Оказалось, что послѣ первыхъ же выстрѣловъ они поспѣшили погасить огонь и послать за подкрѣпленіемъ въ жандармскія казармы; оставшіеся же залегли на лѣстницѣ, такъ какъ выстрѣлы продолжались и въ темнотѣ. Наша компанія не рассчитала этого и даромъ потратила почти всѣ свои заряды. Въ этой сутолокѣ замѣтнѣе всѣхъ была фигура Абрама: онъ изступленно метался по квартирѣ и почти безъ перерыва стрѣлялъ въ окно, несмотря на то, что дверь уже начала охать. Къ этому времени въ комнатахъ у насъ воцарилась полная темнота по слѣдующей причинѣ: было условлено, что въ слу-

чаѣ погрома, мы разобьемъ стекла въ тѣхъ окнахъ, которыя видны съ улицы, для того, чтобы наши посѣтителы сразу узнали объ этомъ; каждый изъ нихъ проходилъ по противоположной сторонѣ улицы и глядѣлъ на наши окна, раньше чѣмъ войти въ подъездъ. Мы исполнили это настолько добросовѣстно, что разбили всѣ стекла (кто-то даже пытался сломать оконную раму), послѣ того въ квартирѣ сталъ гулять такой вѣтеръ, что у насъ погасли всѣ лампы и свѣчи. Разбивали стекла тяжелыми предметами, вродѣ гранокъ или связокъ шрифта. Этимъ и объясняется то, что подъ окнами полиція нашла всѣ эти предметы и на судѣ говорилось о томъ, что мы, «желая спасти типографскія принадлежности, выбрасывали ихъ изъ окна». Благодаря такому приему, Александръ Михайловъ, котораго мы ждали на слѣдующее утро, прошелъ съ невозмутимымъ видомъ мимо разгромленной квартиры въ то время, какъ совершенно непричастные люди были арестованы только по одному подозрѣнію, что они идутъ въ домъ № 10.

Когда полиція ворвалась, наконецъ, въ квартиру, мы собрались всѣ вмѣстѣ въ третьей комнатѣ, но не стрѣлялъ уже никто, и револьверы были безъ зарядовъ. Дверь была только притворена, но несмотря на это, ее колотили топорами вмѣсто того, чтобы открыть. Съ нашей стороны кто-то крикнулъ «Сдаемся!», но за дверью все-таки только ругались площадною бранью и колотили въ косякъ двери. Наконецъ, одна половинка двери была открыта, но никто изъ всей ватаги не хотѣлъ заходить первымъ, ожидая засады съ нашей стороны; кромѣ того, они не вѣрили своимъ глазамъ и не хотѣли допустить, чтобы насъ было только четверо. Къ этому моменту пятый, Абрамъ, уже удалился изъ комнаты; подъ трескъ ломаемой двери, онъ сталъ спѣшно и возбужденно прощаться съ нами. Онъ обнялъ и поцѣловалъ по очереди всѣхъ товарищей, говоря каждому: «прощайте!» Никто не зналъ о его намѣреніи застрѣлиться и каждый, вѣроятно, думалъ, что онъ прощается, зная, что всѣхъ насъ сейчасъ повезутъ въ тюрьму. Его исчезновеніе изъ комнаты за общей сутолокой прошло незамѣтно, а застрѣлился онъ, вѣроятно, въ ту минуту, когда разъяренная толпа врвалась къ намъ въ комнату. Мы были моментально сбиты съ ногъ и связаны, но наши враги никакъ не могли успокоиться и все искали «остальныхъ». Рѣшили искать ихъ въ послѣдней комнатѣ, направившись туда съ гиканьемъ и ругательствами, но тамъ наткнулись на трупъ нашей бѣдной «пташки», плавающей въ крови. Очевидно, онъ умеръ сразу.

Поднялась суета. Послали за докторомъ, прокуроромъ и за полицеймейстеромъ. Насъ тѣмъ временемъ разсадили по стульямъ со связанными руками и приставили по два стражника къ каждому человѣку. Побѣдители торжествовали и считали своей обязанностью сквернословить. Ихъ было человѣкъ 20 если не больше, а насъ четверо, да еще связанныхъ. Старались, конечно, не столько по долгу службы, сколько потому, что въ нихъ проснулся дикій звѣрь. Докторъ, призванный для того, чтобы констатировать смерть

Абрама, проходя мимо насъ замѣтилъ, что руки у насъ затянуты слишкомъ сильно; веревки впились въ тѣло и руки посинѣли. Тутъ же былъ еще кто-то изъ высшаго начальства и поэтому, вѣроятно, веревки или полотенца, которыми были связаны руки, были ослаблены. Но лишь только эти господа удалились, какъ насъ снова скрутили приговаривая: „нечего ихъ жалѣть!“ Такъ мы просидѣли часа полтора, пока производился осмотръ квартиры. Болѣе тщательный обыскъ произвели уже на другой день, когда мы сидѣли въ Петропавловской крѣпости. Тутъ, должно быть, полиція хозяйничала, какъ ей нравилось, результатомъ чего явилось то обстоятельство, что, когда намъ, спустя мѣсяца два, позволили получить свои вещи съ квартиры (до того времени не давали ничего, такъ что пришлось сидѣть безъ денегъ и безъ бѣлья), то оказалось, что ни платья, ни бѣлья, ни часовъ не нашли, принесли въ тюрьму какой-то ворохъ старья въ перемежку съ грязнымъ бѣльемъ.

Полиція приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы обнаружить фамилію застрѣливагося, но безуспѣшно. Задавали ли объ этомъ вопросы кому-нибудь изъ арестованныхъ—не знаю. Сама я отказалась давать какія бы то ни было показанія, какъ о себѣ лично, такъ и вообще о дѣлѣ типографіи.¹⁾

Софья Иванова-Борейша.

---

¹⁾ Фамилія застрѣливагося „Абрама“—Лубкинъ.

Ред.

Самодержавіе Николая I и французское общественное мнѣніе.

I.

Русское самодержавіе съ давнихъ поръ и вплоть до послѣдняго времени было всегда равнодушно къ своей европейской репутаціи. Только въ послѣдніе, революціонные годы оно какъ бы махнуло на эту сторону дѣла рукой: не до репутаціи тутъ, когда схватили за горло мертвую хваткою, и никакихъ утѣшительныхъ перспективъ не предвидится. Теперь устраивать бойни, вѣшать несовершеннолѣтнихъ, громить артиллеріей деревни, насиловать женщинъ—представляется этимъ людямъ, допустимымъ и вполне позволительнымъ, и вся забота лишь въ томъ, чтобы поддержать свое реномэ у банкировъ и биржи,—а это реномэ зависитъ, прежде всего, отъ того, считаютъ ли банкиры правительство сильнымъ, а не отъ того, считаютъ ли они его поступки гуманными или варварскими.

И, смѣшивая насиліе съ силою, правительство думаетъ, что никакое звѣрство уже его реномэ не повредитъ, лишь бы только каждый разъ послѣднее слово въ схваткѣ осталось не за врагами, не за революціей. Интересно мнѣніе людей, дающихъ деньги на продолженіе борьбы съ народомъ; неинтересно мнѣніе всего остального человѣчества, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Вотъ къ чему сводятся нынѣшнія заботы самовластиа о своей европейской репутаціи. Важна ласка отъ Мендельсона, а не отъ Анатоля Франса, ибо ничего отъ Европы, кромѣ денегъ, не требуется. Давно уже Тургеневъ сказалъ, что смерть всегда имѣетъ въ себѣ что-то правдивое; смерть, надвигающаяся на абсолютизмъ, уже разрушила въ самомъ своемъ приближеніи вѣковыя постройки условной и безусловной лжи, созданныя существованіемъ системы, которая безъ этой лжи не могла бы держаться. И вотъ, къ той «зоологической правдѣ», которую мы только что старались охарактеризовать,—и свелись теперь всѣ тревоги нашей политической системы о своей «доброй славлѣ».

Не такъ было прежде, въ невозвратные, счастливые дни петербургскаго самодержавія. Начиная съ Екатерины, самолично написавшей опроверженіе («l'Antidote») на путевыя записки Шаппа д'Отроша, переписывавшейся съ энциклопедистами, хлопотавшей долгіе годы надъ тѣмъ, чтобы систематически сбивать съ толку и Вольтера, и Дидро, и Гримма касательно русскихъ дѣлъ; начиная съ этой лукавѣйшей изъ русскихъ императрицъ, представители самодержавной власти не переставали заботиться о своевременномъ внушеніи Европѣ самыхъ благопріятныхъ представленій относительно себя самихъ и своего обращенія съ вѣрноподданными. У Павла эта черта была, конечно, менѣе замѣтна, чѣмъ у Екатерины, чѣмъ у Александра и Николая, но даже и у него она проглядываетъ. Александръ Павловичъ обладалъ этою чертою въ высокой степени. Онъ и либеральныя мысли высказывалъ, и Наполеона I чуть не въ республиканскій образъ мыслей совращалъ, и хартію при реставраціи Бурбуновъ поддерживалъ, и свои гуманныя заботы о крестьянахъ не прочь былъ выставить на видъ, и въ концѣ концовъ, ему указанная задача удалась достаточно хорошо. И Екатерина, и Александръ умно дѣлали это свое дѣло, а кромѣ того, жить и дѣйствовать пришлось имъ въ эпоху, когда, не говоря уже объ остальной Европѣ, даже во Франціи конституціонный режимъ еще только начинался. Кромѣ послѣднихъ семи лѣтъ Екатерины и послѣднихъ 11 лѣтъ царствованія Александра, во Франціи за весь этотъ періодъ дѣйствовалъ либо абсолютизмъ Бурбоновъ, либо военный деспотизмъ Наполеона; объ остальныхъ государствахъ континентальной Европы и говорить нечего.

Мало того. Даже Англія никогда не переживала со времени паденія Стюартовъ такой реакціонной эпохи, какъ царствованіе Георга III и начало правленія Георга IV, т. е., именно время, соответствующее періоду Екатерины II, Павла и Александра I. Русскому абсолютизму, слѣдовательно, можно было чувствовать себя не совсѣмъ одинокимъ и отверженнымъ. Если же принять во вниманіе, что эта эпоха была временемъ расцвѣта военно-дипломатическаго могущества русскаго самодержавія, то мы поймемъ, почему ко времени вступленія на престолъ Николая I, репутація русскаго абсолютизма стояла высоко.

И именно при Николаѣ I она испортилась, и ни разу уже истиннымъ образомъ не поправлялась съ тѣхъ поръ. Все шло впередъ, выступали новыя жизненныя потребности, новыя идеи; одинъ Николай стоялъ на мѣстѣ и задерживалъ Россію. Абсолютизмъ существовалъ въ его время и въ Пруссіи, и въ Австріи, и въ королевствѣ обѣихъ Сицилій. Но даже этотъ послѣдній, даже абсолютизмъ неаполитанскихъ Бурбоновъ, не сталъ въ глазахъ либеральной Европы такъ ненавистенъ, какъ абсолютизмъ Николая; даже о Меттернихѣ не говорили съ такимъ возмущеніемъ, съ такимъ ужасомъ; и только бойней польскихъ помѣщиковъ въ 1846 году Меттернихъ напомнилъ Европѣ, что и онъ ревностно воздвѣдываетъ свою ниву по мѣрѣ силъ. Что касается, на примѣръ, Прус-

си, то, конечно, и ея администрація, и ея государственное хозяйство были въ наилучшемъ состояніи, какое только, вообще, возможно при абсолютизмѣ; ея короли, особенно взбалмошный, добродушный и романтичный Фридрихъ-Вильгельмъ IV, до курьеза не походили на тирановъ.

Юльская, потомъ Февральская революція, со всѣмъ, что и за первую, и за вторую слѣдовало, перевернули все въ Европѣ: Николай и къ первой, и ко второй революціи отнесся вполне недобрительно. Онъ сталъ самымъ страшнымъ и активнымъ врагомъ европейской свободы; онъ ссорился не только съ народами, но и съ правительствами (французскимъ, бельгійскимъ), возникавшими изъ революцій... Тридцать лѣтъ онъ стоялъ на стражѣ всесвѣтной реакціи. И чувство, которое онъ внушалъ, усиливалось въ необычайной степени, когда въ Европѣ стали присматриваться къ тому, что онъ самъ дѣлалъ у себя дома. Скучно и поверхностно знали николаевскій режимъ въ Европѣ; девять десятыхъ правительству удавалось укрыть отъ нескромныхъ глазъ; изъ газетъ европейскихъ (этого періода) многого не узнаешь о Россіи. Но и то, что писалось, было достаточно страшно. Больше давали книги о Россіи, которыя и займутъ насъ здѣсь главнымъ образомъ; нѣкоторыя изъ нихъ давали общую характеристику режима и царя, и этотъ матеріалъ становился основой для сужденій прессы.

Пересмотрѣвши всю руководящую французскую прессу 30-хъ и 40-хъ г.г., мы говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что о внутреннихъ дѣлахъ Россіи писалось въ тогдашнихъ газетахъ несравненно меньше, нежели, напр., пишется теперь о внутреннихъ дѣлахъ Абиссиніи.

Самое *слово* Россія поминалось тогда, когда рѣчь шла о дипломатическихъ сюжетахъ, и почти все, относящееся къ характеристикѣ «внутреннихъ» подвиговъ самодержавія, бралось, повторяемъ, изъ книгъ, описаній, путешествій, памфлетовъ, политическихъ брошюръ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы не хотимъ дать сколько-нибудь исчерпывающаго обзора литературы о Россіи, опубликованной во Франціи за время царствованія Николая I. Насъ тутъ будетъ интересовать исключительно одно: выясненіе, хотя бы въ общихъ чертахъ, причинъ того серьезнаго историческаго факта, что, когда Наполеонъ III по личнымъ своимъ соображеніямъ счелъ нужнымъ начать противъ Россіи войну, то онъ встрѣтился съ единодушною поддержкою самыхъ разнообразныхъ общественныхъ классовъ и политическихъ партій,—отъ стараго дворянства до рабочихъ, отъ клерикаловъ до социалистовъ. Какъ подготовился этотъ искренній взрывъ ненависти къ Николаю? Какъ ухитрилось самодержавіе всероссійское приготовить и вооружить противъ своего несчастнаго народа такого яростнаго врага,—врага, воевавшего, можно сказать, не за страхъ, а за совѣсть, ибо, положительно, крымская кампанія является одною изъ популярнѣйшихъ войнъ, которыя когда-либо вела французская нація. Франція явилась самымъ сильнымъ

изъ всѣхъ членовъ коалиціи, обрушившейся на Россіи, и можно не колеблясь утверждать, что *этотъ* членъ коалиціи пошелъ въ бой съ тѣмъ одушевленіемъ, которое никакими дипломатическими или династическими мотивами объяснить нельзя. Русское самодержавіе превратило авантюру Наполеона III во французскую національную войну и, eo ipso, способствовало успѣху французовъ.

Русскій абсолютизмъ, бывшій всегда страшилищемъ для Европы, успѣлъ за эпоху Николая I стать окончательно позоромъ для Россіи. Именно съ того времени въ Европѣ начинается то движеніе общественнаго мнѣнія противъ самодержавія, которое, то ослабѣвая, то усиливаясь, уже ни разу не прекращалось окончательно. Конечно, тамъ и тогда, гдѣ и когда руководящимъ общественнымъ классамъ казалось выгоднымъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ поддерживать русскую политику,—они ее поддерживали, и общественное отвращеніе къ русскому самодержавію ни разу не оказалось достаточно могущественнымъ, чтобы оказать серьезное противодѣйствіе въ этомъ смыслѣ. Но зато стоило любому европейскому правительству обнаружить враждебное къ Россіи отношеніе, чтобы мгновенно на его сторонѣ оказалось явственное сочувствіе общественнаго мнѣнія, толкавшее дипломатію съ полнымъ усердіемъ къ расширенію и углубленію конфликта. И даже страхъ предъ русскимъ могуществомъ не пересиливалъ этой жажды схватки: на примѣръ, Николая I очень могущественнымъ считали предъ крымской войной, и, однако, повторяемъ, эта война сопровождалась прямо-таки всеобщимъ ликваніемъ во Франціи и поздравленіями правительству, не отступившему предъ Николаемъ.

И совершенно безспорно, что началось это уже никогда не прекращавшееся теченіе общественной мысли въ Европѣ именно со временъ Николая. Русскій народъ могъ бы повторить о Николаѣ I шекспировскія слова: «Онъ охлаждалъ моихъ друзей, разгорячалъ моихъ враговъ»...

Отношеніе общественнаго мнѣнія къ самодержавію всегда было обстоятельствомъ, усугублявшимъ для Россіи тяжесть и остроту дипломатическихъ конфликтовъ и уменьшавшимъ преимущества выгодныхъ конъюнктуръ, когда таковыя случались.

Въ предлагаемой статьѣ мы и хотѣли бы остановиться на нѣкоторыхъ моментахъ въ процессѣ развитія и укрѣпленія этой враждебной русскому самодержавію силы, и именно во Франціи, гдѣ, какъ уже сказано, общественное мнѣніе такъ единодушно поддержало Наполеона III въ его политикѣ въ 1853—55 г.г. И не только потому выбрали мы Францію, что Франція сыграла такую рѣшающую роль въ жизни николаевского режима, когда наступилъ часъ расплаты этого режима за всѣ его дѣла: на французской публицистикѣ и литературѣ лучше всего сказывалось означенное движеніе европейскаго общественнаго мнѣнія въ тѣ времена. Англія интересовалась внутренними дѣлами Россіи совсѣмъ уже мало, и за весь періодъ ея публицисты и путешественники не дали, кромѣ

2—3 единичныхъ исключеній¹⁾, мало-мальски серьезныхъ матеріаловъ для характеристики самодержавія. Что касается до Пруссіи, германскихъ государствъ и Австріи, то, задавленная своею цензурою, пресса этихъ государствъ не смѣла никакъ высказываться о могущественномъ сосѣдѣ иначе, нежели въ самыхъ сладчайшихъ выраженіяхъ или, въ лучшемъ случаѣ, путемъ намековъ.

Франція тоже дала мало книгъ о Россіи за весь этотъ періодъ,— и изъ того, что дала, мы будемъ говорить исключительно о касающемся самодержавія и самодержца. Къ этому скудному матеріалу мы можемъ прибавить кое-какія мнѣнія періодической прессы, вліяніе которой такъ возросло во Франціи съ 1830 года. Общая характеристика отношенія французскихъ руководящихъ органовъ печати къ тѣмъ слишкомъ немногимъ проявленіямъ русскаго правительственнаго варварства, слухъ о которыхъ Бенкендорфамъ и Дуббельтамъ не удавалось задавить окончательно, а также характеристика тѣхъ книгъ о Россіи, вліяніе которыхъ особенно сказалось на репутаціи русскаго самодержавія,—вотъ что составитъ содержаніе настоящихъ замѣтокъ.

II.

10-го января (нов. стilia) 1826 года въ Парижъ прибыли извѣстія, что «въ Петербургѣ дерутся». Официальная газета сообщила русскую правительственную версію, что большинство—болѣе «заблуждающіеся», нежели «виновные», что мертвыхъ осталось на полѣ битвы 200 человѣкъ, и что императоръ «за весь день обнаружилъ благороднѣйшій характеръ».

Такъ изъяснялся казенный «Journal officiel du soir». Въ тогдашнихъ реакціонныхъ сферахъ французскаго правительства и двора Карла X извѣстіемъ этимъ были очень смущены и испуганы. Общество также чрезвычайно заинтересовалось пришедшими извѣстіями.

Умѣренно-либеральный (по тогдашнему) «Journal des Débats» очень читавшійся не только во Франціи, но и за границей, приглашалъ публику не судить о петербургскихъ событіяхъ «со страстиаею». Каковы будутъ послѣдствія этого бунта для Европы?—спрашиваетъ газета²⁾, еще не увѣренная въ окончательномъ успокоеніи въ Россіи. Газета думаетъ, что русскій императоръ, побѣдивши возстаніе, принужденъ будетъ завести войну съ Турціей, «чтобы положить конецъ внутреннему разладу». Въ слѣдующихъ №№ газета, въ рядѣ передовыхъ статей останавливается снова на русскихъ дѣлахъ и на возможности военнаго переворота. Она обнаруживаетъ, между прочимъ, курьезное невѣжество относительно истинной природы военныхъ поселеній, «учрежденія страшнаго и внутри страны, и для за-

¹⁾ О самой любопытной изъ этихъ книгъ рѣчь будетъ впереди, такъ какъ она была переведена цѣликомъ на французскій языкъ и оказала вліяніе совершенно безспорное на французское общественное мнѣніе.

²⁾ Journal des Débats, 12 Janvier (нов. стilia) 1826, 3-я страница.

границы», и сближаетъ ихъ съ римскими пограничными легионами, низвергавшими и возводившими императоровъ. Газета полагаетъ также, что Николай отнынѣ будетъ стараться привлечь къ себѣ сердца солдатъ. «Наслѣдникъ царей прочелъ это въ завѣщаніи Екатерины II: *хорошо помните, что войска—это—все*» ¹⁾. Органы оппозиціи выражали недовѣріе къ тому официальному утвержденію, будто бунтъ въ Петербургѣ устроенъ «подонками народа». Умѣренная пресса наивно выражала увѣренность, что «молодой монархъ» оставшись побѣдителемъ, пощадитъ жизнь попавшихся въ его руки ибо сама императорская фамилія отчасти виновата въ происшедшемъ,—не слѣдовало дѣлать государственннй секретъ изъ отреченія Константина. Въ общемъ, декабрьскій бунтъ былъ очень плохо и поверхностно понятъ во Франціи; его понимали либо какъ борьбу династическихъ партій, либо какъ мятежное, анархическое выступленіе «отбросовъ» арміи, «у которыхъ цѣль—анархія, средство—убійство». И эта послѣдняя (русско-правительственная) версія, въ сущности, не вызвала окончательнаго и авторитетнаго отпора. Въ итогѣ—впечатлѣніе получилось для Николая даже выгодное: о его «геройскомъ поведеніи» 14 декабря говорили въ теченіе всего его царствованія даже люди, довольно хорошо его натуру понявшіе. Уже со второй половины января 1826 года извѣстія изъ Россіи становятся все рѣже и безсодержательнѣе. Воцаряется полное господство официальной русской лжи; если наше правительство лгало самымъ беззавѣтнымъ образомъ даже въ эпоху развитыхъ сѣтей телеграфовъ и телефоновъ, въ эпоху мировыхъ связей биржи и индустріи, то насколько же это было легче въ тѣ времена, когда Россія на самомъ дѣлѣ была отрѣзана заборами самодержавія отъ всего міра! Къ тому же Франція слишкомъ была поглощена своими внутренними дѣлами вплоть до самой Іюльской революціи, чтобы обращать какое бы то ни было вниманіе на рѣдкія и скудныя вѣсти изъ Россіи.

Официозная газета Австріи, откуда свѣдѣнія о заговорѣ и событіяхъ 14 декабря перепечатывались французскими газетами, дѣлала все, чтобы унизить и опозорить декабристовъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Консервативная пресса Франціи весьма восторгалась Николаемъ Павловичемъ и изображала бунтъ дѣломъ рукъ нѣсколькихъ честолюбцевъ, которымъ удалось сбить съ толку невѣжественныхъ и пьяныхъ солдатъ. Нужно замѣтить, что русское правительство съ особеннымъ злорадствомъ спѣшило расписать, какъ унижался «диктаторъ» Трубецкой предъ Николаемъ, какъ государь «великодушно» сказалъ ему: «если вы чувствуете силу пережить вашъ позоръ и угрызения совѣсти,—то вы можете извѣстить вашу жену, что я вамъ дарую жизнь. Это—единственное, что я могу вамъ обѣщать» и пр. и пр. Трубецкой при семъ иронически именовался «героємъ», «Катилиною» и т. п. ²⁾ Самый про-

¹⁾ Journal des Débats, 13 Janvier 1826 r.

²⁾ См. Annuaire his torique universel, 1825, стр. 390 (Paris 1826, изд. Lesur.)

цессъ декабристовъ вызвалъ нѣсколько замѣчаній въ либеральной прессѣ касательно «самобытности» русскихъ «судебныхъ» формъ, при которыхъ подсудимые не могутъ защищаться мало-мальски правильно и не имѣютъ ни малѣйшихъ гарантій». Собственно, при этомъ тайномъ, застѣночномъ веденіи дѣла и полномъ отсутствіи защиты, при составѣ судей, являвшихся назначенными и покорными рабами своего господина, конечно, о «правосудіи» трудно было и толковать. Но это не помѣшало роялистическимъ органамъ все-таки считать, что слѣдствіе велось тщательно, и что этотъ процессъ все же „есть дань деспотическаго, но просвѣщеннаго правительства“ правамъ человѣка. Очевидно, даже тогдашнимъ друзьямъ самодержавія казалось, что если оно не просто рубить головы и душить, какъ это имѣетъ мѣсто въ Дагомеѣ въ присутствіи и по повелѣнію дагомейскаго властителя, а устраиваетъ предварительно комиссію, то и это уже прогрессъ. Затѣмъ, послѣ казни и ссылки декабристовъ, съ полною готовностью кто-то распространялъ въ европейской прессѣ извѣстія о великодушныхъ поступкахъ Николая по отношенію къ его врагамъ: г-жа Рылѣва впала въ душевное разстройство послѣ казни мужа, а Николай посылалъ къ ней неоднократно своего адъютанта для оказанія помощи и покровительства; отецъ Пестеля получилъ 50 тысячъ рублей и аренду и пр. и пр. Отъ всѣхъ этихъ разсказовъ, въ соединеніи съ легендою о поведеніи царя въ самый день возмущенія, и осталось то, въ общемъ, благопріятное для Николая впечатлѣніе, которое было разрушено вполслѣдствіи расправою съ поляками. Не надо забывать, что и дипломатическія отношенія между Франціей и Николаемъ въ 1825—30 гг. были весьма хороши,—и это также шло на пользу репутации Николая во французскомъ обществѣ, всегда внимательно слѣдящемъ за внѣшнею политикою.

III.

Іюльская революція, возстаніе въ Польшѣ и усмиреніе его круто (и ужъ навсегда) измѣнили отношеніе французскаго общественнаго мнѣнія къ Николаю. Прежде всего, самъ Николай сталъ въ прямо угрожающую позицію: торжество Іюльской революціи задѣло его, какъ личная обида, онъ демонстративно враждебно отнесся сразу къ Луи-Филиппу, и нѣкоторое время шли даже толки о желаніи Николая воевать съ Франціей. Либерализмъ, только что восторжествовавшій, увидѣлъ въ Николаѣ самаго грознаго и непримиримаго врага, который всею душою хотѣлъ бы вмѣшаться во французскія дѣла и возстановить Карла X. Вотъ почему, когда въ Польшѣ, спустя четыре мѣсяца вспыхнуло возстаніе, которымъ Николай оказался поглощенъ въ теченіе всего года, то широкіе круги общества,—и не только радикальная оппозиція, но и правящая крупная буржуазія,—выражали неоднократно въ своихъ органахъ ту мысль, что Польша спасла Францію отъ войны съ Николаемъ. Традиціонныя симпатіи къ Польшѣ, желаніе полного торжества дѣлу польской свободы—

слились,—такимъ образомъ, съ чувствомъ живой признательности. Французы втеченіе всего 1831 года слѣдили съ громаднѣмъ интересомъ за ходомъ военныхъ дѣйствій, и когда, въ сентябрѣ 1831 года, Варшава была взята, бурныя противоправительственныя манифестаціи въ Парижѣ показали, что не всѣ сочувствуютъ осторожной политикѣ короля, не желавшаго вмѣшиваться въ русско-польскія дѣла. Но все-таки, несмотря на всѣ симпатіи къ Польшѣ, французская даже радикальная пресса не обнаруживала еще къ Николаю такого враждебнаго отношенія, какъ впослѣдствіи; въ 1831 году, до взятія Варшавы онъ былъ воюющей стороною, онъ велъ войну, т. е. дѣлалъ то же, что дѣлалъ, напр., голландскій король, воевавшій тогда съ бельгійцами. Но содроганіе ужаса пронеслось въ Европѣ (особенно же во Франціи и Англии), когда съ конца 1831 года и потомъ, въ теченіе 30-хъ годовъ стали приходиться извѣстія о томъ, какъ мститъ Николай полякамъ за ихъ уже погибшее возстаніе, какъ неслыханно казнить онъ каторгою, солдатчиною, тюрьмою, Сибирью, розгами и шпицрутенами, реквизиціями и конфискаціями и виновныхъ, и невинныхъ. Уже слова Дибича, что будутъ наказаны виновные и пощажены *«насколько возможно»* невинные ¹⁾, показали Франціи, что русское самодержавіе говоритъ совсѣмъ на другомъ языкѣ, нежели самыя свирѣпыя европейскіе усмирители. И это еще было сказано въ первые дни возстанія. Всѣ неистовства репрессій обрушились на Польшу, когда инсургенты были окончательно уничтожены, и Паскевичъ вошелъ въ Варшаву побѣдителемъ. Уничтоженіе польской конституціи «органическимъ статутомъ» вызвало протесты Англии и Франціи, но эти протесты рѣшительно никакого дѣйствія не оказали. Страшныя наказанія и истязанія, сыпавшіяся, какъ изъ рога изобилія на несчастную націю, непрерывно въ теченіе слѣдующихъ за возстаніемъ нѣсколькихъ лѣтъ, возмущали французское общество, но, опять-таки, наиболѣе ошеломляющее впечатлѣніе произвело даже не это «правосудіе» военныхъ судовъ, посаженныхъ Паскевичемъ судить и рядить, а именно такія мѣропріятія, которыя совсѣмъ ни на что европейское похожи не были. Напр., 9 ноября 1831 года министръ финансовъ послалъ подольскому губернатору бумагу, въ которой извѣщалъ, что его величество желаетъ переселить изъ Подольской губерніи пять тысячъ дворянскихъ польскихъ семействъ преимущественно на Кавказъ, чтобы затѣмъ ихъ зачислить въ военную службу; выбрать же эти пять тысячъ семействъ предоставляется губернатору, изъ трехъ категорій: 1) изъ лицъ, возвратившихся домой къ указанному сроку и принешихъ раскаяніе; 2) изъ 3-го разряда виновныхъ, получившихъ всемилоостивѣйшее прощеніе и 3) изъ лицъ, *образъ жизни которыхъ, по мнѣнію тѣстныхъ властей, возбуждаетъ недовѣріе.*

Эти неслыханныя мѣры, принимаемыя относительно либо почти

---

¹⁾ Это мѣсто воззванія Дибича-Забалканскаго къ полякамъ особенно поразило воображеніе французскаго общества и стало предметомъ гнѣвныхъ комментаріевъ.

вовсе невинныхъ людей (ибо иначе они не получили бы «всеми-лостивѣйшаго прощенія»), либо изъ совершенно невинныхъ, *завѣдомо* невинныхъ, съ точки зрѣнія самыхъ властей,—возбудили ужась и оторопь во Франціи. Не только невинные люди, но и ихъ семьи, жены и дѣти должны были гибнуть неизвѣстно за что въ степяхъ и на Кавказѣ; нечего и говорить, что они разорались вконецъ этой внезапной ссылкой; графъ Блудовъ даже приказывалъ въ особой бумагѣ губернатору *не предупреждать* ссылаемыхъ заранѣе...

Имущество эмигрантовъ было секвестровано, при чемъ за „вину“ одного члена, пускались по міру цѣлыя семьи. Французскія газеты и въ 1832, и въ 1833, и въ слѣдующихъ годахъ не переставали говорить о пыткахъ, которымъ подвергаются въ польскихъ тюрьмахъ и мужчины, и женщины, съ цѣлью вынудить у нихъ показанія. Въ 1835 году „Journal des Débats“ напечаталъ рѣчь Николая, сказанную 22 октября къ такъ называемому „муниципалитету“ Варшавы (не выборному, конечно, а назначенному русскимъ правительствомъ). Это опубликованіе надѣлало много шума: газеты Франціи и Англіи выражали свое недоумѣніе по поводу того, какъ государь могъ подобное сказать своимъ подданнымъ, сколько бы онъ на нихъ ни сердился. Вотъ особенно поразившее всѣхъ мѣсто этой рѣчи: 1) „Если вы будете упорствовать въ сохраненіи вашихъ мечтаній объ обособленной національности, о независимой Польшѣ и обо всѣхъ этихъ химерахъ, то вы можете лишь навлечь на себя большія несчастья. Я приказалъ выстроить здѣсь цитадель, и я вамъ объявляю, что при малѣйшемъ волненіи я велю разгромить городъ, я разрушу Варшаву и, конечно, не я ее выстрою вновь“. Русскія рептиліи сами почувствовали, что нужно нѣсколько считаться съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ этою рѣчью, неожиданно получившею европейскую огласку. И вотъ, начались „дополнительныя разъясненія“, имѣвшія цѣлью придать этой рѣчи оттѣнокъ христіанскаго всепрощенія и забвенія обидъ (такъ прямо и говорилось: «ces paroles de paix et d'oubli“... и т. д.); были сдѣланы и соответствующія, якобы, умышленно пропущенныя въ „Journal des Debats“ вставки. Но и переизданный, такимъ образомъ, Николай Павловичъ уже дѣлу не помогъ; намъ часто встрѣчались въ позднѣйшіе годы ссылки въ прессѣ на эту рѣчь.

Слѣдуетъ сказать, что вообще, до польскаго возстанія о Николаѣ I и о Россіи французское общество думало мало, вѣрнѣе, занималось однимъ только Николаемъ и то исключительно какъ важнымъ факторомъ европейской международной политики. Первымъ серьезнымъ толчкомъ, отъ котораго французское общество какъ бы встрепенулось и вспомнило о самодержавіи Николая и

1) Французскій текстъ (рѣчь была сказана Николаемъ по-французски):

... „Si vous vous obstinez à conserver vos rêves de nationalité distincte, de Pologne indépendante et de toutes ces chimères, vous ne pouvez qu'attirer sur vous de grands malheurs. J'ai fait élever ici la citadelle, et je vous déclare qu'à la moindre émeute, je ferai foudroyer la ville, je détruirai Varsovie, et certes ce n'est pas moi qui la rebâtirai“.

истинномъ его значеніи для народовъ подвластныхъ Петербургу,—первымъ ужасомъ николаевского царствованія явилась для Франціи вѣсть именно объ усмиреніи польскаго возстанія въ 1831 году.

Уже задолго до взятія Варшавы въ прессѣ мелькали слухи о жестокостяхъ относительно взятыхъ въ плѣнъ солдатъ и офицеровъ польской арміи. Когда (16 сентября 1831 г.) газеты въ Парижѣ сообщили о штурмѣ Варшавы и гибели польскаго дѣла, то въ теченіе нѣсколькихъ дней Парижъ, какъ уже сказано, былъ ареною бурныхъ уличныхъ антирусскихъ манифестацій, потребовавшихъ даже вмѣшательства войскъ. Манифестанты заставили всѣ театры прекратить представленія вечеромъ 17-го сентября. Крики «Смерть министрамъ!» гремяли по городу. Радикальная печать съ горечью упрекала министерство въ томъ, что оно оставило Польшу на произволъ судьбы. Въ палатѣ депутатовъ бурная нападенія на министровъ были сдѣланы Могэномъ и другими членами оппозиціи, упрекавшими правительство за то, что оно не дало полякамъ вооруженной помощи. Луи-Филиппъ, ненавидимый Николаемъ и хорошо это знавшій, попалъ, къ досадѣ своей, въ неблагоприятное положеніе противника всякой помощи польскому возстанію, и эта двойственность,—обусловленная, съ одной стороны, всегдашнимъ страхомъ короля предъ войною, а съ другой—сочувствіемъ его къ полякамъ,—ясно сквозитъ въ тонѣ официальныхъ и офиціозныхъ органовъ. Нужно, вообще, напомнить, что Николай изъявилъ полное свое неудовольствіе по поводу июльской революціи, и аффектируя свое почтеніе къ павшему королю Карлу X до самой его смерти, не переставалъ коситься на Луи-Филиппа и всячески показывать, что не считаетъ „короля баррикады“ за „настоящаго“ монарха. Онъ даже въ 1848 году усматривалъ, повидимому, единственное свѣтлое послѣдствіе февральской революціи въ томъ, что Луи-Филиппа уже не будетъ. Отношенія между французскимъ и русскимъ дворомъ были за все царствованіе Луи-Филиппа самыя натянутыя. Вотъ почему руссофобское движеніе въ Парижѣ въ сентябрѣ 1831 года хоть и подавлялось, но безъ особенной энергіи. Страшное негодованіе, вызванное въ странѣ заявленіемъ министра иностранныхъ дѣлъ въ Палатѣ (16 августа), что „порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ“, показало Луи-Филиппу невозможность поддаваться слишкомъ чувству страха предъ Николаемъ; общественное мнѣніе явно было раздражено гибелью Польши. Роялистская газета „La Quotidienne“, умѣренно-либеральная „Journal des Débats“, оппозиціонная „Le National“ и другіе вліятельные органы въ разной степени выражали свою скорбь по поводу торжества Николая. Клерикалы трепетали за судьбу католической церкви, либералы и радикалы сокрушались изъ-за гибели свободы польской націи. „Le National“ прямо говорилъ, что Польша задержала своимъ сопротивленіемъ „арміи, предназначенныя для того, чтобы возстановить у насъ иезуитовъ и божественное право“¹⁾. Подобная мысль

¹⁾ „Le National“, 18 Septembre 1831.

проводилась въ прессѣ не разъ и не два: Николай уже успѣлъ заслужить прочную репутацію вѣрнаго рыцаря всевропейской реакціи. Прошло нѣсколько недѣль и, минуя прусскую и австрійскую полицейскую перлюстрацію, въ Парижъ стали приходиться ужасающія извѣстія о свирѣпой мести самодержавія. «Крики жертвъ, которыхъ рѣжутъ, ссыльныхъ, которыхъ стадами гонять въ Сибирь, нагляя ура казаковъ пробуждаютъ въ душѣ, пишетъ „Le National“ ¹⁾ всю жалость и весь гнѣвъ, на какіе только способенъ человѣкъ». Газета иронизируетъ надъ «милостью и благородствомъ русскаго императора», о которыхъ пускался слухъ предъ взятіемъ Варшавы. Конфискація имущества, казни, ссылки, неистовый безумствующій военный произволъ, воцарившійся въ Польшѣ, прямо подавляли парижскую печать самыхъ различныхъ оттѣнковъ.

Отчаянные вопли уніатовъ съ конца 30-хъ г.г. и особенно послѣ «возсоединенія» уніи въ 1839 году—сильно возмущали общественную совѣсть во Франціи. Усмиреніе возставшихъ въ 1831 и слѣдующихъ годахъ, при всей своей жестокости, при всей мстительности побѣдителя, распространявшейся на родственниковъ, на малолѣтнихъ дѣтей «виновныхъ» — все-таки хоть какъ-нибудь укладывалось въ головѣ людей середины XIX вѣка; все-таки тутъ хоть выступали впередъ категоріи «наказанія», слѣдующаго за «преступленіемъ», и можно было, проклиная безчеловѣчіе карающей руки, падающей даже на невинныхъ, понимать самое *происхожденіе* правительственной ярости, причину кары. Но преслѣдованіе за вѣру, которую люди исповѣдывали сотни лѣтъ, сѣченіе розгами католическихъ монахинь, ссылка въ Сибирь уніатскихъ семей,—все это приводило французское общественное мнѣніе не только въ негодованіе, но и въ изумленіе. Не понимали, къ чему *эти* злодѣйства? Да и нельзя было, дѣйствительно, судить эти дѣла съ точки зрѣнія какой бы то ни было цѣлесообразности. Въ другомъ мѣстѣ ²⁾ мы имѣли случай отмѣтить, что абсолютизмъ при Николаѣ I переживалъ свойственное, вообще, этой политической организаціи психологическое состояніе жажды безпредметной дѣятельности, расточительнѣйшаго демонстрированія своей силы въ тѣ періоды, когда абсолютизмъ избавленъ отъ всякой серьезной борьбы, отъ всякой гнетущей заботы о самосохраненіи. Преслѣдованіе раскольниковъ въ коренной Россіи, истязанія уніатовъ въ Польшѣ въ 30—40 г.г.—все это явленія той же соціологической природы, какъ истребленіе гугенотовъ при Людовикѣ XIV или приказъ Калигулы строить мостъ чрезъ море. Даже знаменитая рѣчь Николая при посѣщеніи Варшавы въ октябрѣ 1835 года, гдѣ онъ категорически обѣщалъ разрушить городъ совершенно при малѣйшей попыткѣ возстанія, — даже эта рѣчь, вызвавшая самыя недвусмысленныя апострофы во французской прессѣ,—меньше разъяснила французамъ истинный характеръ самодержавной политики, нежели непонятное и свирѣпое гоненіе на уніатовъ и притѣсненіе

¹⁾ См. № отъ 1 ноября 1831 г.

²⁾ „Паденіе абсолютизма“, „Міръ Божій“ 1905, декабрь.

католиковъ. Русское правительство очень желало внушить Европѣ, что внезапное «обращеніе» уніатовъ достигнуто мѣрами убѣжденія и кротости, но эти старанія были совершенно тщетны. Неслышанныя нигдѣ въ мірѣ въ XIX вѣкѣ истязанія мужчинъ, женщинъ, дѣтей, пущенныя въ ходъ противъ несчастныхъ людей, медлившихъ исполнить желаніе Николая, возмутили общественное мнѣніе Франціи и Англии, и ужъ на этотъ разъ негодовали не только свободомыслящіе круги, но и консерваторы, и французскіе клерикалы, и англійскіе пѣтисты. То, чего вовсе не сдѣлала расправа Николая съ декабристами, то, что начали неистовства относительно побѣжденныхъ польскихъ инсургентовъ, было довершено «воссоединеніемъ» уніатовъ; европейское общественное мнѣніе стало понимать, что русское самодержавіе можетъ заставить поблѣднѣть даже самодержавіе неаполитанскихъ Бурбоновъ (которыхъ, особенно же Фердинанда II Николай Павловичъ высоко цѣнилъ, — замѣтимъ кстати). Уніатскихъ священниковъ сѣкли, пытали, ссылали законными попарно въ Сибирь. Въ Полоцкѣ трехъ аббатовъ Бѣжинскаго, Зилинскаго и Зиленича обливали ледяною водою, пока они не умерли, четвертаго — Занецкаго убили полѣномъ. Изъ всѣхъ этихъ звѣрствъ особенно много шума надѣлала исторія съ минскими монахинями. Она была во всѣхъ деталяхъ рассказана вліятельнѣйшимъ католическимъ органомъ «L'Univers» и много разъ цитировалась въ прессѣ ¹⁾. Это бываетъ: иногда изъ тысячи звѣрствъ самодержавнаго правительства вдругъ одному какому нибудь особенно повезеть, и это звѣрство составляетъ себѣ европейскую репутацію, хотя, по существу дѣла, является самымъ обыденнымъ, самымъ типичнымъ преступленіемъ власти. Въ Минскѣ былъ женскій базилианскій монастырь. Тридцать четыре монахини этого монастыря занимались воспитаніемъ сиротъ и нѣкоторыми дѣлами благотворительности. Въ 1837 году архіепископъ Сѣмашко потребовалъ, чтобы онѣ перешли въ православіе. Онѣ отказались. Явились чиновники и жандармы, предводительствуемые Сѣмашко, и, арестовавши монахинь, отправили ихъ въ Витебскъ, въ монастырь, гдѣ ихъ заставили исполнять самыя тяжелыя работы. Кормили ихъ хлѣбомъ, котораго отпускалось на каждую не болѣе четырехъ фунтовъ въ недѣлю. Было приказано впредь до ихъ обращенія сѣчь ихъ розгами чрезъ каждые два дня. Въ первый же разъ одна изъ нихъ умерла на тридцатомъ ударѣ, и солдатъ, совершавшій истязаніе, еще двадцать разъ ударилъ по трупу, пока не было полностью отсчитано указанное число. Четырнадцать монахинь также скоро умерло. Однажды, чтобы сломить упорство оставшихся монахинь, на нихъ были напущены солдаты, которые такъ ихъ избили, что двѣ умерли, у нѣсколькихъ были выбиты глаза, и всѣ онѣ были изранены. Другой разъ ихъ бросили въ озеро, крича въ то же время: «обращайтесь!» Три изъ нихъ утонуло, остальныхъ выта-

¹⁾ См. напр. L'Eglise, la France et le schisme en Orient, Eug. Veillot, стр. 155—и сл.

щили. Эти пытки и издѣвательства длились больше четырехъ лѣтъ,— и унесли половину всего числа монахинь. Остальныхъ сослали въ Сибирь, видя, что обращенія отъ нихъ нельзя добиться (всего четыремъ удалось бѣжать). Сѣмашко впоследствии за аналогичные подвиги получилъ повышение.

Все это творилось именно въ тѣ годы, когда Николай писалъ папѣ Григорію XVI (въ 1839 г.): «Я никогда не перестану считать въ числѣ первыхъ моихъ обязанностей защищать благосостояніе моихъ католическихъ подданныхъ, уважать ихъ убѣжденія, обезпечивать ихъ покой». Григорій XVI пробовалъ жаловаться, просить, дѣлать представленія,—но преслѣдованія продолжались неуклонно. 13 декабря 1845 года, когда Николай посѣтилъ Римъ, папа указалъ снова Николаю въ личной бесѣдѣ на притѣсненія католиковъ. Николай отвѣтилъ: «Не слѣдуетъ вѣрить тому, что говорятъ газеты» ¹⁾. Но Григорій XVI тутъ же показалъ ему неопровержимые документы, послѣ чего проникнутый духомъ законности монархъ сослался на «законы имперіи». Въ заключеніе — все осталось по прежнему.

И католическая, и свободомыслящая пресса во Франціи въ концѣ 30-хъ г.г. и въ началѣ 40-хъ привыкли (и именно по поводу гоненій на униатовъ и католиковъ) говорить о Николаѣ въ такомъ тонѣ, какого онъ не позволяли себѣ даже въ статьяхъ о наказаніи инсургентовъ 1830—31 г. А такая книга, какъ анонимный трудъ какого-то отставного русскаго сановника «*Persécution et souffrances de l'église catholique en Russie*» ²⁾, дала интересующимся документальный матеріалъ для характеристики религіозныхъ гоненій въ Польшѣ и Литвѣ. Авторъ—католикъ, и книга написана въ тонѣ давно наболѣвшаго чувства негодованія. Онъ хочетъ окончательно разрушить довольно популярное на западѣ представленіе о «вѣротерпимости» русскаго правительства, представленіе, державшееся со временъ Екатерины II и Александра I; Николай уже и до 1842 года, правда, считался во Франціи своего рода маленькимъ Нерономъ, и анонимный авторъ въ своей большой работѣ (551 стр.) стремится, съ своей стороны, посодѣйствовать укрѣпленію этой репутации. Любопытно, что даже его, католика, возмущаетъ униженіе «господствующей» православной церкви предъ самодержавіемъ: онъ указываетъ, между прочимъ, на то, что *часто* священниковъ, въ видѣ наказанія за проступки, отдають въ солдаты, въ деньщики къ офицерамъ... Правительство онъ называетъ чисто «азіатскимъ», и констатируетъ, что если свою церковь оно, просто, сводитъ къ безответственно рабскому положенію,—то на католицизмъ обрушивается со всюю яростью именно затѣмъ, чтобы и его

¹⁾ *Il ne faut pas ajouter foi à ce que disent les gazettes.* см. Veillot, op. cit. стр. 175. Форма высочайшаго опроверженія показываетъ, что источникъ всякаго зла для своей репутации Николай прежде всего полагалъ въ газетахъ. И въ данномъ случаѣ—ошибся.

²⁾ Вышла въ 1842 г., въ Парижѣ. Анонимный авторъ подписался такъ: Un ancien conseiller d'Etat de Russie.

довести до такого же морального униженія. Авторъ приводитъ нѣсколько русскихъ официальныхъ неизданныхъ документовъ для подтвержденія основной своей мысли, — но нужно сказать, что книга его слишкомъ проникнута клерикальными lamentаціями и схоластической полемикою о «ереси» православной церкви; весь этотъ мертвый балластъ ослабляетъ общее впечатлѣніе, которое она могла-бы производить.

Появившаяся спустя нѣсколько мѣсяцевъ книга Тейнера, также написанная съ клерикально-католической точки зрѣнія, обратила на себя гораздо больше вниманія ужъ потому, прежде всего, что была рекомендована публикѣ однимъ изъ самыхъ блестящихъ воинствующихъ католическихъ публицистовъ того времени — графомъ Монталамбэромъ, пэромъ Франціи ¹⁾. Этотъ французскій переводъ написаннаго первоначально по-нѣмецки труда Тейнера, благодаря предисловію Монталамбэра, не прошелъ незамѣченнымъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ въ этомъ предисловіи Монталамбэръ о николаевской политикѣ въ Польшѣ: «Происходитъ теперь въ Европѣ одна жестокая вещь, — и ея жестокость, кажется намъ, имѣетъ мало примѣровъ даже въ самыя гибельныя эпохи міровой исторіи. Приступаютъ хладнокровно, среди глубокаго мира и несмотря на гласность, съ каждымъ днемъ все болѣе развивающуюся, къ методическому уничтоженію одной старой, славной національности, которая должна была бы быть священною въ глазахъ всѣхъ христіанскихъ народовъ вслѣдствіе благодѣяній, которыя она имъ оказала. Вырвавъ у польской націи изъ рукъ всѣ ея политическія, гражданскія и социальныя гарантіи, господинъ, котораго она получила отъ небеснаго гнѣва, работаетъ съ рѣдкимъ соединеніемъ ловкости, смѣлости и успѣха надъ искорененіемъ въ ея лонѣ католической религіи». Николай въ этомъ своемъ предпріятіи, пишетъ далѣе Монталамбэръ, «не уважаетъ ни челоувѣчности, ни состраданія, ни справедливости, ни клятвы, ни самыхъ интимныхъ тайнъ совѣсти, словомъ, ничего изъ того, что облагораживаетъ и очищаетъ челоувѣка». Съ яростью говоритъ онъ о «недавней комедіи» воссоединенія уніатовъ и называетъ господствующую въ Россіи церковь «самодержавною схизмою». Монталамбэръ съ горечью указываетъ, что печать во Франціи слишкомъ мало занимается ужасами, которые переживаетъ католическая церковь въ Польшѣ. По этому поводу онъ громитъ духъ вѣка, равнодушіе къ религіи и пр. Едва ли, впрочемъ, при страшной скудости извѣстій, приходившихъ въ Европу изъ Россіи, можно было писать больше объ этомъ предметѣ: польская колонія въ Парижѣ дѣлала, что могла, для просвѣщенія общественнаго мнѣнія, но, вѣдь, и сама она была отрѣзана отъ родины. Русскіе, австрійскіе, прусскіе шпіоны отъ почты, цензуры и жандармеріи — дѣлали даже частную переписку рискованнымъ предпріятіемъ. О книгѣ Тейнера Монталамбэръ говоритъ,

¹⁾ Vicissitudes de l'Eglise catholique des deux rites en Pologne et en Russie.... précédé d'un avant-propos par le comte de Montalambert. (Paris, 1843).

что она ознакомитъ основательно публику «съ этою Россіей, предметомъ лести — для однихъ, неосвѣдомленности — для другихъ, инстинктивнаго страха — для всѣхъ, и которую мы, не колеблясь, объявляемъ наибольшимъ врагомъ всего, что еще намъ осталось спастись отъ христіанскаго общества». Это языкъ типичный для всей литературы о Россіи того времени: и либералы, и клерикалы, и революціонеры, ненавидя Николая, боялись его, боялись непреодолимымъ страхомъ, который Монталамбэръ и называетъ «инстинктивнымъ». Только Севастополь разрушилъ этотъ миражъ безграничнаго могущества. Монталамбэра возмущаетъ не только звѣрство самодержавнаго правительства, но и наглость пріемовъ: напр., и прежде, говоритъ онъ, бывали случаи, что у церкви отнимались принадлежащія ей имущества, — но никогда «не являлась счастливая мысль провозгласить, что конфискація этихъ имуществъ происходитъ отъ желанія *избавить духовенство отъ заботъ, несомѣстимыхъ съ его званіемъ*». Удивительно, какъ живучи традиціи петербургской боголюбивой бюрократіи: вѣдь, спустя три четверти столѣтія послѣ событій, о которыхъ поминаетъ Монталамбэръ, — Плеве, ограбивши армянскую церковь, *тоже* мотивировалъ это — (устами преданныхъ ему газетъ) — своимъ желаніемъ «избавить» армянскую церковь отъ всякихъ бранныхъ, мірскихъ заботъ, связанныхъ съ управленіемъ этими имуществами! «Идеологія» нашего бюрократическаго самодержавія и въ главномъ, и въ подробностяхъ всегда была замѣчательно стаціонарна; она чуждалась какой бы то ни было эволюціи, и даже съ внѣшней стороны, всѣ свои словесныя злукубращія, всѣ издѣвательства надъ здравымъ смысломъ старалась выражать въ самыхъ однообразныхъ формахъ. Въ данномъ случаѣ, Монталамбэръ, съ непривычки, возмутился вполне бессмысленною мотивировкою отнятія церковныхъ имуществъ, не зная, что это — вовсе не мотивировка, а разъ навсегда установленное для подобныхъ случаевъ придаточное предложеніе въ соотвѣтствующей бумагѣ за номеромъ.

Самая книга Тейнера, подтверждая рядомъ фактовъ несомнѣнность жестокаго религіознаго преслѣдованія со стороны правительства Николая I, давала кое-что и новое, или, по крайней мѣрѣ, не всѣмъ тогда извѣстное для характеристики николаевской системы. Чтобы русское правительство не могло даже вполне голословно оправдывать гоненія на католиковъ и уніатовъ необходимою, вытекающею изъ факта возстанія 1830—31 г.г., Тейнеръ съ документами въ рукахъ доказываетъ, что Николай началъ преслѣдованіе уніатовъ за четыре года *до* возстанія, едва лишь вступивши на престолъ ¹⁾. Онъ еще и двухъ мѣсяцевъ не сидѣлъ на престолѣ, какъ уже обратилъ полное свое вниманіе на уніатовъ и сталъ стѣснять ихъ всячески. Указы противъ уніатовъ слѣдовали одинъ за другимъ еще *до* возстанія, но, конечно, съ начала 1832 года преслѣдованіе приняло совсѣмъ уже неистовыя формы. Что касается

¹⁾ Vicissitudes etc. (цит. изданіе), стр. 219, I-го тома.

до самаго акта о возсоединеніи уніи (1839 г.), то Тейнеръ съ скорбью и негодованіемъ отмѣчаетъ лицемѣрное восхваленіе «мирнаго» и «добровольнаго» характера этого акта, построеннаго, какъ онъ утверждаетъ, исключительно на насиліяхъ и ужасахъ всякаго рода.

Еще когда книга Тейнера вышла на нѣмецкомъ языкѣ, русское правительство тщилося кое-какъ бороться съ нею. Вотъ что говорить по этому поводу авторъ въ особомъ прибавленіи, написанномъ для отмѣченнаго французскаго изданія. Указывая, что нѣмецкій оригиналъ появился уже тому назадъ два года, Тейнеръ замѣчаетъ: «Этого времени было бы довольно, чтобы отвергнуть факты, заключающіеся въ этой книгѣ; и на самомъ дѣлѣ нѣкоторыя продажныя перья (*quelques plumes vendues*) сначала попробовали дѣлать эту работу. Но вскорѣ, отказавшись отъ утайки, русское правительство предпочло само признаться въ поступкахъ, въ которыхъ его укоряли, и попробовать оправдать ихъ. Въ то время, какъ слышны были раздирающіе крики мучениковъ и ихъ кровь не переставала течь, императоръ объявлялъ міру, что населеніе, которое онъ, такимъ образомъ, истреблялъ, приняло схизматическій (православный) обрядъ по убѣжденію и «изъ любви» (ковычки Тейнера). Квалифицируя дальше виновныхъ въ весьма рѣзкихъ эпитетахъ, авторъ продолжаетъ, что «варварскому нечестію, царящему въ Россіи» удалось «къ жестокости», проливающей кровь, присоединить «клевету, которая безчеститъ и хочетъ сломить сопротивление».

Итакъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ Николай вырисовывался въ глазахъ и свободомыслящихъ, и клерикально-консервативныхъ круговъ въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Но характерно, что именно расправа съ поляками, гоненія на уніатовъ и католиковъ повредили ему въ общественномъ мнѣніи Франціи. О томъ, что кромѣ поляковъ въ Россіи есть еще и русскіе люди, которымъ также живется не легко; о томъ, что самое унизительное политическое рабство душитъ даже тѣхъ подданныхъ Николая, которые не родились поляками или уніатами, о томъ, что русскій абсолютизмъ неммыслимо сравнивать ни съ какою разновидностью абсолютизма европейскаго — обо всемъ этомъ не только общество во Франціи не знало, но какъ будто и не хотѣло знать, вплоть до 1843 года, до появленія книги Кюстина.

Въ видѣ предисловія къ разсказу о Кюстинѣ, чтобы читатель не удивился утрированной любезности, съ которою Кюстина приняли въ Петербургѣ, замѣтимъ, что къ этому времени самодержавіе уже явственно начало ощущать необходимость пропѣть себѣ самому хвалебный гимнъ, и притомъ непременно на французскомъ языкѣ, въ назиданіе Европѣ. Какъ симптомъ подобнаго настроенія, имѣютъ свое значеніе и двѣ лежащія предъ нами книги, о которыхъ скажемъ два слова.

«Взглядъ на русское законодательство» Толстого ¹⁾ является

¹⁾ Coup d'oeil sur la législation russe suivi d'un léger aperçu sur l'administration de ce pays, par J. Tolstoy (Paris, 1839).

безцвѣтнымъ, чиновничьимъ панегирикомъ николаевскому законодательству, за которое, будто-бы, народы благословляютъ царя, «ибо никогда эта страна не была столь процвѣтающей», счастливой и славной, какъ при Николаѣ. Почти одновременно появился и другой образчикъ усердія; вышедшая на французскомъ языкѣ, но изданная въ Петербургѣ съ разрѣшенія цензора Фрейганга книга гр. Гуровскаго подъ названіемъ «La civilisation et la Russie» ¹⁾ посвящена авторомъ псковскому губернатору Пещурову. Эта книга—одинъ изъ курьезнѣйшихъ плодовъ соединенія въ одномъ человѣкѣ двухъ свойствъ: жажды угодить начальству, вводя для этого сознательно въ заблужденіе читающую публику, и полного пренебреженія къ всякому чувству мѣры въ лести и лжи. Все въ Россіи хорошо, но лучше всего—правительство; самодержавіе снизошло съ небесъ и ліетъ нескончаемая благодѣянія; російскій государь—есть главный *свѣточъ цивилизаціи*; благодаря его стараніямъ просвѣщеніе повсемѣстно распространено; правительство даже *климатъ* въ Россіи смягчаетъ своими заботами (стр. 291); это правительство — есть истинно христіанское (стр. 248) и т. д. Самое невѣроятное, восточно-наивное, что только можетъ выдумать рабская фантазія все это — на лицо въ книгѣ Гуровскаго. На какой предметъ ее было издавать по-французски, явствуетъ изъ всего текста: для вразумленія и наставленія Европѣ. Ни одной ссылки на Гуровскаго во французской литературѣ о Россіи мы не встрѣтили. Очевидно, зарядъ не попалъ въ цѣль, «перелетѣлъ», ибо діапазонъ лести и угодничества былъ взятъ слишкомъ высоко.

IV.

Маркизь де-Кюстинъ, аристократъ, консерваторъ и убѣжденный католикъ ультрамонтанъ, благосклонно принятый при русскомъ дворѣ, изучавшій Россію съ жаднымъ любопытствомъ умнаго и образованнаго человѣка, написалъ четырехтомный трудъ подъ названіемъ «Россія въ 1839 году» ²⁾, въ свое время страшно взволновавшій и обидѣвшій російскій придворный муравейникъ, несмотря на все спокойствіе и вѣжливость тона изложенія. «Мнѣ казалось,—пишетъ Кюстинъ въ предисловіи,—что, говоря правду о Россіи, я бы сдѣлалъ новое и смѣлое дѣло: до сихъ поръ страхъ и корысть диктовали преувеличенныя восхваленія; ненависть диктовала клеветы; я не боюсь ни того ни другого преткновенія. *Я отправлялся въ Россію, чтобы искать тамъ аргументовъ противъ представительнаго образа правленія, и я возвращаюсь оттуда сторонникомъ конституціи.*» Кюстинъ полонъ вѣры въ «величіе и политическую значительность» русской націи, въ «высокое предназначе-

¹⁾ La civilisation et la Russie, par le comte A. Gurowsky, St.-Petersbourg 1840. (332 стр.).

²⁾ La Russie en 1839, par le Marquis de Custine (Paris 1843).

ніе» русскаго народа, но русское правительство онъ не колеблется назвать *страшнымъ* правительствомъ—и «письма», составляющія эти четыре тома, съ избыткомъ подтверждаютъ данный эпитетъ.

Уже предъ вѣздомъ въ Россію его кое-что неприятно подготовило къ предстоящимъ впечатлѣніямъ: проѣзжая чрезъ Эмсъ (въ первыхъ числахъ іюня 1839 года), онъ наблюдалъ тамъ, какъ вели себя придворные свиты русскаго наслѣдника, какъ разъ бывшаго, тогда въ Эмсѣ. Его поразили неслыханныя ни при какомъ другомъ дворѣ раболѣіе, низкая угодливость и полное забвеніе всякаго человѣческаго достоинства среди придворныхъ въ присутствіи великаго князя, и ихъ же развязность и, даже, наглость въ его отсутствіи. Этотъ контрастъ былъ для посторонняго весьма противенъ. Второе «русское» впечатлѣніе еще до вѣзда въ Россію получилъ нашъ путешественникъ отъ хозяина гостиницы въ Любекѣ. Тогда Любекъ для большинства ѣдущихъ моремъ изъ Петербурга за границу былъ почти неизбѣжнымъ проѣзднымъ пунктомъ, и хозяинъ гостиницы, на основаніи многихъ наблюденій, сдѣлалъ выводъ, что вѣрноподаннымъ Николая Павловича живется не сладко: «у ѣдущихъ изъ Россіи—видъ веселый, свободный, довольный: это—лошади, вырвавшіяся на свободу, птицы, которыми открываютъ клѣтку; мужчины, женщины, молодые, старые—всѣ счастливы, какъ школьники на каникулахъ. Но тѣ же люди, когда возвращаются обратно, имѣютъ фізіономію вытянутую, мрачную, безпокойную; говорятъ они тогда мало, слова ихъ отрывисты; лицо ихъ озабочено. Изъ этого различія я заключилъ, что страна, которую покидаютъ съ такою радостью, и куда возвращаются съ такимъ сожалѣніемъ, есть страна дурная». На паракодѣ, шедшемъ въ Кронштадтъ, Кюстинъ познакомился и разговорился съ старымъ русскимъ княземъ К., дипломатомъ въ отставкѣ. Между прочимъ князь какъ-бы предварилъ Кюстина, что ему больше придется полагаться на личныя наблюденія, нежели на слова обитателей русскаго государства, которое онъ намѣренъ изучать. «Рабство унизило человѣческое слово въ Россіи,—сказалъ князь—до такой степени, что на него смотрятъ уже только, какъ на западню. Наше правительство живетъ ложью (*vit de mensonge*), ибо правда такъ же пугаетъ тирана, какъ и раба. Поэтому, какъ мало ни говорятъ въ Россіи, все-таки говорятъ еще слишкомъ много, потому что въ этой странѣ всякая рѣчь есть выраженіе религіознаго или политическаго лицемѣрія». Кюстинъ на всѣ эти и подобныя рѣчи отвѣтилъ, что онъ ему просто не вѣритъ (какъ уже замѣчено, Кюстину *хотѣлось* убѣдиться, что отсутствіе конституцій очень хорошо, и поэтому онъ сначала пытался не вѣрить тому, что шло въ разрѣзъ съ этою предвзятою мыслью). Между прочимъ Кюстинъ замѣтилъ, что его собесѣдникъ говорилъ съ опаскою, постоянно оглядываясь по сторонамъ. «Императоръ боится гласности, какъ Россія боится императора», между прочимъ сказалъ онъ. Другой путешественникъ тоже заговорилъ въ либеральномъ духѣ и ужъ безъ всякой боязни, но Кюстинъ быстро разглядѣлъ въ немъ

шпіона, и рѣшилъ, что вступая въ царство шпіонства, нужно разъ навсегда приучиться къ скрытности и притворству.

Но вотъ, пароходъ уже подходитъ къ Кронштадту. Кюстинъ видитъ флотъ, которому не придаетъ никакого военного или торговаго значенія, и который, по его мнѣнію, является «рекреаціей», игрушкою Николая Павловича, орудіемъ для морскихъ парадовъ, ненужнымъ Россіи. И видъ этого флота производитъ на него тягостное впечатлѣніе. «Только одинъ Богъ и русскіе знаютъ, составляетъ ли парадъ удовольствіе!» восклицаетъ нашъ путешественникъ: «вкусъ къ парадамъ доведенъ въ Россіи (читай—у правительства) до маніи». И эта черта—«ребячество en grand—кажется мнѣ вещью ужасною; это—чудовищность, возможная только при тиранніи, которой откровеніемъ, быть можетъ, самымъ страшнымъ, она является! Всюду въ другихъ мѣстахъ, не при абсолютномъ деспотизмѣ, когда люди дѣлаютъ большія усилія, то затѣмъ, чтобы добиться великой цѣли и только у народовъ, слѣпо подчиняющихся, господинъ можетъ приказатъ принести безчисленныя жертвы для достиженія ничтожной цѣли.» По поводу русскаго флота Кюстинъ вспоминаетъ слова Лорда Дѣргэма, сказанныя въ глаза Николаю I: «русскія военныя суда суть игрушки русскаго императора». Грустное впечатлѣніе произвелъ на Кюстина этотъ флотъ. По прїѣздѣ цѣлыя тучи, цѣлыя «категоріи шпіоновъ» разсматривали и экзаменовали путешественниковъ и ихъ багажъ, и Кюстинъ окончательно убѣдился, что прїѣхалъ въ «царство страха». Его поразили и многочасовыя формальности, и шпіонское разглядываніе, и переписка бумагъ и паспортовъ, и военныя матросы, одѣтые въ позорныя лохмотья «какъ каторжники». Вотъ тутъ-то нашъ консерваторъ, поглядывая на русскихъ матросовъ, и спросилъ себя впервые: «что такое сдѣлалъ человекъ Богу, за что шестьдесятъ милліоновъ его ближнихъ осуждены жить въ Россіи?»

Съ первыхъ же дней, проведенныхъ въ Петербургѣ, Кюстинъ понялъ, что «русское правительство—это... осадное положеніе, сдѣлавшееся нормальнымъ состояніемъ общества». Даже дышать въ Россіи, по его мнѣнію, только вслѣдствіе приказа царя. Все подавлено, боязливо жметъ, все мрачно, все молчаливо, все слѣпо повинуетъ невидимой палкѣ. Тупая и желѣзная казарменная дисциплина сковала всѣхъ и все. «Я какъ бы вижу тѣнь смерти рѣшающею надъ этой частью свѣта». Безграничная тиранія, топчущая душу человека, сказывается такъ явно на всѣхъ и всемъ, что Кюстину становится тяжело. «Общественный порядокъ въ Россіи слишкомъ дорого обходится, чтобъ я могъ имъ восхищаться», заявляетъ онъ. Поражаетъ его тоже съ первыхъ же впечатлѣній рабское состояніе образованныхъ классовъ, отсутствіе протеста противъ всѣхъ дикостей деспотизма, самаго отвратительнаго, какой только когда-либо существовалъ въ Европѣ. Но, наблюдая этотъ деспотизмъ въ эпоху полнаго его расцвѣта, за пятнадцать лѣтъ до никѣмъ не ожидавашагося крымскаго разгрома, Кюстинъ испытываетъ ко всему этому варварству больше ужаса, нежели презрѣнія: «дрожать—не

значить пренебрегать: нельзя презирать то, чего боишься». Для него «непостижимая тайна» вся эта система и «страшная жизнь обитателей этого гранитного лагеря». Думаетъ онъ и объ «ужасныхъ антрактахъ», время отъ времени прерывающихъ русское «идолопоклонство»: «русскій образъ правленія есть — абсолютная монархія, умѣряемая убійствомъ», говоритъ онъ. Эта знаменитая, часто съ тѣхъ поръ повторявшаяся фраза (покойный Лавелъ ее очень любилъ)—сказана впервые именно имъ, маркизомъ Кюстиномъ (стр. 317, томъ I, указ. изд.). Кюстинъ съ жадностью слушаетъ о случаяхъ крестьянскихъ возмущеній, о приказахъ императора ссылатъ въ Сибирь виновныхъ цѣлыми деревнями, и его все больше гнететъ мысль о неисчислимыхъ страданіяхъ всего этого забитаго, нагло эксплуатируемаго народа. «Когда я думаю объ этихъ фактахъ и о массѣ другихъ жестокостей, болѣе или менѣе тайныхъ, ежедневно происходящихъ въ глубинѣ этой колоссальной имперіи, гдѣ разстоянія одинаково благоприятствуютъ возмущенію и репрессіи, то я начинаю ненавидѣть страну, правительство, все населеніе; неопредѣлимое тягостное чувство меня охватываетъ, и я думаю только о томъ, какъ бы бѣжать». Его прямо подавляютъ неслыханныя и невиданныя формы и размѣры всеобщаго рабства. Онъ начинаетъ бояться за Европу, рядомъ съ которой существуетъ подобная система. «Или цивилизованный міръ снова попадетъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ подъ иго варваровъ, или Россія переживетъ революцію, болѣе страшную, нежели та, послѣдствія которой западъ Европы чувствуетъ еще до сихъ поръ»,—это пророчество сдѣлано на стр. 338-й I-го тома сочиненія Кюстина, писаннаго въ 1839 году... Французскій путешественникъ ошибся только на нѣсколько лѣтъ.

Общее вынужденное и боязливое молчаніе—законъ страны. Онъ императоръ и его поступкахъ позволительно говорить только захлебываясь отъ восторга; спрашивать—значитъ ставить людей въ неловкое положеніе или, просто, сойти за шпіона. Вотъ почему Кюстинъ былъ очень радъ, когда его допустили ко двору почти тотчасъ по его пріѣздѣ, и, даже, по личному приказу Николая. Стало возможнымъ кое-что увидѣть собственнымъ глазами.

Лицо Николая нашему путешественнику показалось неприятнымъ вслѣдствіе отражавшейся на немъ господствующей черты: «безпокойной суровости». Во всемъ онъ видитъ, по мнѣнію Кюстина, признаки или тѣнь возмущенія. Его сердитъ, напр. даже муха, которая некстати пролетаетъ по дворцу во время церемоніи (Кюстинъ присутствовалъ при бракосочетаніи Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ). «Независимость природы кажется ему дурнымъ примѣромъ; всякое существо, которое онъ не можетъ подчинить своимъ произвольнымъ законамъ, становится въ его глазахъ солдатомъ, возмущающимся противъ своего сержанта среди сраженія». Вообще, видъ у него былъ «военный и болѣе нѣмецкій, нежели славянскій». Императрица имѣла лицо мягкое, симпатичное, но измученное. Хотя она болѣла, но едва выздоравливала, Николай снова заставлялъ ее быть въ вѣчномъ движеніи. Балы, путешествія,

празднства и пр.—все это ее истощало. Но императоръ «терпѣть не можетъ предосторожностей, которыя бы предупредили зло; жена, дѣти, слуги, родственники, любимцы — всѣ должны слѣдовать въ императорскомъ вихрѣ, улыбаясь до самой смерти». Во время брака сочетанія Маріи Николаевны императоръ все оглядывался по сторонамъ, переставлялъ стоящихъ около него, слѣдилъ, нѣтъ ли упущеній насчетъ этикета и церемоніала; напр., одного великаго князя онъ во время богослуженія передвинулъ на два шага впередъ и пр. Все это дивило Кюстина. Предъ тѣмъ, какъ стать на колѣни, Николай Павловичъ удостовѣрился, что всѣ встали, а потомъ уже всталъ и онъ. Вообще, набожному Кюстину хотѣлось бы, чтобы тутъ думали больше о Богѣ, не отвлекаясь церемоніаломъ. Чѣмъ чаще бывалъ Кюстинъ во дворцѣ, тѣмъ больше его поражала всегдашняя неестественность Николая; выраженія на его лицѣ смѣнялись по произволу, «какъ маски», но преобладавшимъ было выраженіе суровости; онъ всегда «позировалъ», говоритъ Кюстинъ. И все больше и больше онъ склонялся къ мысли, что русскій простой народъ — «безкорыстные философы», отъ всего отказавшіеся, молчаливо и покорно страдающіе для обожествленія одного человѣка. Принимали Кюстина очаровательно: онъ замѣтилъ господствовавшую въ этой семьѣ боязнь европейскаго общественнаго мнѣнія. Императрица нѣсколько разъ къ нему подходила, — а однажды даже любезно упрекнула: «М. Кюстинъ, почему вы отъ меня убѣгаете?» и потомъ прибавила, что очень желаетъ, чтобы monsieur Custine все какъ слѣдуетъ въ Россіи разсмотрѣлъ, дабы своимъ мнѣніемъ «исправить мнѣніе людей глупыхъ и злыхъ». И Николай Павловичъ тоже очень былъ внимателенъ. На одномъ балу Кюстинъ, разговаривая съ нимъ, удивился, какъ при его трудахъ, у него хватаетъ времени присутствовать на увеселеніяхъ. «Къ счастью, — отвѣтилъ Николай — административная машина очень проста въ моей странѣ; ибо при разстояніяхъ, которыя все дѣлаютъ труднымъ, если бы образъ правленія былъ бы сложнымъ, головы одного человѣка не хватило бы». Кюстинъ восхитился такимъ откровеннымъ тономъ; Николай же продолжалъ: «если я съ вами такъ говорю, такъ это потому, что я знаю, что вы можете меня понять: мы продолжаемъ дѣло Петра Великаго». Кюстинъ на это счелъ нѣжнымъ отпустить подходящую придворную пошлость, что, вотъ, молъ, геній Петра еще управляетъ Россією и пр. Николай вызвался самъ показать ему въ Москвѣ Кремль. Вообще, за знатнымъ и пишущимъ иностранцемъ чрезвычайно сильно ухаживали. Однажды, напр., Николай ему даже рассказывалъ о собственномъ поведеніи 14 декабря 1825 года: «Я не зналъ, что я сдѣлаю и скажу, я былъ вдохновенъ»... и т. д. Впрочемъ, онъ скромно оговаривался самъ насчетъ преувеличенныхъ восхваленій его геройства въ этотъ день: «On a beaucoup trop vanté ce que j'ai fait alors». Любопытно, что самъ Николай сказалъ Кюстину: «Деспотизмъ еще существуетъ въ Россіи, ибо онъ составляетъ сущность моего пра-

вленія; но онъ согласенъ съ гениемъ націи» ¹⁾. Затѣмъ Николай еще высказалъ нижеслѣдующее: „Я понимаю республику, это — правительство прямое и искреннее, или, по крайней мѣрѣ, могущее таковымъ быть; я понимаю абсолютную монархію, потому что я самъ глава подобнаго порядка вещей, но я не понимаю представительной монархіи. Это — правительство лжи, обмана, подкупа; и я скорѣе бы хотѣлъ отступить до Китая, нежели когда-либо принять (этотъ образъ правленія)». Тутъ же съ ненавистью онъ вспомнилъ о Польшѣ до 1830-го года: «Я былъ конституціоннымъ монархомъ, и міръ знаетъ, чего мнѣ стоило нежеланіе подчиняться требованіямъ этого гнуснаго образа правленія» (Кюстинъ подчеркиваетъ, что онъ все записалъ дословно). «Покупать голоса, соблазнять однихъ, чтобы обманывать другихъ—всѣми этими средствами я пренебрегалъ, какъ унижительными для повинующихся и для повелѣвающаго, и я дорого заплатилъ за свою откровенность; но, слава Богу, я навсегда покончилъ съ этою ненавистною политическою машиною. Больше я конституціоннымъ королемъ не буду. Мнѣ слишкомъ необходимо говорить, что думаю, чтобы я когда-либо согласился царствовать надъ какимъ-нибудь народомъ хитростью и интригою».

Всѣ эти откровенности и любезности плѣнили Кюстина, но окружающія впечатлѣнія слишкомъ кричали, слишкомъ волновали и неприятно поражали путешественника, и, въ концѣ концовъ, восторжествовали надъ подкупающимъ вліяніемъ двора. „Въ Россіи существованіе для всѣхъ тягостно“, не перестаетъ онъ повторять. Во всемъ и на всемъ сталъ онъ видѣть эманацию деспотизма. „La telega“, на которой мчится въ пространство „le feldjaeger“ кажутся ему особенно характерными для всего режима; но самый-то режимъ онъ называетъ антинаціональнымъ, вовсе не типичнымъ для характера націи. Онъ отдаетъ себѣ вполне ясный отчетъ, что правительство желаетъ искусственно удержать весь народъ въ рабствѣ, варварствѣ и на положеніи вѣчныхъ дѣтей, — при чемъ отъ европейской культуры взято только то, что могло бы технически помочь этой цѣли. Страхъ, страхъ и страхъ, рабскій и безконечный—вотъ господствующее чувство всѣхъ и каждого по отношенію къ давящей сверху власти. Кюстинъ, всю жизнь проведеній въ путешествіяхъ, говоритъ: „Я полагаю, что изъ всѣхъ странъ земли Россія есть та, гдѣ у людей меньше всего реального счастья“. Все ложь, притворство, разочарованіе въ Россіи: нѣтъ смертной казни, но есть кнутъ, убивающій съ страшными мученіями, есть близость народа къ царю посредствомъ петергофскихъ праздниковъ, куда „всѣхъ“ пускаютъ, но, пишетъ Кюстинъ: „изъ шести или семи тысячъ представителей этой мнимой русской націи, втиснутыхъ вчера вечеромъ въ Петергофскій дворецъ, я тщетно искалъ хотъ

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Николая: „Le despotisme existe encore en Russie, puisque c'est l'essence de mon gouvernement; mais il est d'accord avec le genie de la nation“. Custine, vol. II, стр. 128.

одно веселое лицо; люди не смѣются, когда лгутъ“. И такъ всегда и во всемъ, — такова система. „Имперія каталоговъ“, гдѣ не слѣдуетъ докапываться до сущности скрывающейся за блестящими этикетками, — вотъ какъ опредѣляетъ Кюстинъ Россію. Его мучаетъ видъ несчастныхъ заморенныхъ, забитыхъ солдатъ, на лицахъ которыхъ онъ читаетъ повѣсть о воровствѣ и жестокости ихъ начальства; онъ думаетъ о варварскихъ тюрьмахъ, Сибири, о свирѣпостяхъ, о которыхъ даже говорить не смѣютъ изъ-за страха шпионовъ. Страна палачей и жертвъ, — таково, повидимому, главное впечатлѣніе путешественника. И все больше онъ проникается симпатією къ русскому народу. „Мысль о томъ, что онъ (русскій народъ) могъ бы сдѣлать, если бы онъ былъ свободенъ, доводитъ до отчаянія гнѣвъ, который я чувствую, видя, что этотъ народъ дѣлаетъ теперь“. Окружающая и туманящая всю русскую жизнь оффиціальная ложь представляется ему дѣломъ прямо необходимымъ при царящемъ порядкѣ вещей: „здѣсь лгать — значитъ защищать общество, говорить правду — значитъ потрясти государство“. Россія — страна нѣмыхъ“, и здѣсь даже о библейскомъ потопѣ „считалось бы неумѣстнымъ говорить, если бы онъ случился въ царствованіе россійскаго императора“. Кюстинъ все ищетъ разгадки: изъ-за чего русскій народъ всему этому подчиняется, изъ-за чего идолопоклонствуетъ? И эти разгадки — одна другой истиннѣе. Вотъ образчикъ: русскій народъ стремится завоевать весь міръ, „ибо только подобною цѣлью можно объяснить преувеличенныя жертвы, которыя налагаются здѣсь на индивидуума обществомъ“. Безъ „этой задней мысли — говоритъ Кюстинъ, — исторія Россіи мнѣ показалась бы необъяснимой загадкою“. Лгалъ ему не только дворъ, скрывали отъ него все „непріятное“ не только чиновники, съ замаскированно-шпионскими цѣлями къ нему приставленные: въ томъ же духѣ дѣйствовали и, вообще, аристократическіе его знакомые, которые его, кстати, своею внѣшнею утонченностью прельстили очень мало, и которыхъ онъ называлъ „испорченными дикарями“. Его, въ концѣ концовъ, даже начало восхищать „единство въ дѣйствіяхъ“ всей русской администраціи тамъ, гдѣ нужно скрыть отъ постороннихъ глазъ что-нибудь „неудобное“, вродѣ Шлиссельбургской тюрьмы, гдѣ его не хотѣли пустить въ камеру Ивана IV на томъ основаніи, что въ той части зданія сидятъ политическіе заключенные. Онъ съ дрожью думалъ и о томъ, что этому правительству слишкомъ хорошо и исправно служатъ, и о томъ, что съ такою заботою можно скрывать только безчеловѣчныя преступленія. Онъ передаетъ кстати, что его увѣрили, будто въ кронштадскихъ тюрьмахъ сидятъ еще со времени Александра I (?) политическіе заключенные въ ужасающихъ условіяхъ. Такъ какъ обо всемъ приказано молчать, то онъ многому, что удастся услышать, склоненъ придавать вѣру. И снова и снова повторяетъ онъ съ несвойственнымъ этому сдержанному человѣку увлеченіемъ: „ихъ революція будетъ ужасна“... „въ націи, управляемой такъ, какъ эта, страсти долго кипятъ раньше, нежели

разразиться; опасность можетъ приближаться съ часу на часъ, зло продолжается, кризисъ затягивается; наши внуки, быть можетъ, еще не увидятъ взрыва, который тѣмъ не менѣе мы можемъ предсказать уже теперь, какъ неизбѣжный, не предсказывая времени его наступленія“¹⁾.

Замѣчательно, что къ личности Николая Кюстинъ относится какъ-то двойственно, онъ все что-то не договариваетъ. Только когда ему пришлось узнать о жестокости царя *кв дѣтямъ* декабристовъ, онъ называетъ Николая „достоинъ преемникомъ Ивана (Грознаго) и Петра I“. Въ его безпощадной и неослабѣвающей съ годами жестокости къ декабристамъ Кюстинъ видитъ личную месть. „Нѣтъ болѣе колебаній, нѣтъ болѣе неизвѣстности,—воскликаетъ „прозрѣвшій“ маркизь,—„для меня судъ надъ императоромъ Николаемъ состоялся наконецъ. Это—человѣкъ характера и воли, и это нужно, чтобы сдѣлаться тюремщикомъ трети земного шара; но нѣтъ у него великодушія: это мнѣ слишкомъ доказываетъ употребленіе, которое онъ дѣлаетъ изъ своей власти“. Правительственныя варварства, поражающія *еще не родившихся дѣтей* политическихъ преступниковъ, безчестятъ всю націю, съ отчаяніемъ восклицаетъ Кюстинъ.

Страна горя, слезъ, палачей, подавленныхъ стонъ, дикаго монгольскаго произвола, чисто восточной лжи, покорныхъ, несчастныхъ рабовъ—вотъ резюме впечатлѣній Кюстина о Россіи. И онъ съ тревогою предостерегаетъ Францію и Европу отъ завоевательныхъ плановъ русскаго самодержавія, весь *raison d'être* котораго онъ видитъ только въ завоевательной политикѣ. Онъ рѣшительно отказывается сравнивать какой бы то ни было европейскій абсолютизмъ съ русскимъ. „Нужно жить въ этой пустынѣ безъ покоя, въ этой тюрьмѣ безъ отдыха, которая называется Россіею, чтобы почувствовать всю свободу, которою люди пользуются въ другихъ странахъ Европы, какая бы форма правленія ни была тамъ принята“... „Когда вашъ сынъ,—добавляетъ онъ своей корреспонденткѣ,—„будетъ недоволенъ Франціею, воспользуйтесь моимъ рецептомъ, скажите ему: отправляйся въ Россію. Это—путешествіе для всякаго иностранца полезное; кто хорошо видѣлъ эту страну, тотъ будетъ доволенъ жизнью во всякомъ другомъ мѣстѣ“.

V.

Можно себѣ представить, какой переполохъ вызвала книга Кюстина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея автора столь очаровательно ласкали, гдѣ съ нимъ такъ пріятельски откровенничали, гдѣ явно льстили себя надеждою, что этотъ знатный и замѣтный иностранецъ, вернувшись въ Парижъ, разсѣетъ разные неблагоприятные слухи и сведетъ къ нулю „польскую интригу“ и всѣхъ, имѣющихъ

¹⁾ Custine, III, стр. 137.

наглость не восхищаться режимомъ Николая Павловича. И вдругъ такой всеевропейскій скандалъ! Скандалъ, исходящій отъ консерватора, клерикала, маркиза, представителя старой аристократіи! Скандалъ неслыханный и требующій немедленныхъ мѣръ. Тогдашнее русское правительство къ европейской своей репутации было очень чувствительно. Нужно было возможно скорѣе „опровергнуть“ неблагодарнаго маркиза. И вотъ, въ началѣ 1844-го года, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ опубликованія книги Кюстина, на свѣтъ Божій появляется въ Парижѣ тощая, но до курьеза развязная книжечка Николая Греча, посвященная уничтоженію Кюстина ¹⁾. Гречъ изъясняетъ въ началѣ книжонки, что онъ написалъ сначала ее по-русски, но „уступая желанію“ компатріота (т. е. какого-то Кузнецова, какъ явствуетъ изъ обложки) онъ позволилъ этому компатріоту опубликовать это произведеніе на французскомъ языкѣ. Кромѣ того, написалъ онъ (разумѣется!) эту книжку по собственному „движенію“, а вовсе не по порученію русскаго правительства, какъ объ этомъ сообщало ложно нѣсколько газетъ въ Германіи и Франціи. И „единственно для исполненія долга совѣсти, въ интересѣ чести и истины“,—больше ни для чего,—онъ создалъ свой трудъ. Все это читаемъ въ предисловіи. Съ чувствомъ описываетъ Гречъ, какъ онъ, „бродя“ по Парижу, набрелъ въ одномъ пассажѣ на книгу Кюстина (конечно, совершенно случайно!) и ждалъ отъ нея сначала много пріятнаго. „Произведеніе маркиза Кюстина! сказалъ я самому себѣ: это имя мнѣ знакомо; это имя потомка благородной фамиліи, которая нѣкогда пожертвовала своею жизнью и всѣмъ своимъ имуществомъ чести и долгу; произведеніе этого краснорѣчиваго и умнаго писателя, который еще недавно былъ гостемъ Россіи, который получилъ тамъ со стороны двора самый обязывающій, самый милостивый, самый лестный пріемъ“... И вотъ, горькое разочарованіе суждено было пережить довѣрчивой душѣ Греча: книга Кюстина оказалась ложной и клеветнической, а самъ Кюстинъ—неблагодарнымъ слѣпцомъ, не увидѣвшимъ красоту русскаго строя и превратно истолковавшимъ правосудное и мягкое сердце Николая Павловича. Затѣмъ слѣдуетъ ругань. Кюстинъ такъ ничего не понялъ въ Россіи, какъ глухонѣмой въ оперѣ. Онъ, Гречъ, даже не хотѣлъ и опровергать эту книгу на французскомъ языкѣ, потому, что вѣдь „она не возбудила въ Парижѣ большого интереса“ и ее „быстро забыли“, и уже „черезъ три недѣли о ней не говорили“. Къ этой фразѣ присоединено примѣчаніе: «Я ошибся; только что появилось второе изданіе этой книги». Въ Германіи книга Кюстина также «возбудила негодованіе», но «въ Германіи ее читаютъ, ее комментируютъ, ее переводятъ». Итакъ, движимый презрѣніемъ къ забытому въ Парижѣ и возмущающему Германію маркизу Кюстину, Николай Гречъ рѣшилъ окончательно

¹⁾ Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine intitulé „La Russie en 1839“, par N. Gretsches. Traduit du russe par Alexandre Kousnetzoff. A Paris, 1844. (107 страницъ).

опровергнуть всѣ клеветы на Россію и ея монарха. Во-первыхъ, Гречъ до такой степени не понимаетъ, какъ возможно человѣку не любить Николая, что даже просилъ въ Парижѣ объяснить ему эту противоестественную черту, обнаруженную Кюстиномъ. «Мнѣ отвѣтили (кто—неизвѣстно: on me répondit), что «вообще думаютъ», что Кюстинъ хлопоталъ за одного поляка, но неудачно, и «безуспѣшность» его стараній воспламенила ненависть къ Николаю.

Все ложно въ книгѣ Кюстина. Онъ обвиняетъ русскихъ придворныхъ, бывшихъ въ свитѣ наслѣдника въ Эмсѣ, что они до гнусности, до неслыханныхъ нигдѣ въ Европѣ размѣровъ низкопклонны предъ своимъ господиномъ и наглы безъ него. Неправда, просто, они съ великимъ княземъ «болѣе вѣжливы», нежели другъ съ другомъ. Кюстинъ передаетъ разсказъ любекскаго трактирщика насчетъ того, что прїѣзжающіе въ Европу русскіе — веселы, а уѣзжающіе въ Россію — печальны. Очень просто: прїѣзжаютъ русскіе въ Европу, «обыкновенно» весною, когда погода хорошая и ждуть, что ихъ здоровье поправится; а уѣзжаютъ осенью, когда погода дурная, они утомлены, проигрались, здоровье не поправилось. При чемъ же тутъ Николай Павловичъ? Далѣе. Князь К. на пароходѣ разсказалъ Кюстину нѣсколько исторій предосудительнаго характера, рѣчь была и о возможности произвольной ссылки въ Сибирь по приказу Николая. Гречъ въ праведномъ гнѣвѣ восклицаетъ: «...Происходило ли что-либо подобное въ Россіи, въ царствованіе нынѣшняго императора? Ссылали ли когда-либо въ Сибирь кого-либо кромѣ преступниковъ, уличенныхъ и осужденныхъ въ порядкѣ, предписываемомъ правосудіемъ?» Употребляетъ Кюстинъ также фразу: «императоръ боится гласности». Гречъ величаво замѣчаетъ на это: «я могу увѣрить маркиза и всѣхъ его читателей, что нашъ императоръ, который слѣдуетъ божественнымъ заповѣдямъ и голосу своей совѣсти, — любимъ и обожаемъ своимъ народомъ. что онъ не боится ничего въ мірѣ...» Правда цензура существуетъ, «но она учреждена не въ пользу императора, а въ пользу его подданныхъ; ибо важно предохранить ихъ отъ яда, который растлилъ и разрушилъ много государствъ въ Европѣ». Всѣ опроверженія въ такомъ же родѣ. Кюстинъ говоритъ, что при постройкѣ (безумно-спѣшной) Зимняго дворца погибла масса людей. Нѣтъ, не масса! Спросятъ: а все-таки, сколько? «Я могу громко и смѣло отвѣтить: ни одного!» И очень просто почему: «дай Богъ, чтобы за границей узнали, съ какою отеческою заботливостью императоръ бдитъ надъ сохраненіемъ жизни и здоровья послѣдняго изъ своихъ подданныхъ!» Всѣмъ при Николаѣ хорошо живется, особенно же солдатамъ: «знаетъ-ли онъ (Кюстинъ), насколько свободно отъ всякихъ заботъ существованіе русскаго солдата, когда онъ возвращается къ своему очагу?» Личность русскаго гражданина также вполне обезпечена: «Нужно знать, что люди, которымъ въ Россіи ввѣрено высшее управленіе полиціей, принадлежатъ къ благороднѣйшей части націи и пользуются довѣріемъ императора такъ же, какъ уваженіемъ всей имперіи». Конечно, «мы не отрицаемъ, что

въ случаѣ важныхъ подозрѣній или вслѣдствіе доноса, имѣющаго сильныя признаки правдоподобія, иногда случается, что и невинный попадаетъ подъ арестъ», — но «какъ только его невинность узнается, двери тюрьмы тотчасъ же раскрываются», и пострадавшій получаетъ еще вознагражденіе! Напрасно поэтому Кюстину такъ тяжело было въ оградѣ Петропавловской крѣпости: «Мы, вѣрно-подданные добраго и справедливаго императора, проходимъ по этой крѣпости безъ малѣйшаго страха, убѣжденные, что отъ насъ самихъ зависитъ быть или не быть тамъ заключенными». Далѣе, Гречъ прямо какъ будто издѣвается надъ своими высочайшими клиентами: Кюстинъ утверждалъ, что въ Россіи боятся говорить свободно; Гречъ апеллируетъ къ Европѣ: «развѣ у насъ не думаютъ, не говорятъ свободнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ? Что мы употребляемъ почтительныя выраженія, когда рѣчь идетъ объ императорѣ,—такъ это понятно само собою. Но если мы не говоримъ о немъ въ тонѣ, какой употребляютъ многіе иностранцы относительно своихъ государей, такъ не вслѣдствіе страха, какъ думаетъ г. маркизь, а изъ уваженія къ себѣ самимъ. Кто не почитаетъ челоуѣка, которому обязанъ повиновеніемъ, тотъ унижаетъ и роняетъ самого себя», нравоучительно кончаетъ это размышленіе санктъ-петербургскій независимый литераторъ. «Да и какъ не любить Николая Павловича?—умиленно вопрошаетъ онъ дальше, слишкомъ ужъ, легко и пріятно людямъ жилось при немъ и при всей династіи: наши отцы были счастливы при Екатеринѣ, мы сами—при Александрѣ I были счастливыми юношами, при Николаѣ I счастливыми мужами. Очень просто! Всякій съ довѣріемъ и любовью взираетъ на государя, кромѣ, конечно, людей съ нечистою совѣстью: тѣ только никакъ не могутъ «вынести орлинаго взгляда государя». Вообще, Гречъ ручается, что если бы и разрѣшить народъ отъ присяги, то шестьдесятъ милліоновъ головъ выбрали бы все равно Николая императоромъ. И не только Николай безупречно прекрасенъ, не только *высшая* полиція есть цвѣтъ русской націи, но и *низшая* тоже весьма достохвальна. Лжетъ Кюстинъ, говоря, что полицейскіе офицеры часто бьютъ безъ вины простой народъ. Ничего подобнаго: «если же что-либо такое случается, и если подана жалоба правительству, то виновный предается суду, который налагаетъ на него суровое наказаніе».

Говоритъ Кюстинъ и о ссылкѣ Лермонтова за стихи на смерть Пушкина. Но во-первыхъ, не могли же эти стихи понравиться правительству, во-вторыхъ, Лермонтовъ, вообще, былъ виновенъ въ нарушеніяхъ субординаціи, а въ-третьихъ, пребываніе на Кавказѣ было очень полезно для развитія его таланта. Словомъ, все, все налгалъ Кюстинъ, и нечего много объ этомъ писать. «Для всѣхъ людей благомыслящихъ (*bien pensants*), для всѣхъ друзей истины, я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что я сказалъ, будетъ достаточно. Что касается до другихъ, то не для нихъ взялся я за перо». Такъ гордо кончается книжечка *Nicolas Gretch'a*.

Но, повидимому, этого произведенія показалось для полнаго уни-

чтоженія Кюстина нѣсколько маловато. Очень ужъ жадно читался всюду Кюстинъ; очень ужъ быстро сдѣлался онъ настольной книгою всѣхъ тѣхъ французскихъ и англійскихъ газетныхъ публицистовъ, которымъ приходилось касаться Россіи. За все царствованіе Николая едва ли другая книга о Россіи надѣлала столько шума, какъ книга Кюстина, быть можетъ, именно вслѣдствіе явнаго отсутствія всякихъ либеральныхъ пристрастій у этого легитимиста-консерватора. Слѣды кюстиновскаго вліянія мы находимъ едва-ли не на всей послѣдующей (не по казенному заказу возникшей) литературѣ о николаевской Россіи. Пришлось поэтому вслѣдъ за Гречемъ выпустить и другого правдолюбца.

Кто такой былъ Дюэ, написавшій въ томъ же 1844 году «Критику» на сочиненіе Кюстина ¹⁾? Изъ обложки явствуетъ, что онъ былъ парижскимъ адвокатомъ. Библиографическія справки убѣдили насъ, что за свою жизнь онъ написалъ *три* работы, изъ коихъ каждая не имѣетъ абсолютно ничего общаго съ двумя остальными: 1) «Французская и латинская реторика для употребленія въ пансіонахъ»; 2) «Военное уложеніе о наказаніяхъ» во Франціи (неофициальное изданіе съ примѣчаніями) и 3) вышеназванное опроверженіе книги Кюстина о Россіи. По какому поводу онъ написалъ этотъ трудъ? Съ какою цѣлью? Ни о чемъ подобномъ онъ не говоритъ; предисловія нѣтъ, поясненій ни малѣйшихъ, и Дюэ съ первой строчки входитъ въ *medias res*, т. е. начинается ругань. Кюстинъ желалъ произвести скандалъ (*a visé au scandale*), и «позорно преуспѣлъ въ этомъ». Только за этимъ онъ «призвалъ европейское вниманіе на Россію и на государя, которымъ она имѣетъ счастье обладать въ качествѣ главы». И вотъ теперь, въ іюнѣ 1844 года, когда его величество какъ разъ пребываетъ въ Лондонѣ, газеты опять рекламируютъ книгу Кюстина. Въ этихъ четырехъ томахъ нѣтъ никакой логики, они безсвязны, противорѣчивы, и, вообще, совершенно не нравятся Дюэ. Такъ что хотя Дюэ и чуждъ Россіи, и никогда тамъ не былъ, но «нашему безкорыстному голосу... повѣрятъ больше», чѣмъ злокачественному маркизу. Дальше идетъ, рѣшительно ни съ того, ни съ сего, изложеніе исторіи Россіи отъ «859 года», откуда почему-то «date l'empire russe». Это изложеніе, гдѣ уже *ни единымъ звукомъ* не поминается Кюстинъ съ его книгою,—тянется на протяженіи половины книжки. Jgor'i Yaropolk'i, Mstislaf'ы смѣняются разсказомъ о томъ, какъ Карлъ XII перешелъ въ Малороссіи чрезъ рѣку «Неперъ» и т. д. Даже отдаленнаго касательства все это къ книгѣ Кюстина не имѣетъ,—да, впрочемъ, и излагается вовсе не въ полемическомъ духѣ, а въ тонѣ спокойнаго, эпическаго повѣствованія. Потомъ, дойдя до Николая, Дюэ сообщаетъ, что царь подобенъ льву, а разные памфлетисты—червякамъ, и царь не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. После всего этого вдругъ къ изумленію читателя слѣдуетъ фраза:

¹⁾ Critique des mystères de la Russie et de l'ouvrage de M. de Custines: „La Russie en 1839“, suivie de l'extrait du voyage de l'empereur. Par Duez (Paris 1844).

«Finissons avec M. de Custines». Какъ же съ нимъ «кончить», когда даже не было «начато?» Кончаетъ же Дюэ съ Кюстиномъ такъ. Россія счастлива при династїи, которую она для себя выбрала, а посему—«оставьте же, г. маркизь ее, эту Россію, съ ея счастьемъ, котораго не разрушить вашъ длинный памфлетъ; онъ не заставитъ ее забыть пословицу: когда хорошо, то искать лучшаго, значитъ найти худшее». На «частностяхъ» Дюэ не останавливается вовсе, кромѣ немногихъ исключеній. Такъ, Кюстинъ говоритъ, что русское правительство нетерпимо къ католическому духовенству. Вовсе нѣтъ, оно очень терпимо, но католическіе священники бунтуютъ. Нужно же ихъ за это наказывать! А насчетъ постройки Зимняго дворца (пунктъ, больно уязвившій Николая), то рабочіе, строившіе его, «вовсе не мученики», потому что «замѣтьте, эта постройка была произведена не по приказу»... «всѣ русскіе, живущіе въ Петербургѣ, захотѣли выстроить вновь дворецъ по добровольной подпискѣ, которую отвергъ императоръ». А если такъ, то вполне понятна неестественная быстрота постройки: «усердіе, любовь сдѣлали это чудо, а не насиліе и не принужденіе». Значитъ, ларчикъ открывался очень просто!

Что отказалъ Николай княгинѣ Трубецкой въ ея просьбѣ насчетъ дѣтей, то правосудіе вѣдь не должно страдать, и, наконецъ, Трубецкой хотѣлъ вмѣстѣ съ другими заговорщиками убить царя. Остается еще одна страничка,—но ее Дюэ заполняетъ уже не защитою Николая (эту часть дѣла считая, очевидно, успѣшно выполненною), а возвышеннымъ трактованіемъ Іоанна Грознаго, котораго Кюстинъ также обидѣлъ. Для этого нашъ авторъ выбираетъ методъ сравнительно-исторической. Да, въ Россіи былъ Іоаннъ Грозный. Но вѣдь и другія націи въ этомъ отношеніи небезгрѣшны? Напримѣръ, вотъ, въ Англіи—былъ Кромвель, во Франціи революція. На этомъ нашъ мыслитель кончаетъ свое опроверженіе, снова и снова констатируя въ Кюстинѣ «низкую душу», любителя лжи и скандаловъ, и испорченнаго, неблагодарнаго человѣка.

Таковы были два защитника Николая Павловича предъ Европой отъ нападеній Кюстина. Какъ мы видимъ—французъ оказался еще плачевнѣе русскаго, ибо Гречъ, по крайней мѣрѣ, хоть лгаль нѣчто относящееся къ дѣлу, а Дюэ почти ровно ничего о книгѣ Кюстина не говоритъ, а излагаетъ, совершенно неизвѣстно для какой надобности, беспорядочно надерганная и перевернутая краткія свѣдѣнія изъ исторіи Россіи отъ призванія варяговъ до 1844 года. Но что же было дѣлать? Коротенькое славословіе по поводу путешествія Николая въ іюнѣ 1844-го года въ Лондонъ, приложенное къ брошюрѣ Дюэ, ясно говоритъ, что книга Кюстина продолжаетъ приносить вредъ, ибо всѣ описанія пребыванія Николая въ Лондонѣ написаны «съ возмутительною партійностью», и при этомъ всѣ авторы признаютъ авторитетомъ Кюстина, грязнаго лжеца и пр. Это показываетъ, почему нужно было возможно скорѣе прибѣгнуть ко вторичному Гречу, разъ первый не принесъ никакой пользы; вотъ, вѣрно, въ виду неприяностей съ путешествіемъ, столь

поспѣшно и возникъ Дюз. Кстати, по поводу этого путешествія слѣдуетъ особо сказать нѣсколько словъ.

Въ маѣ 1844 года Николай, въ сопровожденіи многочисленной свиты, чрезъ Берлинъ и Гаагу выѣхалъ въ Англію. Въ это время русская дипломатія старалась тѣснѣе сблизиться съ Англіей, чтобы изолировать Францію, и это путешествіе безъ заѣзда къ «королю баррикадъ» должно было ясно подчеркнуть обиду Николая на французскій народъ за революціонный образъ мыслей. 1-го іюня царь прибылъ въ Вульвичъ, и начались балы, выѣзды, смотры, и проч.; все это длилось нѣсколько дней, послѣ чего Николай уѣхалъ обратно. Пребываніе въ Лондонѣ, невзирая на всю любовь Викторіи и принца-супруга, прошло не безъ треній. Во-первыхъ, газеты устроили приемъ въ достаточной мѣрѣ холодный, и ограничились почти исключительно описаніемъ торжествъ безъ всякихъ отъ себя привѣтствій. Во-вторыхъ, друзья поляковъ рѣшили устроить какъ разъ во время пребыванія Николая въ Лондонѣ митингъ протеста противъ жестокостей русскаго правительства, и митингъ очень удался и сопровождался бурей криковъ противъ Николая. Былъ изданъ «циркуляръ» подъ названіемъ «императоръ Николай въ Англіи», приглашавшій *обсудить*, до какой степени долженъ англійскій народъ обнаружить гостепримство къ прѣбывшему посѣтителю. Въ третьихъ, высшая англійская аристократія во главѣ съ маркизою Эльсбери и герцогиней Сомерсетъ устроили въ пользу поляковъ блестящій балъ, при чемъ еще устроители напечатали (6-го іюня) въ газетахъ, что по ихъ постановленію, *нѣтъ никакихъ препятствій* къ устройству этого бала: иначе говоря, они отказались разсматривать присутствіе въ Лондонѣ русскаго гостя, какъ такое препятствіе. Въ четвертыхъ, послѣ виндзорскаго смотра толпа такъ бурно привѣтствовала герцога Веллингтона, что старикъ принужденъ былъ обратиться къ ней съ увѣщаніемъ: «Не мнѣ, господа, не мнѣ, а императору!» (который тутъ же находился). Въ пятыхъ, Николай послалъ въ пользу поляковъ 500 фунтовъ стерлинговъ—устроителямъ бала, послѣ того какъ стало ясно, что балъ все равно отмѣненъ не будетъ, а они (по словамъ Герцена—леди Сомерсетъ, по словамъ Лондонскаго корреспондента *Journal des Debats* въ № отъ 14-го іюня 1844 г.—лордъ Дедли-Стюартъ) отказались отъ этого пожертвованія, ибо сочли этотъ подарокъ «несовмѣстимымъ съ столь жестокими указами, жертвами которыхъ являются какъ польскіе эмигранты, такъ и оставшіеся въ родной странѣ». Этотъ отказъ произвелъ огромную сенсацію, и поляки рѣшили отправить къ лорду Дедли-Стюарту благодарственную депутацію. Все это были частности; важнѣе всего былъ ледяной приемъ со стороны народа всюду, гдѣ высокій гость появлялся. Образъ преслѣдуемой Польши замораживаетъ симпатіи англійскаго народа,—писали «*Times*» и другіе руководящіе органы, отмѣчая эту *демонстративную* холодность. Были приняты, повидимому, кое-какія мѣропріятія для борьбы со зломъ. Англичане, какъ извѣстно, безумно любятъ лошадинныя скачки и всячески отличаютъ выигравшую ло-

шадь. Такъ вотъ, Николай Павловичъ, по окончаніи скачекъ въ Эскоттѣ, вдругъ вышелъ изъ своей ложи и, въ сопровожденіи тоже гостившаго тогда въ Англіи саксонскаго короля, подошелъ къ побѣдительницѣ-кобылѣ «Миссъ-Элайсъ» и собственноручно ее похлопалъ. Но и это пошло на пользу больше саксонскому королю: «это обстоятельство,—пишутъ газеты,—доставило такое удовольствіе толпѣ, что тотчасъ же образовался кругъ возлѣ ихъ величествъ, и саксонскому королю стоило большого труда избавиться отъ сердечныхъ объятій зрителей».

Путешествіе окончилось, и Николай возвратился въ Россію, а безкорыстный Дюзъ, какъ сказано, почелъ благовременнымъ къ опроверженію книги Кюстина присоединить столь же горячее и столь же убѣдительное опроверженіе всякихъ предосудительныхъ толковъ насчетъ поѣздки его величества и пребыванія въ Лондонѣ. Впрочемъ, на этомъ можно съ Дюзъ и покончить, ибо слѣдуя своему методу, онъ и тутъ не столько опровергаетъ, сколько «отъ себя» славословитъ путешественника и его поѣздку.

Евгеній Тарле.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дѣло Столпакова и Бѣлозерскаго.

(1865 г.).

„Временному суду въ 1864 г. были преданы штабсъ-ротмистръ 7-го гусарскаго Бѣлозерскаго полка *Алексій Столпаковъ* и подпоручикъ Черниговскаго губернскаго баталіона *Александръ Бѣлозерскій* по обвиненію: первый—въ принадлежности къ тайному революціонному обществу „Земля и Воля“, а второй—въ храненіи у себя возмутительныхъ воззваній и чтеніи ихъ своему товарищу, подпоручику Герасимову.

Во время производства слѣдствія въ г. Черниговѣ о Васильковскомъ уѣздномъ землемѣрѣ коллежскомъ регистраторѣ Андрущенкѣ и операторѣ Черниговской врачебной управы Носѣ было обнаружено при обыскѣ у прикосновеннаго къ этому дѣлу дворянина Мосолова письмо за подписью „А. Столпаковъ“; письмо оканчивалось шестью строчками шифрованныхъ словъ, было датировано 21 августа 1863 г. и было отправлено изъ с. Корочи, Курской губерніи. Съ этого и началось все дѣло. Столпаковъ былъ подвергнутъ допросу, на которомъ показалъ, что съ Мосоловымъ онъ познакомился въ Москвѣ и 21 августа дѣйствительно послалъ ему при письмѣ деньги за книги, которыя Мосоловъ ему обѣщалъ прислать, но еще не прислалъ; шифрованныя слова онъ разобрать не можетъ, такъ какъ потерялъ ключъ къ шифру, а система шифровки была довольно сложна; насколько онъ припоминаетъ, шифрованныя строчки касались вопроса о сборѣ вспомоствованія семьямъ, ссылаемымъ за политическія преступленія. На дальнѣйшіе разпросы слѣдственной власти Столпаковъ сообщилъ, что мысль о подобномъ сборѣ денегъ родилась у него самостоятельно, подъ вліяніемъ коллекты въ пользу Михайлова. Однако слѣдственная коммисія, принявъ во вниманіе, что воззванія къ пожертвованіямъ въ пользу политически-страдавшихъ печатались въ заграничныхъ нелегальныхъ изданіяхъ, и сборъ денегъ производился „Землей и Волей“, предложила ему рядъ вопросовъ объ его отношеніяхъ къ этому сообществу, но Столпаковъ настойчиво отрицалъ какое бы то ни было свое въ немъ участіе. Шифрованное письмо было передано для расшифровки въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ однако прочесть шифръ не удалось.

Виновность же Бѣлозерскаго открылась предательскимъ образомъ дѣйствія его сослуживца по баталіону поручика Герасимова. Послѣдній доло-

жилъ командиру баталіона, что наканунѣ онъ былъ въ гостяхъ у Бѣлозерскаго, который, между прочимъ, старался доказать Герасимову, что дѣйствія русскаго правительства по отношенію къ полякамъ неправильны, и далъ ему для прочтенія запрещенные стихи, при чемъ взялъ съ него слово о сохраненіи безусловной тайны. Въ этихъ стихахъ упоминались имена казенныхъ декабристовъ. Затѣмъ Бѣлозерскій далъ ему, отвѣдя его для этого уже въ другую комнату, воззваніе къ русскому народу; на воззваніе была наложена печать съ подписью „русскій центральный народный комитетъ“ и „Земля и Воля“. Наконецъ, Бѣлозерскій общалъ его познакомить съ пріѣхавшимъ изъ Москвы въ Черниговъ студентомъ, у котораго имѣлось много свѣдѣній о заговорѣ, и рассказывалъ о дѣляхъ и средствахъ „Земли и Воли“.

Произведеннымъ затѣмъ разслѣдованіемъ было обнаружено пребываніе у доктора Носа—Андрущенки, у котораго были найдены преступныя воззванія, и который въ концѣ концовъ призналъ, что далъ Бѣлозерскому стихотвореніе „Долго насъ помѣщики душили“ и воззваніе „Свобода“.

Столпаковъ былъ выпущенъ въ 1860 г. изъ вахмистровъ Николаевскаго училища гвардейскихъ юнкеровъ съ чиномъ поручика; по происхожденію былъ смоленскій дворянинъ. Бѣлозерскій окончилъ 2-й кадетскій корпусъ въ 1855 г. и происходилъ изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей.

Военный судъ приговорилъ Столпакова и Бѣлозерскаго уволить отъ службы.

Генераль Аудиторіатъ далъ заключеніе о такомъ же наказаніи.

Заключеніе было подтверждено 10 іюня 1863 г., при чемъ была положена еще отдѣльная резолюція: „Вмѣстѣ съ этимъ увѣдомить шефа жанд. и Мин. Внут. Дѣлъ, чтобы обоимъ было воспрещено жительство въ столицахъ, и на мѣстѣ ихъ пребыванія учредить самый строгій надзоръ“.

Послѣ Шлиссельбурга.

(Изъ Шлиссельбурга на о. Сахалинъ.—10 дней въ домѣ предварительнаго заключенія въ Петербургѣ.—Одинъ день въ Сѣверной башнѣ въ Москвѣ, въ Бутыркахъ.—Одесса.—На пароходѣ Добровольнаго флота „Ярославль“.—Въ дорогѣ.—Сахалинъ.—Политическіе ссыльные на Сахалинѣ.—Занятіе Сахалина Японцами.—Объявленіе Японцевъ о свободѣ выѣзда для политическихъ ссыльныхъ.—Возвращеніе въ Европейскую Россію черезъ Японію, Шанхай, Владивостокъ, Манчжурію и Сибирь).

9-го февраля 1902 года оканчивался срокъ моего двадцатилѣтняго заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости. Полной увѣренности въ томъ, что меня увезутъ по окончаніи срока, у меня не было. Хотя до меня и увозили товарищей, отбывшихъ срочную каторгу въ назначенные сроки, какъ напр. Манучарова, Л. А. Волкенштейнъ, Шебалина, Панкратова и другихъ, но былъ и такой случай: поручикъ Михаилъ Федоровичъ Лаговскій былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость безъ суда, административно, на пять лѣтъ. Въ день истекшаго срока входитъ къ нему въ камеру комендантъ и объявляетъ, что по Высочайшему повелѣнію срокъ его увеличивается еще на 5 лѣтъ. При этомъ комендантъ прочелъ что то такое о поведеніи Лаговскаго, но за что именно оставляли его еще на 5 лѣтъ безъ суда, ничего не было сказано. Мы написали эту жестокость товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Оржевскому. Дѣло въ томъ, что въ одно изъ своихъ посѣщеній Шлиссельбурга, Оржевскій обратился къ Лаговскому съ такимъ вопросомъ: «Ну, а твоё здоровье какъ?» На это ему Лаговскій отвѣтилъ: «Если Вы еще разъ употребите мѣстоименіе ты, то и я Вамъ буду говорить ты». Оржевскій посмотрѣлъ пристально на Лаговскаго, покачалъ головой и сказалъ: «Дорого Вамъ это обойдется». Лаговскій просидѣлъ въ Шлиссельбургѣ 10 лѣтъ.

Въ ночь съ 8-го на 9-ое февраля меня увезли.

8-го февраля я простился съ Вѣрой Николаевной Фигнеръ и Карповичемъ. Съ остальными откладывалъ на 9-ое февраля. Тяжелое чувство пришлось переживать, оставляя заживо погребенныхъ товарищей. По Ириновской жел. дор. довели меня до Петербурга. Затѣмъ пересадили въ карету и привезли въ домъ предваритель-

наго заключенія. Сопровождали 2 жандарма и жандармскій офицеръ Яковлевъ, служившій въ городѣ Шлиссельбургѣ. Впослѣдствіи этотъ Яковлевъ былъ комендантомъ Шлиссельбургской крѣпости. Ни въ Шлиссельбургской крѣпости, ни въ дорогѣ мнѣ не объявляли куда меня сылаютъ. О Сахалинѣ я узналъ совершенно случайно въ домѣ предварительнаго заключенія при слѣдующихъ обстоятельствахъ: желая повидаться съ своей сестрой, которая была въ Петербургѣ, я просилъ бумаги и конвертъ, чтобы написать ей письмо. Письменные принадлежности мнѣ принесли. Затѣмъ входитъ въ камеру управляющій домомъ предварительнаго заключенія и говоритъ: «едва ли ваше письмо успѣетъ дойти до вашей сестры. Сегодня у насъ суббота. Слѣдовательно, прокуроръ судебной палаты получить его не ранѣе понедѣльника, а можетъ быть и позже. Пароходъ же на Сахалину отправляется въ этомъ году ранѣе и васъ отправятъ въ Одессу вѣроятно завтра или въ понедѣльникъ». «Вамъ значитъ извѣстно, что меня отправляютъ на Сахалинъ?.. спросилъ я его. «А Вамъ развѣ не объявляли?» «Нѣтъ». «Въ такомъ случаѣ, ради Бога не проговоритесь гдѣ нибудь, что вы узнали это отъ меня» взмолился управляющ. домомъ пред. закл. Письмо къ сестрѣ я ему отдалъ для отправки по инстанціямъ. Не прошло получаса, какъ мнѣ шепнулъ одинъ изъ служащихъ: «Ваша сестра уже увѣдомлена анонимнымъ письмомъ, что васъ привезли въ Петербургъ». Адресъ сестры они прочли на конвертѣ, отправленномъ мною черезъ управляющаго. Получила ли это письмо сестра, не знаю. Въ тотъ же день стало извѣстно, что въ Московскоя пересыльной тюрьмѣ не все готово къ отправкѣ на Сахалинъ, вслѣдствіе чего было рѣшено отправить партію изъ Петербурга не ранѣе какъ черезъ 10 дней. Свиданія со мною разрѣшили сестрѣ, теткѣ и двумъ братьямъ. Брату моей матери Конст. Мих. Станюковичу не разрѣшили свиданія со мной. Свиданья происходили въ отдѣльной камерѣ въ присутствіи тюремнаго начальства и продолжались не болѣе получаса. Заходили ко мнѣ въ камеру и члены судебного вѣдомства, интересовавшіеся Шлиссельбургомъ. Въ свою очередь я узналъ, что какъ домъ предварительнаго заключенія, такъ и другія тюрьмы Петербурга переполнены студентами.

Узналъ также, что въ домѣ предварительнаго заключенія студенты только голодовкой добились слѣдствія. Меня посадили въ нижнемъ этажѣ и изолировали отъ сосѣдей изъ политическихъ. Рядомъ со мной сидѣлъ уголовный, который умѣлъ перестукиваться. На прогулку меня выводили вечеромъ, ужъ послѣ того какъ фонари были зажжены. Такъ прошли эти 10 дней. Наканунѣ отправки зашелъ для освидѣтельствованія докторъ, который нашелъ, что я успѣшно вынесу морское путешествіе. Всѣ отправляемые на Сахалинъ, какъ политическіе, такъ и уголовные всегда подвергались медицинскому осмотру въ присутствіи комиссіи относительно способности выдержать морское путешествіе, которое длится отъ Одессы до Сахалина 55 дней. Бывали случаи, что уголовныхъ, немогущихъ вынести морскаго плаванія, отправляли черезъ Сибирь. Но я не

слышаль примѣра, чтобы комиссія признала хотя одного политическаго не способнымъ выдержать моря. Сестра моя, зная, что въ дни юности я съ большимъ трудомъ переносилъ морскія путешествія, хлопотала въ главномъ тюремномъ управленіи, чтобы меня отправили на Сахалинъ черезъ Сибирь. При этомъ она соглашалась взять издержки по отправкѣ на жандармовъ туда и обратно на свой счетъ. Ей отвѣтили, что это зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, который, можно сказать съ увѣренностью, на это не согласится. Говорили, что у одного изъ представителей главнаго тюремнаго управленія уже была рѣчь обо мнѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Сипягинимъ. На замѣчаніе, что послѣ двадцатилѣтняго сидѣнія въ Шлиссельбургѣ можно было бы сослать куда нибудь ближе чѣмъ на Сахалинъ, Сипягинъ ему отвѣтилъ: «ближе никоимъ образомъ нельзя».

На другой день послѣ медицинскаго осмотра, часовъ въ 9 утра, меня въ сопровожденіи конвойнаго офицера и двухъ конвойныхъ солдатъ повезли къ поѣзду. Поѣздъ стоялъ неподалеку отъ станціи, готовый къ отправкѣ. Всѣ уголовные уже были размѣщены по вагонамъ. Лишь только я вошелъ въ вагонъ, какъ поднялся одинъ изъ уголовныхъ и во весь голосъ звучнымъ баритономъ запѣлъ «Allons enfants de la patrie...» а нѣсколько голосовъ крикнули «свобода». Но перваго пѣвца конвойные такъ быстро схватили и увели въ другой вагонъ, что онъ успѣлъ пропѣть только эти слова марсельезы. Въ этомъ вагонѣ помѣщался и конвой, сопровождавшій поѣздъ. Мнѣ указали скамейку. На противоположной скамьѣ сидѣли конвойные солдаты. Слева близъ двери также помѣщались конвойные солдаты. Эти солдаты отдѣляли меня живой стѣной отъ уголовныхъ, которымъ запрещали подходить ко мнѣ. Я конечно, не обращалъ на это вниманія и бесѣдовалъ съ уголовными. Такого порядка держались во все время слѣдованія до Одессы. Минуть черезъ 20 поѣздъ тронулся. Несмотря на эту обстановку, несмотря на тюремный режимъ въ домѣ предварительнаго заключенія, все же не вѣрилось, что это дѣйствительность. Только что пришлось увидѣть изъ окна кареты молодья и бодрья лица студентокъ и студентовъ идущихъ на лекціи, учителя гимназіи спѣшащаго и боящагося опоздать, молочницу съ ея кувшинами. Словомъ петербургское утро. Въ Шлиссельбургѣ мы видѣли только синіе мундиры. Людей же мы не видѣли.

Въ Москву поѣздъ нашъ пришелъ на слѣдующій день раннимъ утромъ. Предполагалось пребыть въ Москвѣ цѣлый день, такъ какъ здѣсь была главная сборная партія уголовныхъ, которыхъ конвойный офицеръ долженъ былъ принять. Изъ поѣзда всѣхъ перевели въ пересыльную тюрьму, въ Бутырки. Меня помѣстили въ Сѣверной башнѣ, въ первомъ этажѣ. Едва успѣлъ я умыться, какъ открылась дверная форточка и тюремный служитель спросилъ не желаю ли я кипятку для чая. Въ это время къ моей форточкѣ стали подходить содержащіеся въ этой же сѣверной башнѣ политическіе, которые ссылались административнымъ порядкомъ въ Си-

бирь. Ихъ было человекъ 10, по преимуществу рабочіе. Были и служившіе въ Московской Земской управѣ. Они отгѣснили служителя и ужъ до самаго вечера не дали запереть дверной форточкы. Узналъ отъ нихъ я многое, въ особенности о рабочемъ движеніи. Узналъ, что въ пересыльной тюрьмѣ сидитъ нѣсколько сотъ студентовъ и около 200 курсистокъ, и что всѣ московскія тюрьмы переполнены. Имъ сообщилъ я о товарищахъ погибшихъ и оставшихся въ Шлиссельбургской крѣпости. Курсистки прислали мнѣ цвѣтовъ и письмо. Я имъ отвѣтилъ. Но до сихъ поръ не могу вспомнить безъ сожалѣнія, что не успѣлъ отвѣтить на письмо, подписанное «Студенты и курсистки за 9-ое февраля». Письмо это глубоко тронуло меня. Въ особенности порадовало меня, что студенчество, выбравшись изъ дебрей метафизики марксистовъ, объединяется подъ знаменемъ «Народной Воли». Хотѣлось имъ сказать это и еще многое. Хотѣлось имъ сказать, что имѣя передъ глазами такое поколѣніе какъ ихъ, можно ли говорить и думать о такомъ вздорѣ, какъ ссылка на Сахалинъ. День, проведенный въ Москвѣ—одно изъ лучшихъ моихъ воспоминаній. Письмо мнѣ передали передъ тѣмъ, какъ меня увели въ вагонъ. Я не успѣлъ отвѣтить.

Отъ Москвы до Одессы пересадокъ не было. Поѣздъ двигался медленно. Конвойный офицеръ часто заходилъ въ нашъ вагонъ. Однажды, подошелъ онъ ко мнѣ и говоритъ: «Въ Петербургѣ очень заботятся о васъ, на каждой станціи жандармы справляются о васъ». За нѣскольکو станцій передъ Одессой, къ конвою присоединился жандармскій офицеръ. Вслѣдствіе того, что Одесскія тюрьмы были переполнены студентами, поѣздъ подошелъ прямо къ пристани, гдѣ стоялъ пароходъ Добровольнаго флота «Ярославль», куда сейчасъ же и перевели всѣхъ.

Партія уголовныхъ состояла изъ 800 человекъ мужчинъ и 50 женщинъ.—Вольнослѣдующихъ за мужьями было 30 женщинъ.

Изъ политическихъ былъ одинъ я.

Меня помѣстили въ отдѣльную каютку, заперли подъ ключъ и приставили часового. Позаботился Одесскій градоначальникъ Шуваловъ, чтобы около моей каюты до отхода парохода, кромѣ часового, находился околоточный надзиратель и два сыщика, несмотря на то, что здѣсь же находился и часовой. Попросилъ я, чтобы мнѣ принесли каталогъ изъ каютъ-компаніи. Не несутъ. Оказалось, что старшій офицеръ, въ вѣдѣніи котораго находился я, былъ занятъ и на ходу сказалъ буфетчику: «выберите какую нибудь книгу и отнесите, каталогъ пришлю черезъ четверть часа». Буфетчикъ очень долго перерывалъ книги въ книжномъ шкафу и наконецъ выбралъ. «Что вы выбрали?» спрашиваютъ заинтересованные офицеры старичка-буфетчика. «Преступленіе и Наказаніе» Достоевскаго, отвѣтилъ онъ. Офицеры разсмѣялись, сказали, чтобы буфетчикъ поставилъ книгу на мѣсто и прислали каталогъ. Пароходъ стоялъ на рейдѣ дня три. Братья мои пріѣхали въ Одессу. Департаментъ полиціи имъ разрѣшилъ свиданья со мной. Ихъ запирали подъ

ключъ въ моей каюткѣ и они могли оставаться у меня сколько пожелаютъ. При свиданьяхъ согладатая не было.

По росписанью «Ярославль» долженъ былъ сняться 1-го марта. Но такъ какъ 1-ое марта приходилось въ пятницу, а офицеры «Ярославля» не отличались отъ другихъ русскихъ офицеровъ относительно суевѣрія не сниматься съ якоря въ пятницу, то пароходъ снялся въ двѣ минуты перваго часа послѣ полуночи, чтобы вышла суббота. Въ понедѣльникъ утромъ мы были въ Константинополѣ и остановились при входѣ въ Золотой Рогъ. Когда пароходъ, послѣ обѣда, снялся, то меня перевели въ хорошую каюту, предложили бинокль и не запирали подъ ключъ до самаго Сахалина. И я пользовался этой относительной свободой. Много ходилъ по палубѣ и просиживалъ до глубокой ночи на открытомъ воздухѣ. Говорю относительной свободой, такъ какъ во время остановокъ въ портахъ около меня безотлучно находился часовой и съѣзжать на берегъ я не имѣлъ права. На разстояніи многихъ тысячъ миль пришлось проѣхать много интересныхъ мѣстъ, но видѣлъ только то, что было доступно биноклю съ борта парохода. Въ Средиземномъ морѣ изрядно качало. Многие подверглись морской болѣзни, но я къ великому моему удивленію чувствовалъ себя хорошо. Даже голова отъ качки не разболѣлась. И такъ вплоть до Сахалина. Только во время качки аппетитъ увеличивался. Выйдя изъ Суэзскаго канала въ Красное море термометръ началъ сильно повышаться. Уголовныхъ, которыхъ везутъ въ кандалахъ, здѣсь обыкновенно расковываютъ. Изъ душныхъ трюмовъ, гдѣ помѣщаются уголовные, то и дѣло начали выносить на вольный воздухъ впавшихъ въ обморочное состояніе. Уголовныхъ выводили на палубу для прогулки и купанья подъ краномъ, но на короткое время. Остальное время имъ приходится быть въ убійственной атмосферѣ. И это впродолженіи 55 дней! Общество Добровольнаго флота предлагало правительству устроить специальный пароходъ для перевозки ссыльныхъ на Сахалинъ. Пароходъ этотъ могъ бы дѣлать рейсъ изъ Одессы до Сахалина въ 20 дней. Для этого нужно было повысить плату за перевозку. Правительство не согласилось. Въ такихъ же убійственныхъ условіяхъ возили на Сахалинъ и партіи политическихъ. «Если бы вы были не одни, а въ партіи, то пришлось бы и вамъ сидѣть въ трюмѣ подъ ключемъ», говорили офицеры мнѣ.

Газеты по преимуществу англійскія доставали въ портахъ, гдѣ пароходъ бралъ уголь—въ Константинополѣ, Портъ-Саидѣ, Коломбо, Сингапурѣ, Нагасаки. Въ Нагасаки вижу оживленіе среди офицеровъ. Сипягина убили, говорятъ. Во Владивостокъ пришли на пасхальной недѣлѣ и простояли довольно долго. Чуть не съ недѣлю. Сдавали и принимали грузъ. Здѣсь мнѣ удалось повидаться съ политическими ссыльными, проживавшими во Владивостокѣ. Устроилось это такимъ образомъ: приходитъ ко мнѣ одинъ изъ служащихъ на пароходѣ и сообщаетъ мнѣ таинственнымъ голосомъ, что на пристани нѣсколько молодыхъ людей, повидимому студенты, спраши-

вали обо мнѣ. Я догадался въ чемъ дѣло. Попросилъ его пригласить этихъ молодыхъ людей къ себѣ въ каюту, куда и я могъ входить. Такимъ образомъ я познакомился со всѣми политическими ссыльными, проживавшими въ Владивостокѣ. Видѣлись мы ежедневно. Снялись съ якоря 24 апрѣля а 26-го утромъ мы пришли къ посту Корсаковскому, находящемуся на южной оконечности Сахалина. Простоявъ нѣсколько часовъ, пароходъ направился къ сѣверу по Татарскому проливу и 28 апрѣля въ 7 часовъ утра бросилъ якорь на рейдѣ поста Александровскаго, главнаго административнаго пункта острова Сахалина.

На пароходъ для осмотра пріѣхалъ Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, который въ посту Александровскомъ занималъ должность и судового врача. Онъ зашелъ ко мнѣ и сообщилъ, что сейчасъ пріѣдетъ Людмила Александровна Волкенштейнъ (его жена) и другіе. Пріѣхали Людмила Александровна Волкенштейнъ, сынъ ея студентъ Петербургскаго университета, Сергѣй Александровичъ съ женой, Вѣрой Михайловной, Иванъ Львовичъ Манучаровъ и Борисъ Ивановичъ Еллинскій. Такимъ образомъ я былъ среди своихъ старыхъ друзей. Много лѣтъ просидѣли мы съ Людмилой Александровной и Манучаровымъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Передавъ имъ привѣты отъ оставшихся въ Шлиссельбургѣ друзей и сообщивъ имъ о жизни въ Шлиссельбургѣ за послѣдніе годы, я узналъ отъ нихъ, что меня не оставятъ въ посту Александровскомъ, а отправятъ въ Тымовскій округъ въ селеніе Рыковское. Въ это время съ парохода на пристань перевозили на баржахъ уголовныхъ. Когда была готова послѣдняя баржа, пришли за мной. Вся наша компанія сѣла въ эту баржу и черезъ 10 минутъ мы были на пристани. Здѣсь пришлось проститься съ друзьями потому, что меня увели въ карантинное зданіе. Это зданіе весной и осенью, когда «Ярославль» привозилъ ссыльныхъ, пока не распредѣляли ссыльныхъ по округамъ, служило тюрьмой. Мнѣ пришлось просидѣть въ карантинѣ дней шесть. Друзья посѣщали меня ежедневно, приносили пищу. Принесли и оленьихъ шкуръ, такъ какъ въ полу были щели въ палецъ, чрезъ которыя виднѣлись льдины, приносимыя волнами морскими. Заходили ко мнѣ и знакомые съ «Ярославля». На третій день зашелъ ко мнѣ военный губернаторъ острова Сахалина Ляпуновъ. Спросилъ, какъ я устроился. Я показалъ пальцемъ на щели въ полу и прибавилъ, что лично для меня это безразлично, такъ какъ я имѣю теплую шубу и оленьи кожи, но каково женщинамъ и дѣтямъ, которыя помѣщены въ такихъ же условіяхъ. «Понимаю, но ничего не могу сдѣлать, въ тюрьмахъ у меня еще хуже, людей не хватаетъ для работы» сказалъ Ляпуновъ. Вскорѣ узналъ я, что какъ разъ въ это время строится въ 30 комнатъ новый губернаторскій домъ. Затѣмъ губернаторъ продолжалъ: «Зналъ я очень хорошо вашего бывшего шлиссельбургскаго коменданта, полковника Гангардта, не правда-ли прекрасный человѣкъ?»

Вспомнилъ я замученныхъ въ Шлиссельбургѣ товарищей «согласно инструкцій», авторами которыхъ были: Плеве, Сипягинъ и

т. п. Вспомнилъ я и Гангардта, который мнѣ однажды говорилъ въ мастерской въ бытность мою старостой въ Шлиссельбургѣ, что онъ все готовъ сдѣлать для тюрьмы, но въ предѣлахъ закона. Если же вздумаютъ нарушать законъ, то онъ и этого не побоится, при этомъ онъ указалъ на топоръ. Въ предѣлахъ закона или яснѣ говоря инструкцій! Но публикѣ уже извѣстно, каковы были инструкціи въ Шлиссельбургѣ. Правда, отъ себя Гангардтъ не подбавлялъ горечи, какъ дѣлали другіе коменданты.

«Относительно другихъ комендантовъ, Гангардтъ былъ лучше, онъ не выходилъ за предѣлы инструкціи» отвѣтилъ я губернатору. «За предѣлы инструкціи! такъ чего же вы еще хотите?» «Я ровно ничего не хочу, я отвѣтилъ на вашъ вопросъ».

Не смотря на хлопоты друзей меня не хотѣли освободить до отправки въ селеніе Рыковское. Наконецъ пріѣхалъ въ постъ Александровскій начальникъ Тымовскаго округа Соболевъ. Зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что вслѣдствіе весенней распутицы ѣхать въ Тымовскій округъ нѣтъ возможности и придется пробыть въ посту Александровскомъ еще недѣли двѣ. Затѣмъ прибавилъ: «Если вы дадите мнѣ честное слово, что не уѣдете обратно на «Ярославль», то я васъ отпущу на квартиру доктора Волкенштейна, на свою отвѣтственность». «Честнаго слова я вамъ не дамъ» отвѣтилъ я. Онъ вышелъ. Спустя нѣсколько минутъ онъ вошелъ снова и сказалъ «можете идти къ доктору Волкенштейну». 15-го мая меня увезли въ селеніе Рыковское.

Приступая къ краткому изложенію исторіи политической ссылки на Сахалинѣ, не могу не выразить сожалѣнія, что обладаю для этого весьма скуднымъ матеріаломъ. Изъ тѣхъ товарищей, которыхъ я засталъ на Сахалинѣ, никто не велъ записокъ, касающихся политической ссылки. Писатель Чеховъ, по требованію генералъ-губернатора барона Корфа, не встрѣчался съ политическими ссыльными. Дорошевичъ и Новомбергскій едва упоминаютъ о политическихъ ссыльныхъ. Миролобовъ также даетъ весьма мало свѣдѣній. Приходится ограничиться тѣмъ, что я слышалъ отъ товарищей на Сахалинѣ и главнымъ образомъ Александра Ивановича Александрина, который на Сахалинѣ прибылъ въ 1889 году и могъ дать свѣдѣнія въ хронологическомъ порядкѣ. Но повторяю свѣдѣнія эти скудны, и желательно, чтобы взялся дополнить ихъ ктонибудь изъ тѣхъ, кто болѣе знакомъ съ исторіей политической ссылки на Сахалинѣ. Нѣкоторые прожили на Сахалинѣ по 15 и 18 лѣтъ и могли бы сообщить значительно больше.

Осенью 1886 года прибыла первая партія политическихъ на Сахалинѣ. Состояла она изъ членовъ польскаго «Пролетаріата». Изъ этой партіи засталъ я на Сахалинѣ столяра Адольфа Станиславовича Форминскаго, который въ послѣднее время завѣдывалъ мельницей въ селеніи Рыковскомъ. Ранѣе онъ проживалъ въ посту Александровскомъ и послѣ освобожденія изъ тюрьмы занимался земледѣліемъ. Ему, какъ и многимъ другимъ ссыльнымъ изъ политическихъ, пришлось корчевать то мѣсто, которое занимает те-

перь постъ Александровскій. Когда были привезены первыя партіи, то на берегу стоялъ казенный складъ и неподалеку небольшая слободка, которая называется теперь малой Александровкой. Форминскій въ 1904 году выѣхалъ въ Хабаровскъ, гдѣ проживала его жена съ дѣтьми, которые находились въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ настоящее время Форминскій находится на станціи Евгеньевкѣ, неподалеку отъ Никольска-Уссурійска. Служить онъ при лѣсномъ складѣ. Вторая партія пришла весной 1887 года также изъ «Пролетаріата», одного и того же процесса.

Судились они въ Варшавѣ въ 1885 году. Во второй партіи пришли: Поплавскій, Адамъ Сѣрошевскій, Плосскій, Дегурскій, Блюхъ, Бугайскій, Словикъ, Гипшеръ, Гельшеръ, Домбровскій, Шмаусъ, Госткевичъ. Въ 1902 году еще были на Сахалинѣ изъ этой партіи, уже получившіе крестьянскія права. Адамъ Фомичъ Сѣрошевскій изъ технического училища, завѣдывалъ хозяйственною частью въ психіатрической лечебницѣ, въ селѣ Михайловкѣ. Выѣхалъ Сѣрошевскій съ Сахалина въ 1904 году. Въ 1905 году служилъ близъ Никольска-Уссурійска на станціи Евгеньевкѣ, на частной службѣ, завѣдывалъ лѣснымъ складомъ. Дегурскій, Блюхъ и Бугайскій по профессіи ткачи. Проживали они въ селѣ Михайловкѣ, Александровскаго округа, занимались земледѣліемъ. Въ февралѣ 1905 г. Дегурскій старикъ 74 лѣтъ, почти слѣпой выѣхалъ съ Сахалина въ Лодзь, Петроковской губ., Блюхъ и Бугайскій послѣ занятія Сахалина японцами ждали сообщенія съ г. Николаевскомъ, чтобы выѣхать на материкъ. Шмаусъ—ткачъ проживалъ въ посту Александровскомъ. Плосскій былъ въ Благовѣщенскѣ и служилъ въ конторѣ Амурскаго пароходства. Госткевичъ во Владивостокѣ, служить въ управленіи желѣзной дороги. Домбровскій застрѣлился на второй день послѣ того, какъ былъ оскорбленъ начальникомъ тюрьмы. Дѣло было такъ: проходя черезъ тюремный дворъ онъ встрѣтилъ начальника тюрьмы и не поклонился ему. Начальникъ тюрьмы подошелъ къ нему и сбиль съ него шапку.

Осенью 1887 года привезли на Сахалинъ по дѣлу 1-го марта 1887 года Бронислава Осиповича Пилсудскаго, Степана Александровича Волохова, Петра Гаркуна и Канчера. Пилсудскій изъ студентовъ Петербургскаго университета, послѣ того какъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, завѣдывалъ метеорологической станціей въ селеніи Рыковскомъ. Временно занимался въ школѣ. Собиралъ растенія для гербарія. Много времени посвящалъ изученію быта Гиляковъ. Въ 1903 году онъ выѣхалъ въ Хабаровскъ. Въ концѣ 1904 года былъ командированъ отъ Отдѣленія Географическаго Общества г. Владивостока, на югъ Сахалина въ Корсаковскій округъ для изученія быта Айновъ. Въ началѣ іюня 1905 г. за мѣсяць до занятія Сахалина японцами выѣхалъ на материкъ. 13-го ноября 1905 г. я встрѣчался съ нимъ во Владивостокѣ.

Степанъ Александровичъ Волоховъ изъ студентовъ Петербургскаго университета, послѣ того какъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы занимался земледѣліемъ. Затѣмъ завѣдывалъ мельницей и лѣсо-

пилкой въ с. Рыковскомъ. Въ послѣднее время въ качествѣ артельщика завѣдывалъ тюремной пекарней. Въ 1902 году выѣхалъ въ Хабаровскъ, гдѣ служить въ частномъ банкѣ. Петръ Гаркунъ былъ осужденъ на 10 лѣтъ. Выѣхалъ во Владивостокъ въ началѣ 1902 года. Умеръ въ Никольскѣ-Уссурійскѣ въ 1905 году. Канчеръ былъ осужденъ на 10 лѣтъ, отравился и одновременно застрѣлился въ 1892 году. Причина — удаленіе товарищами изъ своей среды, когда стало извѣстно, что онъ былъ предателемъ по дѣлу 1-го марта 1887 года. Ювачевъ Иванъ прибылъ на Сахалинъ весной 1887 года изъ Шлиссельбургской крѣпости. Завѣдывалъ метеорологической станціей въ с. Рыковскомъ. Въ 1896 году выѣхалъ. Въ настоящее время находится въ Петербургѣ. Въ 1888 году были привезены на Сахалинъ Иванъ Ивановичъ Мейснеръ за покушеніе на жизнь начальника харьковской тюрьмы. Осужденъ на 18 лѣтъ. На Сахалинѣ за оскорбленіе начальника тюрьмы подвергался тѣлесному наказанію въ 1888 году. По выходѣ изъ тюрьмы занимался земледѣліемъ въ Михайловкѣ. Послѣ трагической смерти жены былъ переведенъ во Владивостокъ въ 1897 году. Жена Мейснера была убита ученикомъ Мейснера. Этотъ ученикъ влюбился въ нее и не встрѣчая взаимности убилъ ее. Станиславъ Хроновскій по одному дѣлу съ Мейснеромъ и одновременно прибылъ съ нимъ на Сахалинъ. Осужденъ былъ на 15 лѣтъ. По выходѣ изъ тюрьмы давалъ уроки и сотрудничалъ въ газетахъ. Въ 1899 году выѣхалъ въ Благовѣщенскъ. Василій Вольновъ по процессу Лопатина. Осужденъ былъ на 12 лѣтъ каторжныхъ работъ. Ударилъ зрителя сахалинскихъ складовъ и за это наказанъ розгами. По выходѣ изъ тюрьмы завѣдывалъ мастерскими. Выѣхалъ во Владивостокъ въ 1899 году. Завѣдуетъ въ Морскомъ госпиталѣ во Владивостокѣ электрическимъ освѣщеніемъ. Кузинъ по дѣлу Лопатина. Во время пути на Сахалинъ, на пароходѣ, былъ наказанъ канатами. Послѣ того какъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы поселился въ селеніи Михайловкѣ и занимался земледѣліемъ. Временно завѣдывалъ мастерскими въ посту Александровскомъ. Въ 1899 году выѣхалъ съ Сахалина въ портъ Ольги. Василій Бражниковъ былъ сосланъ на Сахалинъ административнымъ порядкомъ на 10 лѣтъ. Жилъ уроками. Выѣхалъ на родину въ Кубанскую область въ 1899 году.

Прибывшіе на Сахалинъ въ 1889 году: Ефемъ Петровскій—осужденъ по дѣлу о бомбахъ въ Новочеркасскѣ. Умеръ на островѣ въ сентябрѣ 1893 г. Александръ Ивановичъ Александринъ изъ студентовъ Петербургскаго университета, по тому же дѣлу былъ осужденъ на 18 лѣтъ каторжныхъ работъ. При проведеніи дороги изъ поста Александровскаго въ селеніе Рыковское завѣдывалъ участкомъ. Послѣ выхода изъ тюрьмы занимался земледѣліемъ. Былъ учителемъ въ школѣ. Въ 1905 году выѣхалъ съ острова въ Европейскую Россію, въ Донскую область. Виталій Черновъ, офицеръ казацкій, по тому же дѣлу осужденъ на 15 лѣтъ. Въ 1898 году выѣхалъ съ острова.

Николай Лаврентьевич Перлашкевичъ бывшій офицеръ. Судился въ Харьковѣ. Былъ приговоренъ къ смертной казни, казнь замѣнена пожизненной каторгой. При проведеніи дороги изъ селенія Рыковского завѣдывалъ участкомъ. По выходѣ изъ тюрьмы завѣдывалъ метеорологической станціей въ с. Рыковскомъ. Занимался уроками. Былъ временно библіотекаремъ. Въ послѣднее время былъ бухгалтеромъ при управленіи. За корреспонденцію былъ снова заключенъ на одинъ мѣсяцъ въ тюрьму и высланъ временно изъ с. Рыковского въ маленькое сел. Мало-Тымово. Въ 1905 году, послѣ того какъ Сахалинъ былъ взятъ японцами, которые объявили свободу выѣзда для политическихъ, Перлашкевичъ выѣхалъ черезъ Японію и Шанхай во Владивостокъ. Во Владивостокѣ въ 1906 году былъ преданъ суду за статьи помѣщенные во Владивостокскомъ листкѣ и осужденъ въ ссылку на поселеніе.

Административно ссыльные: Левъ Штернбергъ, изъ студентовъ Новороссійскаго университета. На 10 лѣтъ сосланъ. Много времени посвящалъ изученію быта Гиляковъ. Имѣлъ уроки въ посту Александровскомъ. Въ Европейскую Россію выѣхалъ въ 1897 г. Иванъ Суворовъ на 10 лѣтъ. Выѣхалъ по окончаніи срока въ Европейскую Россію. При губернаторѣ Каноновичѣ Штернбергъ и Суворовъ подвергались высылкѣ на одинъ годъ изъ поста Александровскаго въ отдаленные кордоны. Иванъ Хмѣлевцевъ на 10 лѣтъ. Выѣхалъ въ Хабаровскъ въ 1897 году. Карпенко на 10 лѣтъ. Умеръ на островѣ въ 1890 г. Борисъ Ивановичъ Еллинскій, изъ студентовъ Медико-Хирургической Академіи былъ осужденъ на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ. По выходѣ изъ тюрьмы былъ наблюдателемъ на метеорологической станціи. Имѣлъ фотографію и давалъ уроки, сотрудничалъ въ газетѣ. Въ 1905 году выѣхалъ въ Благовѣщенскъ. Сергѣй Солодовниковъ по одному дѣлу съ Еллинскимъ. Жилъ уроками по выходѣ изъ тюрьмы. Въ 1898 году застрѣлился въ селѣ Рыковскомъ. Иванъ Львовичъ Манучаровъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Казнь замѣнена 10 лѣтней каторгой. Отбывши срокъ каторги въ Шлиссельбургской крѣпости, въ 1895 году былъ сосланъ на Сахалинъ. Средства къ жизни добывалъ уроками. Завѣдывалъ временно библіотекой, сотрудничалъ въ газетѣ. Въ послѣднее время также держалъ корректуру агентскихъ телеграммъ. Въ 1902 году выѣхалъ въ Благовѣщенскъ, гдѣ находится и по настоящее время. Людмила Александровна Волкенштейнъ была приговорена къ смертной казни. Смертная казнь замѣнена 15-ти лѣтней каторгой. Отбывши срокъ каторги въ Шлиссельбургской крѣпости въ 1896 году, она была сослана на Сахалинъ сначала въ постъ Корсаковскій. Здѣсь она работала при больницѣ въ качествѣ фельдшерицы и одновременно была наблюдательницей на метеорологической станціи. Ея статья «Японскіе рабочіе на рыбныхъ промыслахъ Сѣверной Японіи и Южнаго Сахалина», написанная въ посту Корсаковскомъ, была напечатана въ журналѣ «Русское Богатство». Затѣмъ Людмила Алек-

сандровна была переведена въ постъ Александровскій, гдѣ также работала въ качествѣ фельдшерицы. Отъ платы за труды, которую предлагала ей администрація, Людмила Александровна отказалась. Нѣкоторыя ея корреспонденціи съ Сахалина перепечатывались всѣми лучшими газетами. Среди ссыльнаго населенія острова Людмила Александровна пользовалась большимъ уваженіемъ и любовью. И дѣйствительно мимо горя она не могла проходить. Сахалинская администрація не могла слышать имени Людмилы Александровны безъ ненависти. Въ августѣ 1902 года она выѣхала съ Сахалина во Владивостокъ. Здѣсь въ январѣ 1906 года она была убита, возвращаясь съ митинга, солдатами, стрѣлявшими въ народъ.

Въ 1901 году былъ привезенъ на Сахалинъ Свидерскій рабочий. По выходѣ изъ тюрьмы завѣдывалъ библіотекой. Былъ наказанъ розгами за то, что назвалъ тюремную администрацію ворами:

Въ 1902 г. осенью по дѣлу о бунтѣ на Обуховскомъ заводѣ въ Петербургѣ были привезены на Сахалинъ: Анатолій Ермаковъ и Анатолій Гавриловъ, рабочіе. По выходѣ изъ тюрьмы Ермаковъ завѣдывалъ ночлежнымъ домомъ въ селеніи Рыковскомъ. Еще въ бытность свою въ тюрьмѣ, онъ отстаивалъ интересы заключенныхъ противъ злоупотребленій, вслѣдствіе чего его преслѣдовали и по выходѣ изъ тюрьмы. За рѣзкіе отвѣты начальнику округа былъ снова заключенъ въ тюрьму, но сидѣть ему пришлось недолго. Изъ Петербурга получилось повелѣніе, которымъ разрѣшался Ермакову выѣздъ въ Европейскую Россію за исключеніемъ столицъ и фабричныхъ городовъ. Анатолій Гавриловъ по одному дѣлу съ Ермаковымъ и на томъ же основаніи выѣхалъ съ острова.

Самоубійства, тѣлесныя наказанія, тюремныя заключенія достаточно говорятъ о положеніи политическихъ ссыльныхъ на Сахалинѣ. Въ 1902 году я засталъ не такой суровый режимъ, но съ началомъ освободительнаго движенія въ Россіи и Японской войны снова начались репрессіи. Письма снова начали вскрывать и выдавать въ полицейскомъ управленіи, а не въ почтовой конторѣ.

По пріѣздѣ моемъ въ селеніе Рыковское я сталъ завѣдывать библіотекой; когда библіотека была перенесена изъ школьнаго помѣщенія въ отдѣльный домъ, въ центральную часть селенія и явилась возможность устроить при библіотекѣ читальню, то дѣло пошло хорошо. До двухсотъ поселенцевъ брали книги на домъ. Изъ тюрьмы такъ же былъ большой спросъ на книги. Читальня посѣщалась въ праздничные дни и въ дни свободные отъ работъ. Библіотека была бесплатной и сравнительно порядочной. Получалось достаточное количество журналовъ и газетъ. Въ свободное отъ занятій время я собиралъ растенія для гербаріевъ. Изъ трехъ гербаріевъ, составленныхъ мною, я одинъ отправилъ въ Академію Наукъ, другой въ музей при техническомъ обществѣ, а третій въ Сахалинскій музей. Гербаріи не богаты числомъ видовъ, но злаки и огородныя растенія, культивируемыя на Сахалинѣ, помѣщены всѣ. Задумалъ было я организовать артели изъ поселенцевъ для ловли рыбы на Охотскомъ берегу. Каждый поселенецъ могъ бы зарабо-

тать отъ 150 до 200 руб. въ лѣто, даже при тѣхъ низкихъ цѣнахъ, какія платили японцы за рыбу. Бѣдность среди поселенцевъ на Сахалинѣ вопіющая, за рѣдкими исключениями. Японцы соглашались взять всю рыбу сколько бы ея не было, доставить сѣти и прислать соотвѣтственное число шкувъ. Дѣло налаживалось. Оставалось получить мнѣ разрѣшеніе ѣхать на Охотскій берегъ. Зондирую почву черезъ лицъ, близко стоявшихъ къ губернатору. Вскорѣ получаю отвѣтъ: Губернаторъ не можетъ разрѣшить Вамъ ѣхать на Охотскій берегъ и организовать артели.

Изъ селенія Рыковскаго, для лѣченія глазъ, я былъ переведенъ въ постъ Александровскій, гдѣ и оставался до занятія Сахалина японцами. 11 іюля 1905 года былъ занятъ японцами постъ Александровскій, а 20-го іюля въ селеніи Оноры Тымовскаго округа сдалась японцамъ вся русская армія. 4-го августа зашелъ ко мнѣ, состоящей при штабѣ японской арміи, юрисконсультъ, капитанъ Нинагова и объявилъ, что получена телеграмма отъ японскаго морского министра, въ силу которой предлагается всѣмъ политическимъ ссыльнымъ острова Сахалина, если они пожелаютъ, выѣхать на японскихъ пароходахъ въ какой-либо портъ Японіи, тамъ повидаться съ американскимъ консуломъ, чрезъ посредство котораго и будетъ устроена отправка въ Европу или Америку. Это будетъ зависѣть отъ желанія каждаго. «Отнынѣ всѣ политическіе ссыльные острова Сахалина свободны» прибавилъ онъ. Затѣмъ далъ мнѣ прочесть копію съ письма, полученнаго морскимъ министромъ отъ американскаго гражданина доктора Русселя (русскаго эмигранта). Изъ этого письма я узналъ, что инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ русскимъ эмигрантамъ въ Америкѣ. Сказалъ Нинагова, что всѣ политическіе будутъ оповѣщены о телеграммѣ морского министра. Въ свою очередь я сейчасъ же написалъ всѣмъ товарищамъ. Относительно себя я ему сказалъ, что воспользуюсь любезнымъ предложеніемъ японцевъ и отправлюсь съ первымъ ихъ пароходомъ въ Японію. Оттуда же, такъ какъ я имѣю право въѣзда на материкъ Россіи, направлюсь въ Шанхай, чтобы при первой возможности ѣхать во Владивостокъ. На Сахалинѣ въ это время были Перлашкевичъ и Кравчикъ въ Тымовскомъ округѣ, въ селеніи Рыковскомъ, въ Александровскомъ округѣ, въ селеніи Михайловкѣ Бугайскій и Блюхъ и въ посту Александровскомъ Шмаусъ и я. Бугайскій и Блюхъ, уже получившіе права крестьянства, могли ѣхать въ Россію и поэтому рѣшили ждать сообщенія съ г. Николаевскомъ, которое было прервано послѣ занятія Сахалина японцами, чтобы прямо отправиться въ Россію. Шмаусъ находилъ невозможнымъ перевозить своего старшаго сына паралитика, который лежалъ неподвижно на кровати въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и не думалъ выѣзжать съ Сахалина. Кравчикъ рѣшилъ выѣхать. Перлашкевичъ вскорѣ послѣ меня выѣхалъ, и мы съ нимъ встрѣтились въ Японіи въ г. Кобе. Такимъ образомъ въ началѣ августа на японскомъ пароходѣ, на которомъ выѣзжали съ Сахалина русскіе военные врачи и сестры милосер-

дія через Японію въ Одессу, виїхаль и я. Въ Аомари мы пробыли сутки и затїмъ по желїзной дорогї отправились въ Іокагаму. На протяженіи всего этого пути нельзя было отыскать клочка земли необработаннаго. Обработка самая тщательная. Изъ Іокагамы спутники мои уїхали на Шанхай въ Одессу.

Какъ въ Аомари, такъ и другихъ городахъ Японіи, японскія власти объявляли мнї, что я свободенъ, были очень предупредительны, предлагали осматривать городъ, указывали европейскіе отели. Въ то же самое время врачей и сестеръ милосердія вели по улицѣ подъ конвоемъ въ особо назначенную японскую гостиницу. Если сестра или врачъ желали зайти въ магазины, то это дїбалось не иначе, какъ съ разрїшенія начальства.

Въ Іокагамѣ встрїтился я съ докторомъ Русселемъ и познакомился съ извїстнымъ американскимъ журналистомъ Георгомъ Кеннаномъ, который по порученію одного американскаго журнала писалъ здїсь о Корей. Такого живого интереса къ русскому освободительному движенію и такого отношенія ко всїмъ дїятелямъ этого движенія трудно встрїтить среди иностранцевъ. Послї своего путешествія по Россіи Кеннанъ сроднился съ ней. Кеннанъ прекрасно говоритъ по-русски, хотя стїсняется и предпочитаетъ говорить по-англійски. Когда я прїїхаль въ Кобе, то уже было извїстно о заключеніи мирнаго договора съ Россіей безъ уплаты Японіи контрибуціи и съ возвращеніемъ русскимъ $\frac{2}{3}$ Сахалина. Японцы негодовали. Жгли полицейскіе участки, устраивали демонстраціи. Правительство прибїгало къ военной силї и не обошлось безъ жертвъ. До какой степени дисциплинированы японцы, сказывается даже въ минуты сильныхъ возбужденій. Они выражали свое негодование противъ правительства. Поэтому, когда они изъ 110 полицейскихъ участковъ въ Іокагамѣ сожгли 97, то ни одно частное жилище не загорїлось. Они оцїпляли полицейскій участокъ и тогда жгли его.

Русскихъ плїнныхъ въ Японіи было болїе 50 тысячъ. Размїщались они въ различныхъ пунктахъ. Офицеровъ японцы отдїлили отъ солдатъ. Офицеры помїщались съ своими деньщиками въ отдїльныхъ прїютахъ, а солдаты отдїльно.

Солдаты въ своихъ прїютахъ получали газеты, журналы и всевозможную литературу. Кромї того, въ солдатскихъ прїютахъ читались лекціи и были собесїдованія по различнымъ вопросамъ.

Въ Кобе издавалась газета на русскомъ языкѣ «Японія и Россія». Въ этой газетї принимали участіе солдаты и офицеры.

Изъ Кобе въ Шанхай мнї пришлось їхать на нїмецкомъ пароходї. На этомъ пароходї мы встрїтились съ Перлашкевичемъ, который также направлялся черезъ Шанхай во Владивостокъ.

На этомъ же пароходї возвращалась въ Россію часть сахалинской администраціи. Почему-то нїкоторые изъ чиновниковъ попали въ 4-й классъ. Здїсь былъ и начальникъ тюрьмы, и секретарь полиціи, и архитекторъ, и многіе другіе. Ыхали всї они съ семействами. Пароходная администрація, начиная съ капитана и кончая

младшимъ офицеромъ, привыкшая дѣлить общество на «классы», занимаемые на пароходѣ, въ данномъ случаѣ посмотрѣла серьезнѣе на публику 4-го класса, которая ѣдетъ съ Сахалина. Обращалась администрація парохода съ этими чиновниками грубо, не позволяла сѣзжать на берегъ и въ заключеніе всего выдала на многочисленную чиновничью компанію всего два столовыхъ ножа. Нужно было видѣть и слышать негодованіе этихъ чиновниковъ, когда они вопили, что архитекторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, а секретарь полиціи получилъ высшее образованіе, что такого оскорбленія они не простятъ. На всѣ протесты нѣмецкое начальство парохода невозмутимо спокойно отвѣчало, что «дать имъ больше двухъ ножей нельзя, опасно». Полезно, думалось, для тѣхъ, кто управляетъ ссыльно-каторжной «исправительной» колоніей, да такъ управляетъ, какъ управляли на Сахалинѣ, побывать хотя короткое время на положеніи каторжниковъ. Пароходное начальство, очевидно, считало всѣхъ пассажировъ 4-го класса, ѣдущихъ съ Сахалина, за каторжниковъ. Тяжело только было смотрѣть на дѣтей изъ сахалинскихъ пріютовъ, которыхъ везли на этомъ же пароходѣ. Около шестидесяти мальчиковъ и дѣвочекъ помѣщались въ такомъ тѣсномъ и душномъ трюмѣ, съ которымъ развѣ только можно сравнить трюмы для невольниковъ въ былое время.

Въ Шанхаѣ мы пробыли съ мѣсяць, такъ какъ сообщенія съ Владивостокомъ до ратификаціи мирнаго договора не было.

Во Владивостокъ пріѣхали мы въ началѣ октября. Здѣсь намъ сказали, что «пока» мы можемъ проживать во Владивостокѣ. Перлашкевичъ нашелъ работу въ областномъ управленіи въ статистическомъ отдѣленіи, а я получилъ мѣсто бібліотекаря въ «Обществѣ изученія Амурскаго края». Въ это время изъ политическихъ ссыльныхъ во Владивостокѣ были: Людмила Александровна Волкенштейнъ, Вольновъ, Кузинъ, Словикъ и Властопуло. Изъ административно сосланныхъ: студенты два брата Манаевыхъ, жена старшаго брата Манаева, Анна Манаева, недавно выпущенная изъ Владивостокской тюрьмы, прикосновенная къ политическому процессу, который разбирался въ Кронштадтѣ, и студентъ Швалка. До 17 октября той напряженной дѣятельности, по освободительному движенію, среди интеллигенціи, какая была въ другихъ городахъ Россіи, во Владивостокѣ не было. Правда, существовало «Общество народныхъ чтеній». Ежедѣльно въ зданіи музея бывали чтенія, на которыя собиралась довольно многочисленная публика, состоящая изъ матросовъ, солдатъ и рабочихъ. Но чтенія эти не отвѣчали требованіямъ времени. Читались въ большинствѣ случаевъ беллетристическія произведенія, да и тѣ не всегда отличались удачнымъ подборомъ. Комитетъ, завѣдывавшій народными чтеніями, состоялъ изъ присяжнаго повѣреннаго Звѣрева, доктора Кудржинскаго, двухъ сестеръ, учительницъ Плотниковыхъ, Оржиха, Дайхесъ и другихъ. Звѣревъ былъ предсѣдателемъ. Затѣмъ было «Общество врачей», предсѣдателемъ котораго былъ Александръ Александровичъ Волкенштейнъ. Это общество первое отозвалось изъ Влади-

востока и поддержало требованія Общества врачей Пироговскаго съѣзда. Какъ говорили, среди матросовъ и рабочихъ велась болѣе активная дѣятельность. Послѣ 17 октября «Комитетъ народныхъ чтеній» собралъ митингъ въ зданіи цирка. Митингъ былъ многолюдный и подъемъ духа необычайный. Говорили рабочіе, адвокаты, врачи и священникъ, котораго послѣ этого хотѣли перевести на Сахалинъ. Общество повѣрило «конституціи». Не такъ посмотрѣлъ на дѣло владивостокскій губернаторъ. Онъ приклеилъ на всѣхъ улицахъ обращеніе къ публикѣ, въ которомъ говоритъ, что онъ не получилъ еще никакихъ разъясненій изъ министерства относительно манифеста 17-го октября, а потому проситъ лицъ, назначающихъ митинги, собранія и даже частныя засѣданія ученыхъ обществъ, обращаться за разрѣшеніемъ къ администраціи.

Въ это время было объявлено, что запасныхъ, окончившихъ свои сроки, отправятъ домой не ранѣе осени 1906 года. Мотивировалось это тѣмъ, что войска, бывшіе въ Манчжуріи, должны передать «боевой духъ» и традиціи окраинамъ. Солдаты и матросы, покинувшіе въ Россіи голодающія семьи, хотѣли во что бы то ни стало возвратиться домой къ веснѣ, чтобы успѣть сдѣлать запашки. Въ обществѣ ходили слухи, что много разъ высшее военное начальство получало коллективныя письменныя просьбы отъ матросовъ и солдатъ о томъ, чтобы окончившихъ сроки не задерживали и отправили домой. Просьбы оставались безъ отвѣта. Затѣмъ, какъ говорили, въ письмахъ выражались угрозы. Результаты тѣ же. Тогда-то и началось во Владивостокѣ военное возстаніе. О немъ много писалось въ газетахъ, такъ что подробностей повторятъ не стану. Скажу только, что въ большинствѣ случаевъ газеты искажали истину. Въ ту ночь, когда горѣлъ Владивостокъ, очевидцы говорили, что между участниками возстанія пьяныхъ и грабителей не было видно. За ними слѣдовали, какъ и за всякой арміей, мародеры, которые расхищали имущество изъ магазиновъ и тутъ же напивались. Писали, что чуть-ли не половина Владивостока была сожжена. Это также не вѣрно. Болѣе пострадала Алеутская улица, затѣмъ отчасти Свѣтланская и на нѣкоторыхъ другихъ сожжены отдѣльныя зданія. На матроской слободкѣ были сожжены дома, занимаемые содержателями веселыхъ притоновъ, кабаковъ тайныхъ и ростовщиковъ. На другой день матросы и солдаты на паперти собора предъявили коменданту слѣдующія требованія: 1) немедленно начать отправку въ Россію всѣхъ запасныхъ, окончившихъ свои сроки, 2) права посѣщать солдатамъ и матросамъ митинги, 3) освободить всѣхъ арестованныхъ въ предыдущую ночь. Комендантъ отвѣтилъ, что относительно отправки запасныхъ сейчасъ же будетъ телеграфировать главнокомандующему. Приказалъ привести два хора военной музыки, и всѣ бывшіе у собора солдаты и матросы, въ сопровожденіи многочисленной толпы зрителей, отправились къ тюрьмамъ, откуда подъ аккомпаниментъ музыки и разбиваемыхъ тюремныхъ стеколъ и дверей были выведены заключенные. Здѣсь же присутствовалъ и комендантъ Казбекъ. На другой день

рано утромъ въ сопровожденіи музыки начали отправлять запасныхъ въ Россію. Въ эти сутки было убито 48 человекъ и ранено 126. Въ публикѣ ходили слухи, что жертвъ гораздо больше. Но мною выставленныя цифры сообщены врачами тѣхъ госпиталей, куда приносили раненыхъ и убитыхъ. Войска, стоявшія въ самомъ городѣ Владивостокѣ, не стрѣляли въ матросовъ и солдатъ, а если стрѣляли, то поверхъ головъ, такъ что пули виднѣлись въ карнизахъ домовъ. Стрѣляли же части, стоявшія внѣ Владивостока. Коменданта Казбека вскорѣ смѣнили за бездѣйствіе, т. е. за то, что онъ не пустилъ въ дѣло пулеметовъ. Не знаю, какія у него были побудительныя причины не пускать въ дѣло пулеметовъ, но, судя по упорнымъ слухамъ, можно сказать, что если бы прибѣгнули къ пулеметамъ, то Владивостокъ бы пострадалъ несравненно болѣе, такъ какъ утверждали, что вся крѣпостная артиллерія была на сторонѣ возставшихъ и готова была открыть огонь по Владивостоку. Замки у пушекъ были сняты уже на второй день. Что касается до полевой артиллеріи, то и ей не довѣряли. Солдатамъ, которымъ полагается носить револьверы, не выдали ихъ, когда вели батареи въ городъ. На второй день прибыли казаки. Любопытно, что въ то время, когда комитетъ народныхъ чтеній печаталъ и расклеивалъ свои воззванія, умоляя возставшихъ остановиться и избрать другой путь, легальный, для достиженія своихъ требованій, обѣщая свою помощь,—комендантъ и вся администрація все это дѣло приписывали «Обществу народныхъ чтеній», митингу и революціонерамъ. Воззванія комитета народныхъ чтеній срывались со столбовъ и рвались въ клочки тѣми, кому предлагался конституціонный образъ дѣйствій, а авторовъ этихъ воззваній администрація, какъ людей опасныхъ, подъ благовидными предлогами выслала изъ Владивостока. Немного времени спустя послѣ этихъ событій была привезена изъ Японіи партія плѣнныхъ и помещена на Чуркиномъ мысу. Артиллерійскій офицеръ встрѣтился съ солдатомъ изъ плѣнныхъ, который ему не отдалъ чести. Послѣдовало объясненіе. Офицеръ выхватилъ шашку и ударилъ солдата. Солдатъ сбилъ съ ногъ офицера и подмялъ его подъ себя. Офицеръ вырвался и бѣжалъ въ офицерское собраніе, гдѣ и заперся. Солдатъ съ присоединившимися къ нему товарищами требовали выдачи оскорбителя, грозя поджогомъ въ противномъ случаѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что офицеръ, вызвавшій эту исторію, тутъ же застрѣлился, а другого офицера убили солдаты.

Послѣ ратификаціи мирнаго договора изъ Шанхая прибылъ крейсеръ «Аскольдъ». Въ гавань владивостокскую его не ввели, а остановились въ 12 верстахъ отъ нея. Сдѣлано это, какъ говорили, съ тою цѣлью, чтобы не дать возможности матросамъ съ «Аскольда» соединиться съ владивостокскими матросами. Прошло недѣли полторы. Тогда вся команда «Аскольда» черезъ своихъ старшихъ просила капитана довести до свѣдѣнія высшаго начальства, что она требуетъ, чтобы «Аскольдъ» былъ введенъ во владивостокскую гавань и чтобы начали увозить въ Россію запасныхъ.

На «Аскольдѣ» за немногими исключеніями были почти всѣ—запасные. Капитанъ вышелъ къ командѣ и строгимъ голосомъ объявилъ: «сегодня «Аскольдѣ» выходить въ море». На это команда спокойно отвѣтила: «Сегодня «Аскольдѣ» не выходить въ море». «Мы должны соединиться съ «Громобоемъ» и другими судами, которые направились къ берегамъ Сахалина», продолжалъ капитанъ уже упавшимъ голосомъ. «Мы не соединимся съ «Громобоемъ», а просимъ васъ доложить высшему начальству наши требованія». Это было сказано такъ внушительно, что черезъ нѣсколько часовъ капитанъ собралъ команду и прочелъ телеграмму высшаго начальства, разрѣшающую ввести «Аскольда» въ гавань. Вечеромъ того же дня «Аскольдѣ» былъ введенъ въ гавань, а на другой день съ разсвѣтомъ начали увозить запасныхъ съ «Аскольда» въ Россію. Много еще можно было бы привести аналогичныхъ фактовъ, но и этихъ достаточно.

Во второй половинѣ ноября Людмила Александровна Волкенштейнъ собралась съѣздить изъ Владивостока въ Японію недѣли на двѣ. Мужъ ея Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, получая для нея паспортъ изъ канцеляріи губернатора, узналъ тамъ, что на основаніи указа 21 октября 1905 года, я имѣю право ѣхать въ Европейскую Россію, за исключеніемъ столицъ, и въ теченіе трехъ лѣтъ состоять подъ надзоромъ полиціи. 21 ноября я выѣхалъ изъ Владивостока. На станціи Пограничной я взялъ билетъ прямого сообщенія до Харькова. Во Владивостокѣ уже была объявлена почтово-телеграфная забастовка и поговаривали о второй желѣзнодорожной забастовкѣ. Въ Харбинѣ поѣздъ пришелъ утромъ. Въ этотъ день вечеромъ былъ митингъ, на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о второй желѣзнодорожной забастовкѣ. Митингъ былъ многолюдный. Рабочихъ было по меньшей мѣрѣ около двухъ тысячъ и кромѣ того масса посторонней публики. Рѣшили забастовать, но частично, т. е. грузы, почта и частная публика не перевозятся. Запасныхъ солдатъ, возвращающихся въ Россію, перевозить и усилить число солдатскихъ поѣздовъ. Частныя лица, взявшія билеты ранѣе объявленія забастовки, имѣютъ право ѣхать до мѣста назначенія. Былъ избранъ забастовочный комитетъ изъ 37 человекъ, который въ свою очередь избралъ изъ своей среды 8 человекъ для болѣе быстраго веденія дѣла. Чуть ли не со второго дня послѣ забастовки, рабочіе повели дѣло такъ, что вмѣсто 4 воинскихъ поѣздовъ, отправляли въ сутки 8 поѣздовъ и надѣялись довести до 12 поѣздовъ въ сутки. Въ это же самое время черносотенцы печатали, какъ говорили, воззванія къ солдатамъ, въ которыхъ объясняли медленность передвиженія войскъ забастовками. Возбудить солдатъ противъ рабочихъ не удалось. Стронниками освободительнаго движенія печатались разъясненія и распространялись въ огромномъ количествѣ. Рабочіе доказали свою способность вести дѣло во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ это дѣлало управление желѣзной дороги, стоящее казнѣ такъ много денегъ.

Имѣя билетъ прямого сообщенія до Харькова, я выѣхалъ изъ Харбина съ воинскимъ поѣздомъ. Хотя поѣздъ, на которомъ мы выѣхали, носилъ названіе товаро-пассаждрскаго, но такъ какъ солдаты рѣшили, что не должно быть разницы въ скорости между поѣздами и не позволяли скорымъ поѣздамъ обгонять своего, то всѣ поѣзда шли съ одинаковою скоростью, т. е. со скоростью почтовыхъ поѣздовъ. Солдаты были очень возбуждены. Письма съ родины, перенесенныя во время войны лишенія, недостаточное пицевое довольство, имъ отпускали отъ 15 до 20 коп., и ко всему этому распоряженіе главнокомандующаго закрывать буфеты на станціяхъ во время прохожденія воинскихъ поѣздовъ. На тѣхъ станціяхъ, гдѣ не исполнялось распоряженіе главнокомандующаго, солдаты заходили въ буфеты, расплачивались и мирно возвращались въ вагоны. Тамъ же, гдѣ буфеты были закрыты, солдаты въ пять минутъ разбивали все въ дребезги.

По мѣрѣ приближенія къ Сибири волна освободительнаго движенія становилась все замѣтнѣе. Уже въ Забайкальской области, на тѣхъ ж. д. станціяхъ, гдѣ были депо, повсюду виднѣлись большія собранія рабочихъ, слышались революціонныя пѣсни. Въ Читѣ, какъ говорили, большая часть войскъ примкнула къ освободительному движенію. Въ Иркутскѣ то же самое. За два дня до прихода нашего поѣзда въ Иркутскѣ была устроена грандіозная манифестація. Въ этомъ шествіи съ красными знаменами принимали участіе болѣе 15 тысячъ человекъ, изъ коихъ болѣе двухъ третей были военные. Все было въ напряженномъ состояніи. Ждали рѣшенія центровъ. На вокзалахъ, въ вагонахъ говорилось открыто. При остановкахъ на станціяхъ въ поѣздъ вносились рабочими, интеллигентными женщинами и мужчинами корзины со всевозможной литературой, какъ мѣстныхъ изданій, такъ и привозной изъ Россіи и раздавались солдатамъ. Солдаты моментально все разбирали и запасались «для дома». На станціяхъ не было видно никакихъ властей. Мнѣ, привыкшему къ конспираціямъ и затѣмъ въ теченіе 24 лѣтъ оторванному отъ жизни, все это казалось сказкой изъ тысячи и одной ночи. Проѣхавъ Челябинскъ и уже подъѣзжая къ Сызрани картина стала мѣняться. Здѣсь и власти были на мѣстахъ, и патрули были усиленные. А близъ Курска услышалъ я въ вагонѣ о Дубасовѣ и Москвѣ.

М. Тригони.

С. В. Зубатовъ.

(Страничка изъ пережитаю).

Когда я прочелъ письмо Зубатова въ «Вѣстникъ Европы» ¹⁾, письмо, въ которомъ этотъ доблестный оберъ-сыщикъ и сверхъ-provokatorъ излагаетъ свои «нравственныя» терзанія и свои либеральныя симпатіи, мнѣ невольно вспомнились нѣкоторыя страницы изъ моей жизни, когда судьба меня, еще почти мальчика, столкнула съ этимъ «дѣятелемъ» русской исторіи. Да, дѣятелемъ: вѣдь, и они, эти выходцы изъ темнаго царства дѣлаютъ исторію. Они также неразрывно связаны со свѣтлыми явленіями русской жизни, какъ тѣнь со свѣтомъ, какъ обратная сторона медали съ ея стороной лицевой. Но мнѣ вспоминается Зубатовъ не какъ творецъ особой шпіонской системы, получившей такую широкую извѣстность подъ именемъ «Зубатовщины» — объ этомъ пусть расскажутъ жертвы второй половины его provokatorской дѣятельности, — я же помню первые шаги многообщавшаго юноши Зубатова, когда онъ изъ молодого радикала превращался въ безсовѣстнаго provokatora, еще не задававшася «историческими миссіями», а только мечтавшаго о шпіонской карьерѣ.

Въ 1882 году нашъ кружокъ юныхъ «реалистовъ» (такъ называли мы себя въ честь Писаревского «мыслящаго реалиста») пережилъ настоящій кризисъ. Послѣ односторонняго увлеченія Писаревымъ и «Русскимъ Словомъ», послѣ исключительнаго пребыванія въ сферѣ вопросовъ индивидуальной морали, нашъ кругозоръ значительно расширился знакомствомъ съ «Историческими Письмами» Лаврова, со статьями Михайловскаго. Мы цѣликомъ ушли въ сферу новыхъ для насъ общественныхъ вопросовъ.

Цѣлые дни просиживали мы за сочиненіями этихъ писателей, ставшихъ для насъ пророками, и не только читали ихъ, но и самымъ дѣятельнымъ образомъ пропагандировали среди окружающихъ новыя для насъ идеи. Слава о нашей «учености» скоро стала распространяться. Съ нами (я имѣю въ виду себя и двухъ ближайшихъ

¹⁾ Мартъ 1906 г.

моихъ товарищей: М. И. Фондаминскаго ¹⁾ и О. Г. Рубинка ²⁾ стали знакомиться, насъ стали приглашать въ разные кружки. Помню до сихъ поръ, съ какимъ жаромъ я проповѣдовалъ юнымъ курсисткамъ о субъективномъ сознаниіи и объективномъ познаниіи въ вопросѣ о свободѣ воли, объ объективно-антропоцентрическомъ, эксцентрическомъ и субъективно-антропоцентрическомъ періодахъ человѣческой исторіи и т. д. Хотя курсистки были уже революціонерками и въ этомъ отношеніи представляли для меня, шестнадцатилѣтняго мальчика, недостижимый идеаль, но онѣ съ большимъ уваженіемъ внимали моей проповѣди. Скоро черезъ одного изъ своихъ знакомыхъ я получилъ приглашеніе примкнуть къ кружку молодежи, занимавшемуся изученіемъ политической экономіи и собиравшемуся на квартирѣ исключеннаго изъ одной московской гимназіи Сергѣя Зубатова.

Въ назначенное время я направился къ нему.

Кружокъ оказался состоящимъ изъ людей гораздо старше меня, не читавшаго еще ни одной статьи по политической экономіи. Было трудно слѣдить вмѣстѣ съ ними за чтеніемъ политической экономіи Милля съ примѣчаніями Чернышевскаго. Послѣ одного, двухъ посѣщеній я пересталъ ходить въ кружокъ, но съ хозяиномъ квартиры сблизился.

Зубатовъ былъ юноша съ энергичнымъ интеллигентнымъ лицомъ. На умный, открытый лобъ красиво спускались каштановые волосы, онъ говорилъ мягкимъ вкрадчивымъ голосомъ и производилъ бы очень хорошее впечатлѣніе, если бы не угреватое лицо, на которомъ было выраженіе какой то преждевременной зрѣлости. Впрочемъ въ дни перваго знакомства я на это не обратилъ никакого вниманія и былъ очень радъ новому пріятелю, а также знакомству съ его невѣстой А. Н. Михиной, завѣдовавшей библіотеккой, куда собиралась масса молодежи и гдѣ впослѣдствіи Зубатовъ свилъ главное гнѣздо провокаціи. Не обратилъ я также вниманія и на провиденціальную близость квартиры Зубатова отъ охраннаго отдѣленія,— только заборъ отдѣлялъ домъ, гдѣ жилъ Зубатовъ, отъ дома московскаго оберполицеймейстера. Мы встрѣчались съ Зубатовымъ очень часто, но чѣмъ дальше длилось наше знакомство, тѣмъ все болѣе выступали наружу не черты сблизенія, а черты расхожденія. Я самъ не могу себѣ отдать отчета, что именно насъ разъединяло: это не были ни теоретическія, ни политическія разногласія, но что то въ нравственномъ обликѣ Зубатова не влекло

¹⁾ Матвѣй Исидоровичъ Фондаминскій былъ арестованъ въ Москвѣ въ концѣ 1886 года за принадлежность къ Московской организаціи „Народной Воли“ и сосланъ въ Якутскую область на 10 лѣтъ. Въ 1889 году онъ принималъ участіе въ „вооруженномъ сопротивленіи“ въ Якутскѣ и былъ осужденъ на 20 лѣтъ каторги. Въ 1896 году онъ умеръ въ Иркутскѣ.

²⁾ Осипъ Григорьевичъ Рубинокъ былъ арестованъ въ 1884 г. по Лопатинскому дѣлу и сосланъ на 8 года въ Якутскую область; тамъ онъ былъ избитъ якутами по наущенію полицейскаго начальства. Послѣ этого онъ сошелъ съ ума и вскорѣ по возвращеніи въ Россію умеръ.

Тали
мню
рси-
въ
мъ,
ихъ
ю-
да-
иъ
зъ
су
о-
й

Михаилъ Рафаиловичъ
ГОЦЪ.

къ
Руби
Э
ВЫХС
чайн
ТОВЕ
СОБС
ЛОСЬ
СОЗН
ЧАТИ
ДОЛЖ
ИТТИ
НЯЯ
НАЧЕ
НИКИ
СТЪС
ВЪР
Зуб
БЫТ
КОМ
СТВА
ЧИЛ
ВСТ
НЕУ
РЫН
ЧТО
ВЪ
НЫ
ЖА
ДР
НА
ВР
ДЕ
ГЛ
Р
Р
Н
В
М
Л
Г

къ нему ни меня, ни Фондаминскаго (третій членъ нашего кружка, Рубинокъ, кажется, и не знакомился съ нимъ).

Это глухо накапливавшееся разъединеніе нашло себѣ внезапный выходъ въ остромъ столкновеніи, происшедшемъ совершенно случайно и поссорившемъ насъ на нѣсколько лѣтъ. Какъ-то Зубатовъ прочелъ мнѣ свое произведеніе, въ которомъ онъ излагалъ собственную теорію нравственности. Все въ этой теоріи основывалось на выработкѣ сильной воли, для чего требовалось совершенно сознательно совершить цѣлый рядъ гадостей, о которыхъ въ печати даже и говорить неудобно. Совершать эти гадости человѣкъ долженъ былъ вполнѣ понимая ихъ значеніе, но заставляя себя итти противъ усвоенныхъ нравственныхъ понятій и этимъ упражняя свою «волю». Когда онъ прочелъ мнѣ свое твореніе, у насъ началась страшно сильная перепалка, во время которой я, весь проникнутый нравственнымъ ученіемъ Лаврова и Михайловскаго, не стѣсняясь наговорилъ ему массу рѣзкостей. Повторяю, этотъ взрывъ, вѣроятно, не былъ бы такъ остеръ, если бы что-то неуловимое въ Зубатовѣ не подготовляло разрыва съ нимъ. †

Я глубоко убѣжденъ, что въ то время Зубатовъ еще не могъ быть шпиономъ. Для этого онъ былъ и слишкомъ молодъ, и слишкомъ искрененъ въ своихъ нравственныхъ или вѣрнѣе безнравственныхъ исканіяхъ.

И такъ мы съ нимъ не только разошлись, но какъ бы разошлись. Четыре года послѣ этого мы не встрѣчались, а случайно встрѣтившись на улицѣ, не раскланивались. Впрочемъ, свѣдѣнія о немъ я за все время имѣлъ. Я думаю, что именно рѣзкому разрыву со мною и Фондаминскимъ Зубатовъ былъ обязанъ тѣмъ, что не попалъ въ Московскую народовольческую организацію. Дѣло въ томъ, что нашъ кружокъ, въ которомъ, кромѣ трехъ указанныхъ, было еще человѣкъ десять, сталъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближаться съ дѣйствующими московскими народовольцами. Одинъ за другимъ изъ нашего кружка принимался въ ядра организаціи, и наши рѣзкіе, неблагоприятные отзывы о Зубатовѣ, который все время вращался въ периферіи, окружавшей организацію, заставляли держать его вдали, хотя и приходилось пользоваться его услугами, главнымъ образомъ изъ-за библіотеки Михиной, куда, какъ я говорю, стекалась масса молодежи.

Точно опредѣлить, когда именно Зубатовъ сталъ провокаторомъ, я не могъ бы, но мнѣ кажется, что этотъ моментъ его жизни долженъ относиться къ концу 84 или началу 85 года. Это было вообще ужасное время. «Народная Воля», истекшая кровью, несомнѣнно шла быстрыми шагами къ своему окончательному разложенію, но это еще не вошло въ сознаніе дѣйствующихъ революціонеровъ. Имъ казалось, что все дѣло только въ новой концентраціи силъ при старыхъ организаціонныхъ принципахъ и тактическихъ приемахъ. Однако, силъ становилось все меньше и меньше, а на ряду съ громадными провалами 84 года страшную разрушительную работу совершала получившая начало отъ «Дегаевщины»

деморализация въ революціонныхъ рядахъ. Въ одной Москвѣ за 1884—85 годы насчитывалось нѣсколько крупныхъ провокаторовъ (Беллино—Бжозовскій, Меньшиковъ, Беневоленскій и др.). Я думаю, это время захватило и Зубатова. Помнится, мнѣ передавали въ 85 году, что Зубатова вызывалъ къ себѣ начальникъ московской охраны Бердяевъ, который предложилъ ему или поступить въ шпионы, или быть высланнымъ изъ Москвы. Зубатовъ рассказывалъ, что съ негодованіемъ отвергъ предложеніе, но на самомъ то дѣлѣ вѣрнѣе всего тогда же началъ свою доблестную службу. По крайней мѣрѣ, изъ Москвы онъ высланъ не былъ и вскорѣ очутился на должности въ центральномъ телеграфѣ.

Первой крупной выдачей, которая съ несомнѣнностью можетъ быть приписана Зубатову, былъ арестъ весною 86 года цѣлаго ряда революціонеровъ, бывшихъ довольно близкими знакомыми Зубатова, стоявшихъ внѣ народовольческой организаціи, но поддерживавшихъ съ нею отдѣльныя сношенія. Это были: Соломонъ Пикъ и Софья Гуревичъ, убитые во время извѣстной якутской исторіи 89 года, А. Болотица, сосланная по тому же дѣлу на каторгу, Эдельманъ, утопившійся въ Верхоянскѣ и многіе другіе. Если это былъ первый дебютъ Зубатова на шпионскомъ поприщѣ—онъ могъ быть вполне доволенъ.

На него, пылающаго теперь благороднымъ негодованіемъ (въ письмѣ въ «Вѣстникѣ Европы») и противъ крайнихъ лѣвыхъ, съ которыми онъ началъ свою общественную работу, и противъ крайнихъ правыхъ, съ которыми онъ закончилъ ее (вспомните дѣятельную поддержку оказанную ему «Московскими Вѣдомостями»), на него дебютанта-провокатора брызнула широкая полоса благородной человѣческой крови...

Осенью 86 года Зубатовъ, вѣроятно, почувствовалъ недостатокъ связей въ революціонномъ мірѣ, вызванный весеннею выдачею, и рѣшилъ возобновить старое знакомство. Внезапно онъ заявился въ Петровскую академію къ Фондаминскому съ просьбой дать ему какое-то революціонное изданіе, но былъ встрѣченъ такъ холодно, что этой своей попытки не возобновлялъ больше. Тогда онъ направилъ свои взоры на меня. Однажды, когда я проходилъ по Страстному бульвару, онъ подошелъ ко мнѣ съ широко протянутой рукой и сказалъ: «будетъ намъ помнить наши старья, дѣтскія ссоры, у меня есть къ вамъ дѣло, зайдите ко мнѣ въ библіотеку тогда-то». Не знаю, чѣмъ руководился Фондаминскій въ своемъ нежеланіи возобновить знакомство съ Зубатовымъ, но у меня никакихъ политическихъ мотивовъ недоверія къ Зубатову не было. Я сознавалъ, что дѣйствительно насъ разъединяла очень далекая юношеская ссора, и что у меня нѣтъ никакихъ основаній не принять протянутой руки. Я заявился въ библіотеку Михиной въ назначенное время.

„Дѣло“ Зубатова оказалось—предложеніемъ устроить нелегальную библіотеку изъ легальныхъ, но изъятыхъ изъ обращенія книгъ, находившихся въ библіотекѣ Михиной.

Я общалъ поговорить съ товарищами, но послѣдніе отсовѣтовали мнѣ начинать это дѣло, какъ нестоещее того, чтобы тратить на него квартиру. Я передалъ это рѣшеніе Зубатову, который, видимо, былъ очень недоволенъ имъ. Послѣ этого у меня состоялось съ нимъ еще одно—два свиданія, во время которыхъ отношенія наши все какъ-то не клеивались и даже происходили нѣкоторыя серьезныя неловкости. Такъ во время разговора Зубатовъ, какъ-бы миходомъ забрасывалъ такія удочки: „знаете, недавно я видался съ Морицемъ Саксонскимъ“...—„Кто это такой?“—„Да вѣдь вы его знаете—Морицъ Лазаревичъ!“—„Нѣтъ не знаю“—„Да какъ не знаете, Соломонова не знаете?“—„Нѣтъ, не знаю“—„А онъ мнѣ говорилъ, что онъ васъ знаетъ“.—„Ну, меня многіе знаютъ, кого я не знаю!“

И въ такомъ родѣ нѣсколько разъ. Повторяю, что не подозрѣніе въ политической благонадежности Зубатова руководило мною, а просто обычный приѣмъ конспираціи—не говорить о лицахъ, о которыхъ не надо говорить по дѣлу. Однако, эти неловкости объяснялись Зубатовымъ, вѣроятно, совершенно иначе, и онъ рѣшилъ отдѣлаться отъ меня и отъ Фондаминскаго.

•Это было ему тѣмъ удобнѣе, что за это время онъ близко сошелся съ вышеупомянутымъ Соломоновымъ, состоявшимъ членомъ нашей группы. Вскорѣ (въ октябрѣ 86 года) арестовали меня, а потомъ и Фондаминскаго. Когда сейчасъ же послѣ ареста я имѣлъ продолжительный разговоръ съ начальникомъ охраны Бердяевымъ, разговоръ впрочемъ односторонній, такъ какъ Бердяевъ много болталъ, а я ограничивался короткими и сердитыми репликами, я изъ словъ Бердяева убѣдился, что около насъ гдѣ-то имѣлся провокаторъ, очевидно, стоявшій внѣ организаціи, такъ какъ зналъ только слишкомъ внѣшнія подробности. Но мысль моя была очень далеко отъ Зубатова...

Послѣ нашего ареста дѣла Зубатова пошли очень успѣшно. Черезъ Соломонова онъ сталъ довольно близко къ остатку тогдашней народовольческой организаціи; сумѣлъ выудить такихъ крупныхъ для того времени нелегальныхъ, какъ Богоразъ, Викторъ Даниловъ, Коганъ. Используя совершенно Соломонова и опасаясь, что дальнѣйшія сношенія съ нимъ могутъ слишкомъ явно обрисовать источникъ постоянныхъ арестовъ, Зубатовъ отдалъ въ руки полиціи и Соломонова, но предварительно онъ счелъ нужнымъ разыграть цѣлую комедію. Онъ назначилъ Соломонову свиданіе въ какомъ то глухомъ мѣстѣ, кажется, на кладбищѣ, заявилъ ему, что долженъ уѣхать по какому то очень опасному порученію, трогательно распростился съ нимъ и даже перекрестилъ его.

Когда Соломоновъ вернулся домой, тамъ его ждала уже полиція...

Слухи о томъ, что Зубатовъ—провокаторъ, появились уже въ началѣ 87 года. По крайней мѣрѣ, мнѣ были переданы въ началѣ этого года въ тюрьму очень опредѣленныя указанія, исходившія отъ слишкомъ серьезнаго человѣка, чтобы можно было этому не вѣрить. Однако, когда мы передавали объ этомъ на волю,—мо-

лодежь отвѣчала намъ, что мы—сумасшедшіе, если можемъ вѣрить такому слуху. Кажется, что Зубатовъ еще до 89 года продолжалъ свою провокаторскую дѣятельность и только тогда официально выступилъ въ качествѣ помощника начальника охраны.

Впослѣдствіи, уже прославленный своей знаменитой системою рабочей провокаціи, Зубатовъ любилъ указывать наивнымъ жертвамъ, соглашавшимся стать его орудіями, на то, что онъ съ самыхъ первыхъ шаговъ своей дѣятельности по охранѣ уже стремился осуществлять планы своеобразнаго „рабочаго движенія“, но я могу съ своей стороны положительно утверждать, что въ первые годы своей „работы“ Зубатовъ былъ самымъ обычнымъ агентомъ-провокаторомъ, только болѣе ловкимъ и интеллигентнымъ, чѣмъ другіе.

М. Р. Гоцъ.

Политическая каторга на Карѣ.

(Воспоминанія).

Написать правду о Карѣ и карійцахъ дѣло весьма трудное и щекотливое. Не легко, вообще, воспроизводить жизнь заключенныхъ: дни и годы проходятъ однообразно и одноцвѣтно, едва отличаясь одинъ отъ другого. Не легко, въ частности, вспомнить связно и представить мотивированно свою многолѣтнюю жизнь въ одиночкахъ, какъ это дѣлаютъ теперь шлиссельбуржцы. Но еще труднѣе правдиво, справедливо и безъ преувеличеній въ ту или другую сторону изобразить свою долгую жизнь въ тюремномъ общежитіи, гдѣ неволью столкнулись характеры самые противорѣчивые и индивидуальности, наиболѣе рѣзко выраженные.

Такимъ сложнымъ и богатымъ по внутреннему содержанію общежитіемъ и была политическая каторжная тюрьма на Карѣ со времени своего основанія и до конца въ сентябрѣ 1890 г. Это была своеобразная и самобытно сложившаяся въ неволѣ община со своей давней и освященной временемъ (не писанной) конституціей, съ обычаями и нравами, установленными не столько по договору, сколько по взаимному молчаливому соглашенію. И если въ умѣ исключить изъ нея на время немногихъ крайнихъ, стоящихъ по обѣ стороны средней линіи, людей случайныхъ въ этой средѣ или совсѣмъ ничтожныхъ, и съ другой стороны, людей замѣчательныхъ и рѣдкихъ по уму и характеру, — то все же придется сказать, что въ общемъ, *въ среднемъ*, населеніе тюрьмы *всегда* состояло изъ людей недюжинныхъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ, не обычныхъ по высотѣ своихъ духовныхъ запросовъ и рѣзко отличныхъ во всякомъ другомъ обществѣ, по опредѣленности своихъ симпатій и стремленій. Во всякомъ случаѣ, это было наиболѣе совершенное общежитіе, какое только могло возникнуть подъ замкомъ и за высокими забайкальскими «пáями». При данныхъ условіяхъ его могли создать только авангардные отряды цѣлыхъ революціонныхъ поколѣній, разбитые и заброшенные въ долину карійскихъ золотыхъ росыпей кабинета его величества...

Цѣлыя поколѣнія нашей революціонной молодежи прошли черезъ карійскую политическую тюрьму, и для многихъ десятковъ едва вступившихъ въ жизнь молодыхъ людей она была не только

гостеприимной *almae mater*, высшей школой развитія и образованія, но и общественной ареной, на которой они, быть можетъ, впервые устанавливали свои личныя отношенія въ сложной комбинаціи личныхъ и общественныхъ отношеній. Для революціонеровъ изъ рабочей и крестьянской среды карійская тюрьма была настоящимъ университетомъ, въ которомъ они довершали свое образованіе и получали окончательное политическое воспитаніе. Тутъ-же получали послѣднее свое испытаніе и всегда нѣсколько напряженныя отношенія ихъ къ интеллигенціи, къ товарищамъ—интеллигентамъ. Наконецъ, тутъ же сводили послѣдніе свои счеты, какъ отдѣльныя между собою лица, такъ и цѣлыя группы и секціи, при этомъ не только счеты личныхъ самолюбій и честолюбій, но еще чаще—партийныхъ вліяній и успѣховъ, по вопросамъ, разногласіямъ партийныхъ программъ и тактики, по недоконченнымъ «на волѣ» спорамъ теоріи и освободительной практики.

Для того, чтобы составить себѣ хотя бы самое общее представленіе о составѣ тюремной общины на Карѣ въ разное время, достаточно вспомнить, что до 1882 года карійская каторга была единственнымъ мѣстомъ, куда ссылались осужденные по политическимъ процессамъ, такъ называемые, государственные преступники. Изъ этихъ процессовъ только Нечаевъ и Мирскій (нынѣ вторично осужденный на каторгу въ Читѣ) были спрятаны въ каменныхъ мѣшкахъ нынѣ всѣмъ извѣстнаго Алексѣевского равелина. Другихъ рассадили по центральнымъ каторжнымъ тюрьмамъ. Но къ концу 1881 и еще впродолженіе слѣдующаго года ихъ постепенно свозили со всѣхъ сторонъ на Кару. Такимъ образомъ, всѣ лучшіе и выдающіеся элементы революціи, которые избѣгали смертной казни и не отдѣлялись простой административной ссылкой, украсили собой политическую каторгу на Карѣ. Лишь начиная съ процесса 20-ти народовольцевъ (въ февралѣ 1882 года), когда придумано было пресловутое «каторжное положеніе» въ Петропавловской крѣпости и начали оставлять тамъ большую часть осужденныхъ въ каторгу, на Кару стали прибывать немногіе, которыхъ правительство считало менѣе важными. А послѣ извѣстнаго и памятнаго навсегда 11-го мая 1882 г., даже изъ прежняго состава тюрьмы были увезены въ Петербургъ 16 человекъ, какъ наиболѣе вліятельные и вредные среди заключенныхъ, и рассажены по укромнымъ могиламъ крѣпостнаго равелина. Правда, эта убыль значительно и даже съ избыткомъ была пополнена въ слѣдующемъ 1883 г. прибывшими по процессамъ этого года въ Петербургъ и въ Одессѣ. Но слѣдующіе годы давали все меньшій и меньшій приростъ населенія тюрьмы и все рѣже обновляли ея составъ. Это объясняется, какъ постепенно затихавшимъ движеніемъ къ концу 80-хъ годовъ, такъ и еще больше тѣмъ, что тогдашнее правительство (по инициативѣ фонъ-Плеве, директора департамента полиціи) окончательно упрочилось на системѣ медленнаго замариванія сразу неказненныхъ враговъ своихъ, для чего оно удерживало осужденныхъ въ крѣпостяхъ Петропавловки и

Шлиссельбурга. Нѣкоторыхъ изъ нихъ оно посылало на Сахалинъ. Попастъ на Кару считалось большой льготой, ибо карійская тюрьма слыла вольницей и республикой и въ глазахъ высшаго начальства она пользовалась худой славой. Поэтому надъ ней уже давно повисъ Дамокловъ мечъ уголовныхъ репрессій. Пока же (т. е. до перевода въ Акатуй), предположено было оставить ее на произволь ея развращеннаго жребія и естественнаго вымиранія. Но неожиданныя, непредвидѣнные событія ускорили развязку, и катастрофа совершилась...

Однако-же, мы невольно забѣжали далеко впередъ. А между тѣмъ, намъ нужно было только дать читателю общее представленіе о среднемъ составѣ населенія карійской тюрьмы, какимъ его создавало русское революціонное движеніе въ продолженіи-цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ. Этимъ составомъ опредѣлилось многое изъ того, что входило въ обиходъ и содержаніе карійской тюремной жизни. Отъ него зависѣли не только тѣ внѣшнія формы (артель, сношенія артельного старосты съ начальствомъ и т. п.), въ которыя послѣ многихъ колебаній и передрагъ окончательно вылилась эта жизнь, но и то внутреннее содержаніе ея, тѣ нормы отношеній, которыя гарантировали отдѣльную входящую въ общежитіе личность отъ гнета и тираніи большинства—съ одной стороны и распушенности или эгоизма отдѣльнаго лица — съ другой. И это сдѣлала, по истинѣ, мудрая и наиболѣе совершенная изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ карійская конституція. Въ ней сказался весь здравый политическій и общественный смыслъ ея авторовъ (а создана она была коллективно, примѣнительно къ условіямъ мѣстной тюремной жизни). Въ ней же выразился высокій духъ самосознанія и развитая индивидуальность тѣхъ, которые подъ сѣнью ея благихъ установленій должны были жить многіе годы, пережить долгосрочную и безсрочную каторгу и перенести условія тяжелаго общежитія, матеріальной нужды и каторжной репрессіи извнѣ.

Карійская конституція имѣетъ свою длинную и поучительную исторію. Она распадается на два главныхъ періода: до 11-го мая 1882 г. и послѣ него. По справедливости, первый періодъ назывался на Карѣ «доисторическимъ», временемъ республики и народоправства. Это былъ періодъ наибольшихъ вольностей въ тюрьмѣ, когда многочисленное ея населеніе было предоставлено себѣ, и ея внутренняя жизнь и распорядки ревниво охранялись отъ вмѣшательства или давленія извнѣ. Это же время было наиболѣе бурнымъ и беспорядочнымъ въ смыслѣ спокойствія и урегулированности внутреннихъ отношеній: режимъ общежитія опредѣлялся господствомъ партій, а борьба ихъ между собой поглощала всѣ интересы и создавала причудливыя, иногда трагическія коллизіи... Активная и все еще жаждущая борьбы молодость не могла не использовать случайныхъ и непрочныхъ вольностей каторги съ тѣмъ, чтобы попытаться добыть себѣ свободу и вернуться къ без-

временно прерванному дѣлу революціи. И вотъ, начинаются обширныя приготовленія къ побѣгамъ: роются подкопы изъ самой тюрьмы, внѣ ея въ мастерскихъ дѣлаются приготовленія для побѣга тайнымъ образомъ оставшихся тамъ или вынесенныхъ туда бѣглецовъ, сушатся сухари, вялится мясо и рыба, шьются походные костюмы,— словомъ, тюрьма превращается въ обширный экспедиціонный лагерь, раздѣленный на группы, готовыя по очереди тянуть свой жребій свободы или смерти... Само собою разумѣется, что не всѣ могли раздѣлять жажду риска и перемѣнъ и что между этими двумя большими партіями, на которыя раскололась тюремная община, не всегда могли сохраниться спокойныя и справедливыя отношенія. Онѣ осложнялись и обострялись по мѣрѣ того, какъ интересы ихъ расходились. Никакое соглашеніе было невозможно и никакой примирительный средній *modus vivendi* нельзя было установить, пока естественно не завершился ходъ событій...

Онѣ не заставили себя ждать. Неудачный побѣгъ Крыжановскаго и Минакова обнаружилъ недостающихъ уже давно въ тюрьмѣ бѣглецовъ: поднято было на ноги все население Забайкалья и компанія бѣжавшихъ каторжанъ (Левченко, Боламезь и др.) была поймана. Вскорѣ же были схвачены во Владивостокѣ добравшіеся туда, но не успѣвшіе сѣсть на иностранныя суда Мышкинъ и Хрущовъ. Тѣмъ временемъ администрація спѣшила водворить нарушенный «порядокъ» въ «распущенной» политической тюрьмѣ и отомстить за свой страхъ и испугъ, причиненный побѣгомъ страшныхъ революціонеровъ. Виновные и безвинные были безчеловѣчно избиты, буквально обобраны и ограблены хищными и озлобленными казаками и разсажены по разнымъ клоповникамъ многочисленныхъ уголовныхъ тюремъ на Усть-Карѣ, на Среднемъ и Верхнемъ Промыслѣ и, въ такъ называемой, Амурской тюрьмѣ.

Такъ кончился «доисторическій» періодъ карійской исторіи. Собственно говоря, политическая тюрьма на Карѣ была фактически упразднена, и съ нею погибли зачатки той своеобразной тюремной конституціи, которая складывались изъ обычаевъ, навыковъ и приспособленій молодыхъ свободолюбивыхъ орловъ, которымъ обрѣзали крылья и посадили въ клѣтки. Собираніе тюрьмы происходило медленно и многіе (въ томъ числѣ и большинство изъ упомянутыхъ 16-ти увезенныхъ въ Шлиссельбургъ) уже не увидѣли болѣе прежней вольной и волнующейся среды, полной борьбы и боевыхъ стремленій. Новая жизнь послѣ 11 мая слагалась совершенно при иныхъ условіяхъ. И если прежняя была еще живымъ отголоскомъ революціонной борьбы въ Россіи, по крайней мѣрѣ, горячимъ порывомъ къ возобновленію ея, то новая жизнь сосредоточилась на томъ, чтобы смягчить тяжесть обрушившейся извнѣ репрессіи и облегчить существованіе каждаго изъ заключенныхъ, поставленныхъ силою вещей между молотомъ новаго каторжнаго режима и накопленной подневольнаго общежитія...

Съ внѣшней стороны, новая исторія карійской тюрьмы отмѣчена длиннымъ рядомъ смѣщающихъ другъ друга «комендантовъ»,

т. е. начальниковъ тюрьмы (смотрители были особо), которые назначались преимущественно изъ жандармскихъ офицеровъ департаментомъ полиціи, стояли въ непосредственныхъ съ нимъ сношеніяхъ и подчинялись лишь отчасти Забайкальскому губернатору и Пріамурскому генераль-губернатору. И хотя инструкція, опредѣляющая тюремный режимъ, исходила свѣше, многое въ распорядкахъ и особенно въ степени стѣсненій, матеріальномъ и санитарномъ положеніи заключенныхъ зависѣло отъ того или иного отношенія къ нимъ коменданта, отъ большой или меньшей его гуманности и добропорядочности. Мрачное царствованіе Шубина и Холтурина (первыхъ комендантовъ) остались памятны навсегда и были тѣмъ болѣе чувствительны въ свое время, что слѣдовали непосредственно за періодомъ вольности. Но и впоследствии, начиная съ 1884 г., когда стѣсненія сами собой нѣсколько ослабли, безконтрольное начальство надъ тюрьмой заѣзжихъ царьковъ обходилось не дешево запертымъ подъ замокъ и отданнымъ на ихъ произволь узникамъ. Такъ, штабъ капитанъ Манаевъ систематически и въ продолженіи двухъ лѣтъ (1883—1885 г.) растрчивалъ и проживалъ получавшіяся изъ Россіи карійцами деньги и тѣмъ довелъ ихъ до продолжительнаго голоданія, весьма пагубно и очень скоро отразившагося на и безъ того надорванныхъ организамахъ. Другой комендантъ, ротмистръ Николинъ, по прозванію Коть, шпіонъ по призванію, вѣчно доискивался крамолы и заговоровъ въ тюрьмѣ и всячески изподтишка отнималъ у карійцевъ послѣдніе остатки нѣкогда богатыхъ привилегій (напримѣръ, онъ добился запрещенія получать деньги и посылки не отъ родныхъ, выписывать журналы и газеты и т. п.). Нужно было стоять всегда на стражѣ своихъ общихъ интересовъ, а также сообща осторожно и тактично отражать его коварные подходы къ отдѣльнымъ лицамъ, чтобы обезвредить себя отъ его гнусныхъ замысловъ и пакостныхъ интригъ. Къ счастью, свои кляузы и сыскъ онъ распространилъ на лицъ, стоящихъ выше его на мѣстной административной лѣстницѣ и тутъ онъ свернулъ себѣ, вѣрнѣе, ему свернули голову.—Добрый и безхарактерный Масюковъ (подполковникъ) отпустилъ 6 лѣтъ туго натянутыя возжи въ обузданіи своевольныхъ и непокорныхъ карійцевъ. Но чего это стоило? Болѣе чѣмъ годичнаго волненія во всѣхъ тюрьмахъ (мужской и женской), цѣлаго года голодовокъ и разныхъ исторій и, наконецъ, драгоцѣнной жизни шести лучшихъ товарищей своихъ.

Матеріальное оскуднѣніе явилось первымъ послѣдствіемъ новаго комендантскаго режима, введеннаго на Карѣ послѣ 11 мая 1882 г. Вѣрнѣе сказать, это была одна изъ ближайшихъ цѣлей, которая достигало правительство, когда оно учреждало дискреціонную власть жандармовъ надъ политической тюрьмой и поручало имъ дать почувствовать плѣннымъ революціонерамъ ихъ каторжное положеніе. Однимъ изъ «скорпіоновъ» (любимое выраженіе покойнаго Санковскаго) этого положенія было запрещеніе писать и переписываться даже съ родными. Получать письма дозволялось, но писать самимъ

и отвѣчать можно было лишь въ формѣ казеннаго письма и отъ имени коменданта. Пишущимъ выдавались «открытки» и на нихъ изображались: «Вашъ сынъ (или мужъ или братъ) просить передать, что деньги, посланныя вами (или посылку) онъ получилъ сполна. Просить вамъ сообщить, что онъ совершенно здоровъ и ни въ чемъ не нуждается» (или же нуждается въ томъ-то, напримѣръ, тепломъ бѣльѣ, оно допускалось въ ограниченномъ количествѣ),—или, напримѣръ, просить прислать деньги. Возможно было также сообщить въ третьемъ лицѣ, что «онъ» беспокоится, не получая писемъ, что просить сообщить о томъ или иномъ изъ близкихъ какія нибудь семейныя новости и т. п. Подъ этимъ флагомъ, конечно, проскальзывало многое изъ близкаго и родственнаго не по кровному родству. И даже ротмистру Николину, видѣвшему все «сквозь штыки», не удавалось совсѣмъ искоренить и это не единственное, впрочемъ, общеніе карійцевъ съ далекимъ внѣшнимъ міромъ.

Но въ общемъ, одно только ограниченіе переписки и сношеній съ родными и близкими вскорѣ же отразилось на бюджетѣ тюремной общины и вызвало, повторяемъ, ея матеріальное оскудѣніе. Годы: 1883, 84 и 85 были прямо таки бѣдственными годами. Это была сплошная и хроническая голодовка, годы недоѣданія и житья впроголодь. Правда, тюрьма была обеспечена хлѣбомъ, потому что артельный староста учитывалъ хлѣбопеченіе изъ получаемой на всѣхъ муки. Кромѣ того, на всѣхъ же выдавались и остальные казенные продукты (въ томъ числѣ, извѣстное количество больничныхъ пайковъ), которые могли быть комбинированы на кухнѣ нашими поварами съ прибавочными покупными на свои деньги. Но при всемъ искусствѣ карійскихъ поваровъ и при всемъ совершенствѣ, какого достигла тамошняя кулинарія, въ моменты скудныхъ ассигновокъ на кухню и скудныхъ бюджетовъ, вообще, нельзя было дать достаточно сытую и питательную пищу на всю тюрьму, въ которой бывало и болѣе ста человекъ (такое переполненіе было въ одну изъ самыхъ мрачныхъ годинъ, въ началѣ 1884 г.) Приходилось набѣдаться, главнымъ образомъ, чернымъ хлѣбомъ и разными неудобоваримыми, но дешевыми суррогатами. Нужно еще прибавить, что потребность въ достаточной и питательной пищѣ особенно сильно ощущалась многими на Карѣ въ холодные осенніе и зимніе дни, когда деревянная тюрьма такъ плохо держала тепло и въ казенныхъ изъ арестантскаго сукна халатахъ было такъ холодно и непріятно... Отсюда многочисленныя болѣзни желудка и кишечъ, болѣзни питанія, разстраивавшія нервную систему и вліявшія на настроеніе. Кто знаетъ, какъ много изъ того, что казалось сожителямъ тяжелымъ, назойливымъ или оскорбительнымъ въ этомъ тѣсномъ и невольномъ общежитіи, могло бы быть предотвращено или совсѣмъ устранено, если бы Манаевы не растрчивали кровныхъ карійскихъ денегъ, а Николины не прерасали ихъ естественнаго притока своими тайными и гнусными просками-кляузами? И кто знаетъ, сколько даромъ погубленныхъ

и безвременно подорванныхъ силъ было бы сохранено для дальнѣйшей революціонной борьбы, еслибы этого не предвидѣло правительство и поэтому не старалось бы замаривать своихъ плѣнниковъ всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами...

А ихъ было много у него въ эту мрачную годину нашей російской исторіи. Карійцы были слишкомъ далеко отъ непосредственнаго приложенія той адской системы заточенія, посредствомъ которой оно медленно, но вѣрно изводило обреченныхъ обитателей Алексѣевского рavelина и Шлиссельбурга. Но оно отдавало ихъ на произволь и въ полное распоряженіе неограниченныхъ всевластныхъ и безконтрольныхъ самодуровъ—жандармовъ, пьяницъ, маниаковъ и психопатовъ. И если карійская политическая тюрьма до конца 1889 г. избѣгла катастрофы и потрясеній, если она сохранилась и не погибла вся или частью, быть можетъ, къ тайной досадѣ высшихъ столичныхъ управителей, то этимъ она обязана была больше всего благоразумію и выдержанности ея населенія, крайней обдуманности и тактичности самихъ заключенныхъ, а также мудрости и практичности ихъ артельной конституціи, которая какъ бы ограждала личность отъ внѣшняго давленія и отъ непосредственныхъ ея столкновеній съ нимъ.

Каторжная тюрьма для политическихъ на Карѣ стояла особнякомъ, на отшибѣ, возлѣ Нижняго Промысла, и представляла большой казеннаго пошиба деревянный домъ съ красной желѣзной крышей и рѣшетками въ окнахъ, обнесенный на большомъ пространствѣ высокими остроконечными «пáлями», сквозь щели которыхъ во время прогулокъ заключенные могли наблюдать проявленія скудной жизни на тамошней «волѣ», движенія у комендантскаго дома и зрителя тюрьмы, проходящихъ на свиданія въ караульный домъ (возлѣ тюремныхъ воротъ), или идущихъ въ тюрьму (напримѣръ, кто-нибудь изъ начальства), и, наконецъ, видѣть силуэты и слышать звонки проѣзжающихъ по большой дорогѣ, пролежавшей далеко подъ отвалами золотоносныхъ и нѣкогда промытыхъ песковъ, а зимой и по ущелью самой рѣчки Кары. На обширномъ дворѣ были особо расположена кухня съ баней (зданіе подъ одной крышей) и въ одномъ углу огороженное заборомъ зданіе съ 12 миниатюрными одиночными камерами, съ рѣшетчатыми дверьми и отопленіемъ изъ корридора.

Карійская тюрьма состояла изъ 5 большихъ и свѣтлыхъ камеръ (три высокихъ окна въ каждой) съ нарами по обѣ стороны дверей, и вся она была рассчитана на 50, 60 человѣкъ. Но уже въ 1883 г., когда Забайкальская администрація все еще находилась подъ впечатлѣніемъ страшнаго побѣга карійцевъ и боялась выпустить на поселеніе уже окончившихъ срокъ каторги, незаконно задерживая ихъ въ тюрьмѣ, населеніе послѣдней сгущалось все болѣе и число заключенныхъ въ каждой камерѣ достигало 15—16 человѣкъ. А къ началу 1884 г. съ приходомъ обширной партіи изъ Россіи (выше упомянутой), это число возросло до 18—20 человѣкъ въ каждой камерѣ, исключая больничной. Тѣснота была неимоверная: на нарахъ

лежали вплотную бокъ о бокъ, безъ всякихъ, такъ сказать, законныхъ промежутковъ. Нѣкоторые предпочитали спать на скамьяхъ, стоявшихъ посрединѣ камеры по обѣ стороны общаго длиннаго стола. Бывали охотники занять и самый столъ, и нерѣдко утромъ, предъ повѣркой, можно было видѣть такого покойника на краю стола, копошившагося въ своихъ покрывалахъ и покрывкахъ, чтобы не быть захваченнымъ «на мѣстѣ преступленія». Нужно-ли говорить, какимъ воздухомъ приходилось дышать въ такой тѣснотѣ и такомъ многолюдствѣ въ камерахъ, провѣтривавшихся одинъ разъ въ сутки во время прогулокъ. Приходилось прибѣгать къ вентиляціи черезъ печку и оконную форточку въ остальные непрогулочныя части дня и ночи, когда обитатели камеръ были на своихъ мѣстахъ на нарахъ или у стола. Для нѣкоторыхъ этотъ душливый, густой и насыщенный міазматическій воздухъ въ доходящихъ до состоянія одурѣнія. Единственнымъ исходомъ въ ихъ положеніи было обязательно открывать хотя бы среднюю форточку, до нѣкоторой степени нейтральную, такъ какъ струя холоднаго воздуха (зимой) изъ нея направлялась прямо на столъ и на сидящихъ возлѣ него: стало быть, отъ нея можно было уйти въ сторону и спрятаться на нары. Но были и такіе среди невольныхъ сожителей, которымъ вредила и для которыхъ была очень чувствительна и такая согрѣтая струя холода. Отсюда цѣлый нескончаемый рядъ коллизій и конфликтовъ, которые принимали иногда чрезъчуръ рѣзкій характеръ, при нервности и раздраженности спорящихъ, и которые сами въ свою очередь раздражали послѣднихъ еще болѣе и увеличивали ихъ нервность. И когда вспомнишь эти и имъ подобныя мелочи камерной жизни, стоившія многимъ не мало здоровья, невольно преклонишься предъ людьми, которые при этихъ наполовину зоологическихъ условіяхъ умѣли жить рядомъ безвыходно многіе годы и при томъ сохранить уваженіе другъ къ другу, свои преднія товарищескія чувства и даже партійную солидарность. Конечно, не всѣ между нами выдержали это испытаніе до конца: одни быстро зачахли и совсѣмъ ушли отъ тяжелой ноши жизни; другіе, претворивъ въ себѣ и всосавъ въ себя весь ядъ окружающей отравы, остались калѣками на всю жизнь и третьи, наконецъ, предпочли измѣнить своему прошлому и такимъ образомъ облегчить свою участь, но не по убѣжденію и не по внутреннему влеченію, а потому, что они были слабы и силъ ихъ не хватило на весь долгій тернистый путь. Но многіе, даже огромное большинство изъ нихъ, вышли цѣлыми и невредимыми физически и нравственно, на зло реакціи и угнетенію...

Главное же зло «Холтуринскаго режима» (по имени коменданта Холтурина), введеннаго въ карійской политической тюрьмѣ послѣ 11-го мая 1882 г., состояло въ томъ, что заключенные должны были быть всегда подъ замкомъ, проводить взаперти и безвыходно круглыя сутки (кромѣ прогулокъ или дежурства по кухнѣ или по банѣ). Прежнія работы въ «разрѣзѣ» (т. е. на промывкѣ золота), кото-

рья не были принудительными для политических каторжанъ и которыми карйцы пользовались, какъ прогулкой и пріятнымъ упражненіемъ силъ, были отмѣнены и окончательно запрещены. Мастерскія были закрыты и всякое мастерство въ стѣнахъ тюрьмы долго упорно преслѣдовалось, какъ занятіе строго запрещенное. Столь же неуклонно подвергались гоненію всякія игры и развлечения. Нѣсколько лѣтъ подрядъ систематически и нещадно отбирались во время обысковъ хлѣбныя фигуры для шахматной игры, доской для которой большею частью служилъ раскрашенный клѣтками кусокъ кожи изъ голенищъ отъ бродней. Но такъ какъ шахматная фигура изъ хлѣба и тѣста никогда не исчезали изъ тюрьмы и жандармы не имѣли никакой фактической возможности искоренить эту игру въ тюрьмѣ, то постепенно она легализировалась и получила права гражданства. Полуофициально было признано и существованіе картъ въ тюрьмѣ. Но это завоеваніе далось однимъ изъ послѣднихъ, когда всякія другія стѣсненія поослабли, и режимъ, вообще, нѣсколько смягчился (приблизительно къ 1888 г.). Къ этому времени игра въ карты по камерамъ не возбуждала уже ревниваго усердія корридорныхъ жандармовъ (у нихъ же были ключи отъ камеры): они смотрѣли на игру, точно не замѣчая ея, а прежде стоило имъ пронюхать о ней, какъ уже въ той камерѣ рылись и копались, поднимая все вверхъ дномъ и попутно забирая то, чего не искали...

При вѣчномъ сидѣніи подъ замкомъ, при отсутствіи работы и какихъ-либо осмысленныхъ или полезныхъ занятій, эти игры и развлечения имѣли огромное моральное, прямо-таки спасительное значеніе, убивая излишній досугъ и давая исходъ неистраченной энергіи. Отсюда же и своеобразный словесный спортъ, никогда не прекращавшійся въ запертыхъ камерахъ и неизмѣнно привлекавшій массу участниковъ въ немъ. Это вѣчные споры и дебаты по всѣмъ вопросамъ науки, искусства и жизни, споры горячіе и азартные, всегда кончавшіеся и прерывавшіеся наскакомъ противника: «на су не хотите-ли»? «на пари не желаете-ли»? Эти безконечные дебаты, отъ которыхъ часто гудѣло въ головѣ и звенѣло въ ушахъ, плодили, правда, массу неприятныхъ инцидентовъ и конфликтовъ, которые кончались «неговореніемъ» и натянутыми, даже напряженными отношеніями. Эти непрерывные споры, которыми славилась особенно одна изъ камеръ, «Якутка», развивали иногда «духъ противорѣчія», упорство и настойчивость въ заблужденіяхъ, что въ такихъ случаяхъ отражалось на ненормальности или даже несправедливости въ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ лицамъ или группамъ (напримѣръ, парадоксальныя мысли, разъ высказанныя вслухъ, становились достояніемъ словеснаго спорта и предметомъ оппозиціи, даже преувеличенной травли). Но, въ общемъ, это былъ спасительный клапанъ, который самъ собою открывался, чтобы выпустить излишній запасъ умственной, вообще, душевной энергіи, искавшей выхода въ обществѣ мыслящихъ и творчески настроенныхъ людей.

Возвращаясь къ играмъ, нужно еще сказать, что онѣ часто недоѣдали и даже причиняли раздраженіе неучаствовавшимъ въ нихъ. Пожалуй, онѣ излишне отвлекали нѣкоторыхъ отъ книжки и умственного труда, къ которому они были способны. Но въ большинствѣ случаевъ онѣ были чистымъ благодѣяніемъ для тѣхъ (слабыхъ, разстроенныхъ или непривычныхъ), которые почему либо не были приспособлены къ продолжительнымъ и систематическимъ занятіямъ. Что же касается знаменитыхъ карійскихъ споровъ, то, безъ сомнѣнія, они оживляли и освѣжали застойную атмосферу замкнутой жизни, лишенной впечатлѣній извнѣ и всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ. Они отвлекали отъ мелочей и горечи ежедневной жизни и поднимали интересъ къ общимъ вопросамъ, поддерживая стремленіе къ высшему и вовлекая въ этотъ полетъ даже тѣхъ, кто имѣлъ склонность къ будничному. И да простится мнѣ аналогія: подобно тому, какъ страна (въ Европѣ) освѣдомляется о текущихъ общихъ дѣлахъ, о стоящихъ на очереди вопросахъ по гласнымъ парламентскимъ дебатамъ, такъ знала всегда карійская публика о важнѣйшихъ и злободневныхъ вопросахъ нашей и міровой политики, литературы и жизни,—узнавала и впервые была освѣдомлена по тѣмъ шумнымъ дебатамъ, которые велись спорщиками, главнымъ образомъ, въ Якуткѣ...

Но величайшей поддержкой въ этой жизни и самымъ лучшимъ подспорьемъ въ сохраненіи себя была для карійцевъ ихъ замѣчательная библіотека. Это было единственное сокровище, которое досталось имъ въ наслѣдіе отъ вольныхъ временъ и которое они берегли, культивировали и обогащали все болѣе. Она всегда была предметомъ ихъ нескончаемыхъ тревогъ и опасеній, и когда въ тюрьмѣ появлялось наѣзжее начальство, первой заботой старосты и библіотекаря было скрыть и замаскировать отъ него библіотеку, дабы оно не полюбопытствовало заглянуть въ нее и отъ сего не послѣдовало бы какихъ-либо ограниченій, сокращеній и иныхъ вредныхъ распоряженій. Несмотря на то, что первые доставшіеся послѣ погрома книжные шкафы уже ломились отъ избытка накопившихся съ годами книгъ, карійцы никогда не рѣшались просить новыхъ шкафовъ (и если вынуждены были на это, то дальше переговоровъ со зрителемъ не шли), боясь поднимать этотъ больной вопросъ передъ начальствомъ и тѣмъ привлекать его вниманіе къ святынѣ, которая оставалась неприкосновенной отъ посягательствъ какимъ-то чудомъ. И дипломатическія способности артельныхъ представителей, непосредственно входившихъ въ сношенія съ начальствомъ, тратились на то, чтобы охранить это сокровище отъ бдительнаго и губительнаго вниманія непрошенныхъ опекуновъ. Сколько дипломатіи и такта нужно было проявить, чтобы спасти библіотеку отъ гнусныхъ подвоховъ и кляузныхъ подходовъ одного только «кота» (ротмистра Николина)! По инструкціи, тюремная библіотека и завѣдываніе ею находились въ рукахъ коменданта. Онъ черезъ жандармовъ долженъ былъ выдавать книги заключеннымъ (не больше двухъ за разъ), а ключи отъ

шкафовъ должны были быть всегда у него или старшаго жандарма, но практически это было трудно осуществимо. Къ тому же, эта хлопотливая обязанность была слишкомъ обременительна для жандармовъ и вызвала нескончаемыя неудовольствія съ обѣихъ сторонъ. Поэтому, въ силу необходимости, администрація пошла на компромиссы и сдала бібліотеку во временное завѣдываніе нарочито выбранныхъ на то лицъ. Современемъ должность бібліотекаря вошла въ обиходъ и неофициально была признана администраціей. Наравнѣ съ артельнымъ старостой онъ выбирался членами артели тайной подачей голосовъ, но лишь въ послѣдніе годы (къ концу 80-хъ годовъ) могъ выступать иногда представителемъ и заступникомъ общихъ тюремныхъ интересовъ передъ официальными сферами и, конечно, отъ этой полулегальности страдали лишь интересы самой бібліотеки, которой суждено было играть такую спасительную роль въ жизни карійцевъ.

При отсутствіи работъ и всякихъ занятій, въ постоянномъ сидѣніи подъ замкомъ, безъ надежды на перемѣну втеченіе многихъ и многихъ грядущихъ лѣтъ, чтеніе книгъ являлось, прежде всего, избавленіемъ отъ скуки, томленія и тоски, затѣмъ и могучимъ орудіемъ развитія и образованія и, наконецъ, поддержаніемъ или упроченіемъ въ себѣ всѣхъ высшихъ духовныхъ интересовъ, которые привели каждого изъ карійцевъ въ это тѣсное общежитіе. Понятно, съ какой жадностью и нетерпѣніемъ набрасывались обыкновенно на книгу прїѣзжіе новички, изголодавшіеся умственно длиннымъ этапнымъ шествіемъ изъ Россіи и не одинъ годъ пробалявшіеся всякимъ случайнымъ чтеніемъ изъ случайныхъ и сбродныхъ бібліотекъ предварительныхъ тюремъ. Многіе смотрѣли на остающійся срокъ каторги, какъ на благопріятное для образованія время, и распредѣляли его такимъ образомъ, чтобы успѣть пройти намѣченный курсъ и полностью изучить интересующіе ихъ предметы. Особенное удобство представляли эти занятія для рабочихъ; большею частью, они селились въ Синедріонѣ (академія-тожъ), гдѣ уже издавна велись систематическія занятія подъ руководствомъ сначала многихъ лицъ по разнымъ отраслямъ знанія, а впоследствии лишь двухъ, трехъ товарищей, специализировавшихся по предметамъ внѣшкольнаго образованія. Вообще же, каждый долженъ былъ позаботиться самъ о себѣ и работалъ самъ съ собой. Рѣдко составлялись группы, еще рѣже выступали референты и лекторы: для этого внѣшнія условія не подходили, а когда онѣ наступили, настроеніе уже было не то, и неожиданныя событія поглотили вниманіе...

Большинство занималось языкознаніемъ, слѣдило за газетами и журналами, прочитывало новѣйшія брошюры, послѣдній романъ, нашумѣвшую статью. Изученіе иностранныхъ языковъ было всѣмъ доступно, не требовало умственного напряженія и механически поглощало всѣ способности. Оно убивало время и давало нѣкія пріобрѣтенія. Поэтому многіе, незамѣтно для себя, изрядно изучили языки и тутъ же практиковались, переводя на русскій имѣвшіеся

въ бібліотекѣ неперевоенные книги и журналы (такъ, переводили Ломброзо, Луи Блана, журналъ «Neue Zeit.»). Иногда это изученіе обращалось въ спортъ и забаву. Но для многихъ оно было важнымъ дополненіемъ къ ихъ образованію, а для большинства языки пригодились въ послѣдствіи, когда они вернулись въ жизнь. Нечего говорить о значеніи для заключенныхъ чтенія газетъ, журналовъ и новостей литературы. Правда, на Карѣ тогда узнавали, что увезли Баттенберга, когда его уже привезли обратно, или наоборотъ. Но для карійцевъ новости, запоздалыя на мѣсяць или полтора, были свѣжими, жгучими, волнуемыми новостями. И черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ получалась почта (въ это время тюрьма погружалась въ мертвую тишину и заперомъ читала полученное), начиналось «гудѣніе»,—злые языки говорили «галдѣніе».—Якутки, и по всѣмъ камерамъ разносились послѣднія злободневныя темы, новѣйшія міровыя вѣсти, а съ ними и отголоски споровъ. Тюрьма оживлялась, оживала и закованные узники вновь бросались въ родную имъ стихію, въ борьбу... на этотъ разъ хотя бы словъ и умозрѣній... Но все это не мѣшало процвѣтанію въ тюрьмѣ серьезныхъ и чисто академическихъ занятій. Нельзя сказать, чтобы всѣ прочія условія карійской жизни имъ благоприятствовали.

Достаточно упомянуть пока, что занятія днемъ даже лѣтомъ на Карѣ были затруднительны и что серьезная работа въ камерахъ возможна была только послѣ вечерней повѣрки, когда всякіе выходы изъ камеръ прекращались, а съ ними замолкали хлопаніе дверьми и лязгъ замковъ, когда водворялась въ камерахъ сравнительная тишина. Но для многихъ и этой послѣдней было недостаточно и они предпочитали ложиться спать тотчасъ же послѣ вечерней повѣрки («съ курами», какъ говорили насмѣшники), чтобы встать въ часть-два ночи, когда на горизонтѣ появляется Сириусъ, и работать до утра въ полнѣйшемъ покоѣ. Такимъ образомъ, чередовались двѣ смѣны занимающихся: вечерники ложились спать въ то время, когда поднимались Сириусы, причемъ дружелюбно заготавливали для послѣднихъ самоваръ. И тѣмъ не менѣе, не было тѣхъ условій, благоприятныхъ и плодотворныхъ, которыя такъ необходимы для творческой и вдохновенной работы. Дѣло тутъ, конечно, не въ томъ, что карійская бібліотека была далеко отъ центровъ просвѣщенія и пополнялась съ трудомъ и медленно. Все же она не очень отставала, и все, что нужно было изъ пособій, руководствъ и справочныхъ книгъ, такъ или иначе, добывалось съ успѣхомъ. И не въ томъ еще дѣло, что самая письменная работа была ограничена выдачей отъ коменданта каждому изъ заключенныхъ по одной тетрадькѣ, зашнурованной и запечатанной его печатью, пока она не заполнялась и не обмѣнивалась на другую. Вѣдь, находилась-же возможность дѣлать многочисленныя переводы и извлеченія (всей тюрьмой была успѣшно переведена и послана въ Россію гигиена Уфельмана, изданная приватъ-доцентомъ Якубовичемъ и т. д.). А между тѣмъ, пребываніе на Карѣ многихъ десятковъ выдающихся людей, изъ которыхъ значительный процентъ

обладалъ недожинными литературно-научными дарованіями, что и проявилось ими впослѣдствіи по выходѣ на поселеніе или по возвращеніи въ Россію,—пребываніе это не ознаменовалось никакими сколько нибудь видными результатами многолѣтнихъ и довольно усидчивыхъ трудовъ, ни одной самостоятельной или оригинальной работой въ области науки или литературы, ни однимъ произведеніемъ, которое носило бы печать таланта и вдохновенія. А между тѣмъ, повторяю, среди карійцевъ были и люди серьезные, занимавшіеся и, безъ сомнѣнія, люди выдающіеся по уму и способностямъ. Въ то же время, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что представители ручного труда и прикладныхъ знаній проявляли себя здѣсь не только съ весьма замѣчательной стороны, но и продѣлывали чистѣйшія чудеса изобрѣтательности, искусства и утонченнѣйшей работы. Они не только не оставались бездѣятельны, но и при самыхъ невозможныхъ условіяхъ, при отсутствіи какихъ бы то ни было матеріаловъ и какихъ либо орудій производства, почти голыми руками, выдѣлывали истинные перлы красоты и изящества въ своихъ необычайныхъ выдумкахъ. Такъ, Бубновскій (Федея Предтеченскій), съ помощью Хохлова и почти безъ всякой помощи инструментовъ соорудилъ необыкновенной прочности и вѣрности стѣнные часы, къ изумленію товарищей и къ умиленію самого начальника, которое сдѣлало все, что могло, чтобы изъ запертыхъ камеръ не вышло ничего удивительнаго, даже въ области мастерства. Чѣмъ же объяснить, что люди большого ума и несомнѣнно крупныхъ дарованій, что люди мысли и постоянного умственного труда, волновавшіеся вопросами высшей философіи, морали и политики, иногда не чуждые и въ прошломъ творчества въ этой области, не дали тутъ ничего большого, интереснаго или оригинальнаго? Чѣмъ объяснить, что исторія Кары не представляетъ ничего, чѣмъ могла бы выдаваться и прославляться тихая умственная дѣятельность, которой предавались карійцы въ продолженіе многихъ лѣтъ? Несомнѣнно, тутъ есть какія нибудь коренныя органическія причины, и этотъ дефектъ (если это слово тутъ примѣнимо), долженъ имѣть свое объясненіе.

Главнѣйшую причину этой фатальной бесплодности, этой до странности малой успѣшности карійцевъ въ области умственного творчества нужно искать въ общихъ условіяхъ ихъ тюремной жизни. И безъ сомнѣнія, она находится ни въ чемъ иномъ, какъ въ самой формѣ тюремнаго заключенія, которому были подвергнуты карійцы безпрерывно в теченіе многихъ лѣтъ. Этой формой было карійское общежитіе. Это оно обезцвѣчивало и разжижало атмосферу умственного труда карійцевъ. Это оно пригнетало и заглушало ихъ безпокойную мысль, не давая ей подняться выше уровня обычнаго познанія. Это оно, все нивелирующее и все растворяющее, поглощало и засасывало зачатки идей, которыя могли быть великими, не давъ имъ вырости, ни раствориться въ тщательной обработкѣ. Это общежитіе подъ замкомъ убивало творчество и вдохновеніе людей, которыхъ мысль всегда горѣла огнемъ самыхъ

благотворныхъ и лучезарныхъ мечтаній, и сердце не переставало биться желаніемъ сладостныхъ пережвѣнь. И то, что назрѣвало въ тайникахъ ихъ души и мозга, роковымъ образомъ чахло въ этой удушающей атмосферѣ словопреній и быстрого обмѣна мыслей, или тотчасъ же размѣнивалось на ходячія монеты готовыхъ формулъ и афоризмовъ, дѣлаясь умственнымъ достояніемъ всей тюрьмы. Частныя умственныя приобрѣтенія, частная собственность мысли были здѣсь невозможны, какъ немыслима была въ этой артели собственность матеріальная, право частной собственности на вещи. Мысль, едва она воплощалась въ опредѣленныя формы, уже дѣлалась достояніемъ всѣхъ, теряя тотчасъ индивидуальность своего происхождения. Она тотчасъ же и лишалась своего автора, не достигнувъ совершенства обработки. Демократизмъ среды естественно и стихійно не допускалъ этой роскоши, и аристократизмъ мысли приносился въ жертву ея демократизаціи... Хорошо-ли это или дурно съ точки зрѣнія разныхъ идейныхъ приобрѣтеній и обогащеній—рѣшать здѣсь не мѣсто. Но для всѣхъ насъ въ совокупности это было большое благо и ему мы были обязаны тѣмъ, что сравнительно легко сглаживались отрицательныя вліянія жизни въ общихъ камерахъ...

Пусть ломброзисты съ тюрьмовѣдами спорятъ о томъ, какая изъ двухъ системъ лучше: совмѣстное или одиночное заключеніе. Обѣ рѣшительно гибельны человѣку для его здоровья, ума, души, для всей его цѣлости. Но если бы ему пришлось выбирать между ними, онъ, навѣрно, —избралъ бы себѣ нѣчто среднее, смѣшанную систему заточенія, въ которомъ одиночество смѣнялось бы общеніемъ съ людьми себѣ подобными. Иными словами, гипотетическій человѣкъ подъ замкомъ выбралъ бы себѣ именно то, что приближало-бы его тюремную жизнь къ типу нормальной, свободной жизни...

Карійское общезитіе не имѣло этого приближенія и оно страдало всѣми недостатками односторонняго режима, одинокой системы держанія людей совмѣстно подъ замкомъ въ общихъ, частъ биткомъ набитыхъ камерахъ. Эти люди изо дня въ день, цѣлыми годами, безотлучно находились на глазахъ другъ у друга, не имѣя возможности ни уйти съ глазъ самимъ ни удалить отъ себя другихъ. Они жили вмѣстѣ подъ замкомъ одной слитой нераздѣльной жизнью: ѣли, спали работали и развлекались вмѣстѣ, сообща все замышляя и выполняя, точно сливаясь въ одинъ сложный и простой гармонически настроенный аппаратъ. Конечно, каждая камера имѣла свою особую фізіономію и свой отличный нравъ. Особенно въ тѣ жестокія времена, когда общеніе между ними свирѣпо преслѣдовалось и когда даже стѣнныя щели тщательно маскировались отъ вниманія обидительныхъ жандармовъ. Но въ общемъ и въ важнѣйшихъ проявленіяхъ ея, эта жизнь была все таки хорошая жизнь, одноцвѣтная и однотонная. Къ тому-же, строгости въ сообщеніяхъ между камерами постоянно ослабѣвали, а естественное напряженіе въ устраненіи этого разобщенія еще болѣе ихъ ослабляло. И та-

кимъ образомъ, терялся со временемъ первоначальный типъ тюремнаго режима съ заключеніемъ въ изолированныхъ одна отъ другой общихъ камерахъ. При соблюденіи его могъ бы выработаться видъ обособленной камерной жизни. Но въ дѣйствительности, повторяю, взявъ верхъ и развился на всю тюрьму тотъ хоровой артельный общественный элементъ, который господствовалъ уже и безъ того въ каждой отдѣльной камерѣ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, отдѣльная жизнь, жизнь человѣка какъ бы исчезла, стушеввалась и изгладилась предъ чѣмъ то высшимъ, всезахватывающимъ и всепоглощающимъ и на ея мѣсто выступило это «нѣчто»—начало общественное, артельное, жизнь всей тюрьмы... Если первоначально, да и всегда по прибытіи на Кару, эта отдѣльная индивидуальная жизнь еще боролась за себя, отстаивала себя, по крайней мѣрѣ не растворялась сначала въ большей массѣ, чѣмъ ее составляетъ конгломератъ одной камеры, то въ дальнѣйшемъ пребываніи она таяла и расплывалась, постепенно сливаясь все съ большей и большей массой, пока не претворялась окончательно въ общей артельной коллективной и хоровой жизни...

Этимъ я не хочу сказать, что индивидуальность стиралась окончательно и совсѣмъ поглощалась тюремнымъ міромъ, но несомнѣнно, она значительно сглаживалась отъ тренія другихъ индивидуальностей, блекла и блѣднѣла въ густой атмосферѣ непрерывнаго сторонняго воздѣйствія, опускалась и слабѣла надъ нивелирующей мѣркой общихъ требованій, общихъ обычаевъ, общихъ привычекъ. И какъ бы не была сильна и самобытна отдѣльная личность, она не можетъ устоять предъ тираніей толпы и массы, хотя-бы она состояла изъ отборныхъ и выдающихся единицъ. А тиранія общественнаго велѣнія особенно велика и непреодолима. Поэтому всегда тяжело и больно было глядѣть на другого (по себѣ вѣдь трудно замѣчать), какъ онъ погружается постепенно въ эту атмосферу равенія и однообразія, какъ онъ претворяется и засасывается въ общую массу, изъ которой трудно выдѣлить одного. И всегда, при появленіи на Карѣ свѣжаго и яркаго своими особенностями, даже чудачествами, новичка, сердце сжималось отъ грустной мысли, что эта свѣжесть скоро поблекнетъ и яркость индивидуальныхъ красокъ покроется сейчасъ налетомъ шаблона, общаго духа, общей мысли, общаго настроенія...

Конечно, если-бы даже это и возможно было, то карійцы едва ли согласились бы промѣнять свое положеніе на участь, хотя бы, на примѣръ, шлиссельбуржцевъ (она была имъ извѣстна въ общихъ чертахъ, а именно, что ихъ отправляли въ иной лучшій міръ довольно быстрымъ темпомъ). Но объ одиночномъ заключеніи, вообще, мечталъ не одинъ изъ нихъ. Оно имѣетъ свои преимущества и прежде всего въ томъ, что сохраняетъ, консервируетъ человѣка, какимъ онъ есть и былъ. Мало того, оно помогаетъ развиться и усовершенствоваться тѣмъ способностямъ и особенностямъ духа (въ томъ числѣ и недостаткамъ), которые принесены въ одиночку. Между тѣмъ, тюремное общежитіе раньше всего требуетъ

приспособленія и нѣкотораго согласованія своего „я“ съ многочисленными „я“, входящими въ составъ общежитія. Отсюда вся тяжесть положенія заключеннаго въ общей камерѣ подъ замкомъ. Отсюда и тѣ многочисленныя и весьма грустныя коллизіи, черезъ которыя должна пройти личность въ ея борьбѣ съ общими пригнетающими ее вліяніями, въ ея стремленіи отстоять свою автономность. Легко понять, что она не всегда можетъ выйти изъ нея (борьбы) цѣльной и невредимой. И еще натуральнѣе результатъ, если личность въ большинствѣ случаевъ выходитъ изъ нея помятой, потрепанной, съ явными слѣдами воздѣйствія общей нивелировки и общественной тренировки...

Воспоминанія шлиссельбуржцевъ, появившіяся въ печати въ наше время, представляютъ наилучшій матеріалъ для сужденія о значеніи и вліяніи на интеллигентную личность одиночнаго заключенія. Изъ нихъ мы видимъ, при какихъ страшныхъ и нечеловѣческихъ условіяхъ наши герои и мученики отстаивали каждый день своей жизни, всякую частицу своего достоинства и свободы. Это была мелкая и упорная борьба изъ часа въ часъ, многіе годы, ожесточенная борьба, которая унесла много жертвъ. Ближайшей же цѣлью ея всегда было добиться общенія между собой: сначала стукомъ, а потомъ и лично въ прогулкѣ, работѣ и т. п. Заключенные не выдерживали убійственной одиночки и цѣною многихъ жизней заплатили за право общенія между собой, за счастливую возможность быть въ обществѣ.

На Карѣ палка репрессій была изогнута въ другую сторону. Тутъ не было возможности замаривать людей по одиночкѣ. Правительство придумало систему клѣтокъ, въ которыя насадило тѣсно людей, какъ звѣрей, въ тайной надеждѣ, что они загрызутъ другъ друга и перервутъ другъ другу глотки. Когда, однакоже, это не оправдалось, оно въ ожесточеніи бросило своихъ неодолимыхъ враговъ въ другія клѣтки, наполненныя полузвѣрьемъ, полубольными уголовными каторжниками, которымъ скорѣе мѣсто въ больницѣ, чѣмъ въ тюрьмѣ (въ Акатуѣ). Въ обоихъ этихъ случаяхъ шла также ежедневная борьба, мелкая, упорная и ожесточенная, имѣвшая цѣлью огражденіе личности съ одной стороны отъ давленія извнѣ и съ другой—отъ нивелирующаго и засасывающаго воздѣйствія среды, отъ давленія на нее изнутри. Конечно, эта была борьба почти безкровная, и карійскіе синодики не поразятъ историка такимъ количествомъ жертвъ, какое представляетъ мартирологъ обитателей Алексѣевского равелина и Шлиссельбургской крѣпости. Но кто могъ зарегистрировать въ свое время и оцѣнить въ будущемъ тѣ зачастую невысказанныя и почти всегда затаенныя душевныя страданія, которыя испытывали эти люди въ мертвой атмосферѣ бездѣятельности и безнадежности, вѣчно запертые подъ замкомъ и безсмѣнно обреченные созерцать другъ друга? Кто можетъ опредѣлить теперь, какая часть изъ тѣхъ паденій и политическихъ измѣнъ, которыми омрачилась одна полоса карійской жизни, была бы совсѣмъ предотвращена или сокращена, если бы тяжесть

подневольнаго общежитія облегчалась возможностью уединенія и изоляціи, при условіяхъ, не нарушающихъ интересовъ и товарищескихъ чувствъ другихъ? Во всякомъ случаѣ, нужно тутъ же сказать, что жизнь въ общихъ камерахъ всегда подъ замкомъ, при отсутствіи работъ и возможности уединяться или отвлекаться чѣмъ либо постороннимъ,—что такая жизнь является тяжелой и для многихъ почти невыносимой, въ корень подрывающей нервную систему и всю устойчивость организма. Если все же ее вынесло огромное большинство карійцевъ и даже сдѣлало ее во многихъ отношеніяхъ не безынтересной и не бесполезно проведенной, то въ этомъ сказались лишь удивительная жизнеспособность этихъ людей, ихъ умѣніе подчинить себѣ не только особенности мѣстной природы, но и губительную систему наказанія, придуманную изобрѣтательнымъ врагомъ на ихъ явную и очевидную гибель.

Нельзя не упомянуть здѣсь хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ о тѣхъ общихъ внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ сложилось и развивалось въ 80-хъ годахъ это знаменитое карійское общежитіе. Первые годы послѣ 11 мая, какъ мы уже упоминали, на Кару прибывало еще довольно много свѣжихъ и только что выброшенныхъ революціей силъ. Такимъ образомъ, мѣстная борьба изъ-за тюремнаго режима подкрѣплялась новыми, бодрыми, еще не потерявшими энергіи резервами. Кромѣ того, они приносили съ собой издалека и вѣру, и надежды на будущее и окрыляли мелкую прозаическую борьбу съ тюремщиками революціоннымъ вдохновеніемъ, еще не погасшимъ у нихъ и вынесеннымъ ими изъ великой борьбы за освобожденіе народа. Но мало-по-малу эта борьба затихала и громы ея все рѣже и глуше доносились до замкнутыхъ изгнанниковъ далекой Нерчинской каторги. Все меньше стало прибывать товарищей изъ Россіи (а тюрьма тѣмъ временемъ рѣдѣла, выпуская кончившихъ сроки на поселеніе и въ вольную команду). Все чаще стали приходиться печальныя извѣстія о непоправимыхъ пораженіяхъ, о тяжелыхъ разочарованіяхъ, о постыдныхъ измѣнахъ... А реакція все безпощаднѣе ломала все живое кругомъ. И въ довершеніе всего надъ тюремнымъ карійскимъ дворомъ уже сбирались грозовыя тучи уголовной репрессіи и надъ головами его обитателей уже повиснулъ Дамокловъ мечъ каторжной расправы палача...

И, однакоже, повторяю, огромное большинство карійцевъ не только перенесло посланное имъ испытаніе, но и перенесло его съ честью. Поддержкой и даже спасеніемъ отъ нравственной смерти и вырожденія служила, какъ уже сказано было выше, замѣчательная карійская бібліотека. Второй главной опорой въ этой неустанной борьбѣ за сохраненіе своего духа является знаменитая карійская артель. Такъ какъ она требуетъ себѣ особаго вниманія и отдѣльнаго описанія, то здѣсь достаточно будетъ сказать, что помимо экономической поддержки и обезпеченія, которое она давала отдѣльному лицу въ тюрьмѣ, она являлась источникомъ многихъ духовныхъ благъ. Артель связывала каждого съ другими товарищами прямыми и реальными интересами, давала ему извѣстныя права

и обязанности, какъ въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, такъ и въ выполненіи функций, намѣчаемыхъ общежитіемъ, наконецъ, создавала ту общую почву, на которой могла развиваться и проявляться возможная при этихъ условіяхъ солидарность, товарищеская взаимность. Карійская тюрьма была той фактической скрѣпой, безъ которой на практикѣ духовныя связи заключенныхъ ослаблялись бы сами собой. Въ ней воплощались и на ней сходились тѣ общіе интересы и тѣ общественныя стремленія, которыя внѣ артели, быть можетъ, и совсѣмъ не проявились бы или, по крайней мѣрѣ, не развились бы. Но помимо этого чисто-артельнаго духа, въ карійскомъ общежитіи было еще нѣчто, что стояло выше всѣхъ этихъ внѣшнихъ и вызванныхъ мѣстными условіями подпорокъ и поддержекъ. Въ немъ было нѣчто такое, что покрывало собою всѣ эти случайныя и неорганическія средства борьбы за свою внутреннюю независимость, за сохраненіе своего «я». Это было, если хотите, нѣчто совсѣмъ не сформулированное и нигдѣ никѣмъ не записанное. Но оно всегда дѣйствовало и жило въ этой средѣ, выступая яркимъ путеводнымъ огнемъ въ самую мрачную ночь этой жизни, поднимая общій уровень настроенія въ дни упадка.

Этимъ «нѣчто» былъ духъ революціи, духъ революціонной солидарности и единства, который никогда не покидалъ карійской тюрьмы. Это онъ, духъ революціоннаго товарищества, случайно закинутого въ ущелье забайкальскихъ сопокъ и запертого засовами карійской каторги,—это онъ, это духъ боевого, никогда не сдававшагося товарищества согрѣвалъ каждого изъ насъ, даже одиноко заброшеннаго въ эти дебри и дѣлалъ каждого опять частицей одного великаго цѣлага, вновь возрождалъ къ жизни общей. Одно чувство артельности и общаго хозяйственнаго интереса никогда не могло бы слить насъ въ такую крѣпкую, стойкую и навсегда организованную общину, которая могла распасться только съ уничтоженіемъ ея членовъ. Это могла сдѣлать только солидарность революціонеровъ, сплоченныхъ общимъ сознаниемъ своего духовнаго родства и связанныхъ тысячей невидимыхъ нитей. Это могла сдѣлать только общность духовныхъ и, главнымъ образомъ, общественно-политическихъ интересовъ, передъ которыми теряли свое значеніе всѣ прочіе дѣла и интересы. Это могла сдѣлать только та внутренняя и глубокая идейность, за которую было уже заплачено слишкомъ дорого, за которую принесено было черезчуръ много жертвъ. Словомъ, это могла сдѣлать только общность нашего революціоннаго прошлаго и общность нашихъ революціонныхъ надеждъ въ будущемъ. И потому-то даже и тѣ, которые выходили изъ нашего общежитія невольными и разочарованными, не могли и не могутъ не отдать ему справедливости въ томъ, что оно было замѣчательно, необычно и выше всего того, что можетъ создать будничная жизнь въ такъ называемыхъ, нормальныхъ условіяхъ...

Я лично еще захватилъ всю прелесть жандармскаго режима въ

карийской тюрьмѣ. На Кару я прибылъ 2-го января 1884 года и вышелъ въ вольную команду 29-го ноября 1888 года. Такимъ образомъ, почти пять изъ самыхъ тяжелыхъ лѣтъ этого режима я безвыходно прожилъ въ тюрьмѣ. Выражаясь по карийски, «хлебуль» я этого общаго горя достаточную порцію. Къ тому же и переболѣлъ я порядочно, какъ отъ малокровія вслѣдствіе недоѣданія, такъ и отъ общаго нервнаго разстройства, вызваннаго вскорѣ условіями общей камерной жизни. И однакоже, когда мнѣ объявили, что я могу оставить тюрьму и уйти «на волю» въ вольную команду, сердце мое не забилося радостной тревогой, и я остался совершенно равнодушнымъ къ ожидающей меня переменѣ. Мало того: мнѣ даже не хотѣлось оставлять мою славную «Дворянку» (камеру), съ которой я такъ ужъ сжился, и моихъ милыхъ товарищей—сокамерниковъ, съ которыми мнѣ не удалось сдружиться тѣсно, но съ которыми я уже былъ связанъ навсегда какими-то неразрывными нитями общности и единства. Мнѣ даже казалось страннымъ, какъ я могу искать чего-то тамъ, «за пѣлями», гдѣ-то среди чужихъ и незнакомыхъ людей, когда тутъ такъ тепло и привѣтливо...

И мнѣ вспомнилось при этомъ то сложное и неприятное чувство холодности и отчужденности, которое я испытывалъ уже не разъ, когда меня вели подъ конвоемъ гдѣ-нибудь черезъ городъ, на примѣръ, при переводѣ изъ одной тюрьмы въ другую или при переходѣ черезъ городъ нашей партіи. Сначала обрадуешься возможности подышать вольнымъ воздухомъ, посмотрѣть улицы, людей, и съ жадностью ловишь каждый звукъ, каждое движеніе и каждый предметъ. Но вотъ уличный мальчишка пробѣжалъ, показавши языкъ. Какая нибудь жалостливая баба перекрестится, подавая грошъ несчастнымъ. Остальные прохожіе бѣгутъ мимо, холодно и безучастно оглядывая рѣдкое зрѣлище, и все идутъ мимо... Ахъ, эти холодные, безучастные взоры! Сколько горя и разочарованія причиняли они, вѣроятно, не мнѣ одному! Какъ скоро пропадаетъ охота оставаться на этой холодной безучастной улицѣ! И какъ хочется скорѣе, скорѣе пройти это пространство холода и безучастія, эти мѣста обиднаго, незаслуженнаго равнодушія и скорѣе опять въ тюрьму, гдѣ ждетъ своя товарищеская среда...

Въ вольной командѣ я прожилъ три года съ небольшимъ. Собственно говоря, мой срокъ каторги, а, стало быть, и пребываніе въ вольной командѣ кончился 20-го мая 1891 года. Объ этомъ и было мнѣ объявлено своевременно за полной моей подписью. Мнѣ предстояло отправляться на поселеніе въ Якутскую область. Но зачѣмъ бы я спѣшилъ туда и какая сила могла извлечь меня изъ этой родной и дорогой для меня стихіи, изъ товарищеской карийской среды въ вольной командѣ? И вотъ, я сталъ всячески «отлынивать» отъ предстоящей мнѣ поѣздки. Сначала я уклонился отъ нея подъ предлогомъ неисправности этаповъ въ лѣтнюю пору (лѣтомъ отправляли небольшія партіи въ лодкахъ по рѣкѣ Шилкѣ до Срѣтенска); а потомъ меня совсѣмъ забыло начальство. Такимъ

образомъ, я дожилъ на Карѣ до декабря мѣсяца и прожилъ бы тамъ еще дольше, если бы, по чьему то доносу, не вспомнили обо мнѣ въ самомъ управленіи каторги и, по предписанію оттуда, не выдворили меня самымъ неумолимымъ образомъ. Признаюсь, я пережилъ очень тяжелый кризисъ, оторвавшись отъ среды, въ которой прошла моя самая лучшая молодость и въ которой я нашель все, чѣмъ жива душа и удовлетворяется еще не пресыщенное жизнью человѣческое сердце.. А между тѣмъ, я вѣдь уходилъ только съ Кары, гдѣ еще не такъ давно всѣ мы пережили страшную драму въ исторіи съ Сигидой и гдѣ каждый день со всѣми нами могло повториться нѣчто подобное.

Н. Геккеръ.

Дѣло подпоручика Крушевскаго.

(1863 г.).

„Топографъ Сибирскаго кадетскаго корпуса Казанцевъ въ январѣ 1863 г. сообщилъ жандармскимъ властямъ, что бывшій наканунѣ съ нимъ вмѣстѣ въ гостяхъ подпоручикъ Сибирскаго линейнаго № 11 баталіона Эдуардъ Крушевскій, находясь въ нетрезвомъ видѣ, завелъ разговоръ на польскомъ языкѣ съ присутствовавшимъ тамъ писцомъ Ивашкевичемъ и на противорѣчія послѣдняго онъ на русскомъ языкѣ сказалъ, что при первой встрѣчѣ онъ самъ застрѣлилъ бы Государя. Крушевскій былъ арестованъ и началось слѣдствіе, во время котораго Крушевскій высказался о необходимости свободы политическихъ убѣжденій, но сперва отрицалъ, что велъ разговоръ съ Ивашкевичемъ и даже знакомство съ нимъ, а потомъ ссылался на свое ненормальное состояніе.

Служба подсудимаго представлялась въ такомъ видѣ: отъ роду ему 33 года, происходитъ онъ изъ дворянъ Плоцкой губерніи, въ службу вступилъ добровольно во 2-й учебный карабинерный полкъ рядовымъ въ 1848 г., въ прапорщики произведенъ въ 1853 г., а въ подпоручики въ 1859 г.

Судъ приговорилъ Крушевскаго къ ссылкѣ въ каторжныя работы на десять лѣтъ. Командиръ Отдѣльнаго Сибирскаго корпуса согласился съ этимъ приговоромъ. О томъ же наказаніи далъ заключеніе и Генераль-Аудиторіатъ.

Дѣло было подтверждено 13 сентября 1863 г.“

Воспоминанія чайковца.

(Продолженіе) ¹⁾.

XII.

При содѣйствіи Василя Ивановича Покровскаго (сотрудника «От. Зап.»), съ которымъ я познакомился въ домѣ доктора Павлова въ Твери (благодарную память о которомъ и о женѣ его я до сихъ поръ храню въ своемъ сердцѣ), я попалъ по назначенію директора народныхъ училищъ Дружинина учителемъ въ с. Губинъ-Уголь. Дѣло было такъ.

Губинъ-Уголь это не особенно большое село, гдѣ всѣ жители заняты «сапогомъ»; они шили обувь, которую еженедѣльно доставляли въ с. Кимры, обыкновенно по воскресеньямъ. — Кимры отстояли отъ Губина-Угла не больше, какъ на 10 верстъ, и туда я иногда ходилъ пѣшкомъ. Здѣсь губинцы продавали свои сапожныя издѣлія, главнымъ образомъ, скупщикамъ.

Среди этихъ скупщиковъ были тузы, люди съ большой мошной, державшіе въ своихъ лапахъ окружающее деревенское населеніе, занимавшееся сапожничествомъ.

Въ числѣ этихъ тузовъ былъ и разбогатѣвшій крестьянинъ с. Губина-Угла—Василій Ѳедоровичъ Мартыновъ.

У Мартынова въ Губинѣ-Углѣ былъ двухэтажный каменный домъ, къ которому былъ пристроенъ еще, такъ сказать приткнутъ,—двухэтажный же деревянный домъ.

Въ Кимрахъ сидѣлъ мартыновскій приказчикъ-скупщикъ обуви,—умный, невозмутимо хладнокровный, безъ всякой ласковости, но и безъ внѣшняго звѣрства, неумолимый хищникъ—Илья Тунцовъ, который скупленную въ Кимрахъ обувь отправлялъ въ Питеръ, гдѣ у Мартынова въ Апраксиномъ дворѣ былъ свой магазинъ обуви. Здѣсь же у Мартынова былъ свой прекрасный домъ,—съ оранжереей и теплицей во дворѣ.

Мартыновъ водилъ знакомство, — чѣмъ и очень кичился, — съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ старшимъ, у котораго бывалъ, который бывалъ у него, которому онъ, по его словамъ,

¹⁾ См. „Былое“. Августъ.

ссужалъ денегъ при случаѣ, и черезъ котораго устраивалъ подряды на поставку обуви въ войска; черезъ него же во время прусско-французск. войны Мартыновъ имѣлъ подрядъ на поставку обуви въ нѣмецкія войска.

Этотъ, выбившійся въ тузы мужикъ,—безъ всякаго образованія старообрядецъ (былъ церковнымъ старостой единовѣрческой церкви въ Питерѣ),—былъ типичнѣйшій Титъ Титычъ, незнавшій удержу своему самодурству и страдавшій періодическимъ запоємъ.

Будучи жесточайшимъ эксплуататоромъ населенія деревень; окружавшихъ Губинъ-Уголь, которое проклинали его и его приказчиковъ,—онъ былъ по своему благодѣтелемъ своихъ односельчанъ, съ которыми связи не порывалъ.

Губинъ-Уголь—былъ его родной уголь и въ которомъ онъ чувствовалъ себя самодержцемъ, окруженнымъ искреннимъ неподдѣльнымъ и, потому, еще болѣе отвратительнымъ раболѣпствомъ губинцевъ.

За это раболѣпство, во всѣ тяжкія минуты жизни губинцевъ Мартыновъ—выручалъ ихъ. Случится ли падежъ скота, Мартыновъ на свои деньги покупалъ коровъ и лошадей всѣмъ пострадавшимъ, кто только заявлялъ о своей бѣдѣ. Если у губинца отъ неурожая не оказывалось сѣмянъ для посѣва, онъ шель къ Мартынову, и послѣдній бралъ за свой счетъ изъ общественнаго магазина зерно и помогалъ нуждавшемуся безвозвратно. Дочери не одного небогатаго губинца, выходя замужъ, получали отъ Мартынова приданное и на его счетъ отпраздновали свадьбы свои.

Всю отпраздновать Мартыновъ забиралъ постоянно у всѣхъ своихъ односельчанъ, разъ только они приносили въ его склады, не взирая на то, былъ-ли спросъ на рынкѣ или нѣтъ,—не стѣсняя, впрочемъ ихъ свободы продавать свои сапожныя издѣлія кому угодно.

Въ тотъ годъ, когда я попалъ въ Губинъ-Уголь учителемъ, Мартыновъ затѣялъ устроить въ своемъ каменномъ домѣ внизу—богадѣльню для безпризорныхъ старыхъ Губина-Угла, вверху—школу для мальчиковъ и дѣвочекъ. Для школы онъ опредѣлилъ изъ своего капитала—200 руб. въ годъ жалованья учителю, 120 руб. учительницѣ и 40 руб. сторожу.

Квартира для учителя, учительницы и сторожа полагалась тутъ же при школѣ.

Школа состояла изъ 2-хъ большихъ свѣтлыхъ комнатъ, которыя отдѣлялись одна отъ другой третьей комнатой поменьше, предназначенной для школьной библіотеки. Квартира для учителя и учительницы состояла тоже изъ двухъ не особенно большихъ комнатъ съ передней и кухней, въ которой помѣщался сторожъ, обязанный прислуживать и учителю съ учительницей.

Все необходимое для школы приобрѣталось по усмотрѣнію учителя и по принципу Мартынова: «бери! ничего не жалѣю, коли надо! знай меня!»—Обученіе, конечно, было даровое для дѣтей губинцевъ; изъ другихъ сель было не болѣе пяти-шести человекъ.

Устроивши школу, Мартыновъ выхлопоталъ черезъ велик. кн.

Николая Николаевича ст. покровительство для нея наслѣдника, и школа на вывѣскѣ имѣла надпись: «находится подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича».

Когда я явился къ Дружинину, направленный къ нему В. И. Покровскимъ, я былъ встрѣченъ этимъ небольшого роста человѣкомъ, нѣсколько ожирѣлымъ, довольно вульгарнаго и неяршливаго вида;—онъ распросилъ меня былъ-ли я когда-нибудь учителемъ (не былъ, конечно) и почему не продолжаю учиться въ Техн. Инст. (по недостатку средствъ, такъ какъ я-де еще и женатъ). Узнавъ, что я женатъ и что жена моя съ образованіемъ, онъ ухватился за это и предложилъ мнѣ ѣхать въ школу, открывавшуюся въ с. Губинъ-Угль, въ которую какъ разъ требовалось учитель и учительница. Я тоже ухватился за эту мысль. Такъ какъ я ѣхалъ въ деревню въ качествѣ учителя съ исключительною цѣлью пропаганды среди крестьянъ, пропагандировать среди которыхъ еще никто изъ нашего кружка не пытался, то имѣть въ школѣ въ качествѣ сотрудницы такого человѣка, который, по крайней мѣрѣ, сочувствовалъ бы моей пропагандѣ, для меня было чрезвычайно желательно.

Условія, которыя предлагалъ Мартыновъ, были, можно сказать, роскошныя. Въ ту же губернію поѣхалъ одновременно со мной учительствовать товарищ мой по Т. Ин. Жуковъ, и попалъ недалеко отъ Губина-Угла, только въ Калязинскомъ уѣздѣ, на 80 р. жалованья въ годъ при ужаснѣйшей школьной и квартирной обстановкѣ.

Съ Дружининымъ мы рѣшили, что я съѣзжу въ Питеръ за женой, а затѣмъ, явившись къ нему, мы при его бумагѣ будемъ отправлены въ Губинъ-Уголь, — а пока онъ спишетъ объ насъ съ бывшимъ директоромъ народныхъ училищъ Робертомъ, черезъ котораго Мартыновъ хлопоталъ о назначеніи въ открываемую имъ школу учителя и учительницы.

Пріѣхавъ въ Питеръ, я предложилъ въ женской комнатѣ — не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ живущихъ въ ней нашихъ барынь ѣхать учительницей въ школу подъ видомъ моей жены? Согласившая на это отдала бы Лариссѣ свои документы, по которымъ Ларисса и проживала бы безпрепятственно въ Питерѣ, а поѣхавшая со мной въ Губинъ-Уголь, проживала бы по моимъ документамъ, какъ моя жена, перемѣнивъ только въ обиходѣ имя и отчество. Этотъ вопросъ подвергся въ коммунѣ серьезному обсужденію. Всѣ жившія въ коммунѣ женщины учились на разныхъ курсахъ, то на медицинскихъ, то на акушерскихъ, и могли въ это время соединить учобу свою съ пропагандою среди фабричныхъ рабочихъ,—и ни одной изъ нихъ не хотѣлось разставаться съ такимъ положеніемъ. Единственная изъ нихъ, не бывшая въ такомъ положеніи—была моя фиктивная жена.

Такъ какъ моей мысли попробовать пропагандировать въ деревнѣ сочувствовалъ и кружокъ, и вся женская коммуна, то они

всѣ вполне сочувствовали и моему желанію, чтобы въ школѣ былъ не чужой, а вполне свой человѣкъ и учительницей. Волей неволей приходилось ѣхать со мною моей фактивной женѣ, — на что она, въ концѣ концовъ, и согласилась. У меня же не было никакого резона противиться такому рѣшенію, и, напротивъ, въ тайникѣ души мнѣ было пріятно, что тамъ въ школѣ будетъ работать вмѣстѣ со мною существо, которое было такъ мило моему сердцу.

И мы вдвоемъ отправились въ Тверь, а оттуда съ предписаніемъ Дружинина въ сумкѣ, въ с. Губинъ-Уголь, Корчев. у.

Ученіе въ школѣ, въ которой было болѣе 40 мальчиковъ въ мужскомъ, моемъ, отдѣленіи и до 40 же дѣвочекъ и дѣвушекъ въ женскомъ отдѣленіи Лары, сразу пошло очень успѣшно.

Сначала родители учениковъ были непріятно поражены и недовольны, что учатъ не по псалтыри, и не буки-азъ-ба, а какъ-то по новому, по курьезному. Но, черезъ двѣ-три недѣли учобы отношеніе ихъ рѣзко измѣнилось въ нашу пользу. Мы установили давать ребятамъ книжку «Родное Слово» въ собственность, съ правомъ уносить ее къ себѣ домой, какъ только они научались читать. Это очень интриговало ребятъ и они изъ кожи лѣзли, чтобы добиться книжки. И когда нѣкоторые изъ нихъ не болѣе какъ черезъ двѣ недѣли ученія явились домой съ книжками и на любомъ мѣстѣ ея могли прочитать, что тамъ написано, то это такъ понравилось взрослымъ губинцамъ, что не только парни, а даже нѣкоторые изъ отцовъ семействъ, увидавъ, что новымъ способомъ легко научиться читать всякому, заявили намъ желаніе и самимъ поучиться и стали приходиться къ намъ заниматься по вечерамъ.

Кромѣ того, я предложилъ желающимъ и взрослымъ парнямъ, и отцамъ семействъ приходиться въ школу по праздникамъ, послѣ обѣдни, чтобы слушать чтеніе книжекъ, какія имѣлись у насъ въ школьной библиотекѣ. Охотниковъ оказалось не мало.

Несмотря на то, что губинцы были почти всѣ старовѣры, ихъ постоянное общеніе съ бойкимъ торговымъ селомъ Кимры, а еще болѣе съ Москвой (рѣдкій изъ взрослыхъ губинцевъ не бывалъ въ ней), вносило въ ихъ жизнь немало новшествъ и поэтому, мнѣ кажется, они и не настраивались враждебно къ тому новому, что появилось среди нихъ въ нашемъ лицѣ; напротивъ, мы возбудили къ себѣ вниманіе и интересъ. Поэтому и мое предложеніе учиться по вечерамъ грамотѣ по новому способу и приходиться по праздникамъ слушать чтеніе свѣтскихъ небожественныхъ книжекъ было принято многими охотно. Надо, впрочемъ, замѣтить, что то обстоятельство, что учитель «въ ротъ хмѣльного не беретъ» и не курить (я къ тому времени бросилъ курить), то, что онъ и жена его ходятъ въ церковь и постами мяса не ѣдятъ (котораго, впрочемъ, въ Губинѣ въ постъ и не достать нигдѣ), сближало насъ съ крестьянами; а мы на первыхъ порахъ рѣшили не отталкивать отъ себя деревенскую публику, грубо задѣвая ихъ чувствительныя мѣста.

Пожелавшіе учиться взрослые научались читать, и пожилые отцы семействъ дѣлались неожиданно для нихъ грамотными также,

какъ и молодые парни. Одинъ изъ нихъ отецъ семейства, средней зажиточности сапожникъ, говорилъ мнѣ о томъ удовольствіи, которое онъ испытывалъ, когда въ первый разъ смогъ прочитать въ Кимрахъ, что написано на вывѣскахъ.

По праздникамъ парты школы въ мужскомъ отдѣленіи были заняты взрослыми, приходившими отъ обѣдни (церковь была только черезъ дорогу отъ школы), послушать чтеніе.

Такъ какъ Мартыновъ, побывавшій вскорѣ послѣ открытія школы въ Губинѣ, сказалъ мнѣ при отъѣздѣ въ Питеръ, чтобы я далъ ему списокъ всего, что нужно для школы и библіотеки, то я, выписавши всякихъ пособій учебныхъ, въ родѣ картинъ, глобуса, стоячихъ большихъ счетовъ, ящичковъ для ариѳметики и т. п., написалъ изрядное количество книжекъ для библіотеки и включилъ въ списокъ книжки и весьма пригодныя для пропаганды.

На ряду съ сочиненіями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Никитина, Л. Толстого, кое-какихъ путешествій, были выписаны «Дѣдушка Егоръ» Цебриковой, «Фабричные рассказы» Голицинскаго, «Анчутка безпутный» Майнова, «О землѣ и о небѣ» Иванова, о силахъ земныхъ его же; книжки о податяхъ, о воинской повинности, рассказы по естественной исторіи, рассказы изъ русской исторіи о старомъ вѣчѣ, объ Иванѣ Грозномъ, о поволжской вольницѣ, и т. п. Мартыновъ, ничего самъ въ книгахъ не смыслившій, по приѣздѣ въ Питеръ приказалъ выслать все, что учитель выписалъ.

И мы читали крестьянамъ многое, что задѣвало вопросы объ ихъ положеніи, поднимало вопросы объ эксплуататорствѣ, о кулачествѣ, о тяжести податей, о томъ, что порядки на Руси не на правдѣ зиждутся.

XIII.

Однажды вечеромъ, я лежалъ усталый на маленькой лежаночкѣ въ своей комнатѣ нашей школьной квартиры и задремалъ. Былъ вечеръ. Вдругъ сквозь полудремоту я слышу, что меня расталкиваетъ и будить Ларисса, съ которой мы были только простыми знакомыми, членами одного кружка, и которая держалась со мной всегда на благородной дистанціи, какъ и я съ нею.

— Да проснитесь-же, Силычъ! (такъ всегда звали меня друзья и товарищи), смѣясь тормошила меня Ларисса.—Я принесла вамъ интересную новость!

Я вскочилъ. Отъ Лариссы вѣяло морозной свѣжестью,—она еще не успѣла сбросить ни шубки, ни платка,—чудные глаза ея были полны блеска; она была чрезвычайно ажитирована.

— Знаете-ли, говорила она радостно возбужденно,—я по приглашенію своихъ ученицъ попала на посидѣлки! Они тамъ поютъ пѣсни, дѣвушки работаютъ, а парни ничего не дѣлаютъ. Я предложила и парнямъ, и дѣвушкамъ послѣ пѣнія читать имъ вслухъ книжки... И съ какимъ удовольствіемъ они за это ухватились! Я

прочитала имъ сегодня «Коробейниковъ» и «Купца Калашникова». Когда расходились, просили . приходите на посидѣлки и васъ приглашали.

Радостное настроеніе Лариссы передалось и мнѣ. Въ этотъ вечеръ мы съ нею долго проговорили о томъ, что наша пропаганда получаетъ возможность разростись и въ деревнѣ.

Съ этого вечера мы перестали уже быть буками друга съ другомъ. Всякимъ успѣхомъ занятій съ малышами и со взрослыми, всякимъ проявленіемъ сочувствія къ нашимъ рѣчамъ со стороны того или другого деревенскаго обывателя, всѣмъ, что появилось интереснаго въ сношеніяхъ съ крестьянами молодыми и старыми при расширеніи съ ними знакомства и въ Губинѣ-Углѣ, и въ Бережкѣ, и въ другихъ сосѣднихъ деревушкахъ—всѣмъ мы спѣшили подѣлиться другъ съ другомъ и теперь уже не одинъ вечеръ проводили мы подолгу въ бесѣдахъ, строили широкіе планы дѣятельности, мечтали о будущемъ счастья народа, огорчались тѣмъ, что намъ казалось въ немъ темнымъ и сквернымъ и пр. и пр., и все крѣпче и крѣпче влюблялись другъ въ дружку.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ разговоръ нашъ коснулся и разныхъ моральныхъ и общественныхъ темъ, свелся по ассоціаціи идей и на вопросъ о любви и окончилась наша бесѣда—неожиданнымъ признаніемъ Лариссы, что она меня любитъ, и что таить ей это чувство больше не подъ силу. Я чуть съ ума не сошелъ отъ счастья въ тотъ вечеръ. Никогда бы у меня не повернулся языкъ заявить Ларѣ о томъ, что я въ нее влюбленъ до безумія: это было бы преступленіемъ, посягательствомъ съ моей стороны на ея свободу, такъ какъ я былъ ея законный мужъ! Но она сама сказала мнѣ, что меня любитъ! Это значило мгновенно разрушить плотину, долго сдерживавшую живой, напряженный потокъ чувства!.. Тутъ можно было сойти съ ума!..

Мартыновъ успѣлъ побывать въ Губинѣ-Углѣ и познакомиться со мной и съ Лариссой. Мы ему понравились. Но онъ намъ не понравился. Довольно высокій, жирный, пузатый, съ хитрыми заплывшими жиромъ небольшими карими глазами, съ длинной козлиной рѣдкой сѣдой бородой, безъ признаковъ растительности на отвислыхъ, лоснящихся отъ жиру красныхъ щекахъ,—онъ не внушалъ къ себѣ расположенія. По первому же впечатлѣнію, по тому, какъ онъ сидѣлъ въ креслѣ, распахнувъ свой длиннополый черный сюртукъ и вытиралъ шелковымъ платкомъ потное лицо свое при чаепитіи, по безаппеляціоннымъ мнѣніямъ обо всемъ, о чемъ онъ и понятія не имѣлъ, по пренебрежительному отношенію къ окружавшей его публикѣ,—сразу былъ виденъ самодуръ чистокровный.

Впродолженіе недѣли своего пребыванія въ Губинѣ-Углѣ послѣ открытія школы, Мартыновъ ежедневно приглашалъ насъ то къ утреннему, то къ вечернему чаю.

Такъ какъ въ присутствіи его вся публика, находившаяся при чаепитіи,—братъ, жена брата, сестра ея, дѣвушка лѣтъ 23, кое-кто изъ крестьянъ, назначенныхъ попечителями школы по выбору Мар-

тынова, иногда батюшка,—чувствовала себя пригнетенной и держала себя рабски-подобострастно, то, намъ эти приглашенія не особенно были прїятны, мы шли неохотно и, слушая глупыя рѣчи неумнаго, но съ огромнымъ самомнѣніемъ и тщеславнаго кулака, невольно начинали питать въ душѣ недоброе къ нему чувство. Въ одно изъ такихъ чаепитій онъ не приминуть выставить свое знакомство съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и что-де великій князь высоко его цѣнитъ и говоритъ, что такіе люди, какъ я и Ларисса—теоретики, а такіе, какъ онъ Мартыновъ, практики и что ими, практиками, весь міръ держится.

Еще наканунѣ его прїѣзда насъ покорило то холуйское поведеніе, которое проявили губинцы, какъ только нарочный изъ Корчевы (версть 40 отъ Губина-Угла) привезъ извѣстіе, что завтра будетъ Василій Ѳедоровичъ... Губинцы засуетились и готовили ему встрѣчу. Оказалось потомъ, что губинцы на другой день встрѣчали Мартынова версты за двѣ отъ села и даже везли его въ экипажѣ, впрягшись вмѣсто коней...

Мартыновъ, побывавъ въ школѣ, приказалъ составить списокъ всего, что мы находимъ нужнымъ для школы и школьной библіотеки, подчеркивая, въ средствахъ не стѣсняться, — деньги-то есть.

Въ этотъ свой короткій прїѣздъ Мартыновъ не пилъ, и уѣзжая, приглашалъ меня съ Лариссой на Пасху въ Питеръ къ нему въ гости.

Послѣ его отъѣзда у насъ съ губинцами были разговоры о Мартыновѣ. Съ тѣми, которые сошлись съ нами довольно дружески, мы не стѣснялись и откровенно говорили, что Мартыновъ намъ не понравился и возмущались раболѣпнымъ поведеніемъ губинцевъ по отношенію къ Мартынову. Губинцы оправдывались тѣмъ, что они отъ Мартынова за то получаютъ много выгоды.

Мало-по-малу, при большемъ знакомствѣ съ губинцами, мы узнали отъ нихъ такія вещи о Мартыновѣ, что онъ оказывался чистокровнымъ злодѣемъ. Такъ, напр., онъ забилъ свою жену до помѣшательства, она, впадшая отъ страха, въ тихое сумасшествіе, тѣмъ не менѣе влачила жалкіе дни свои при Мартыновѣ въ Питерѣ. Прїѣзжая же въ Губинъ-Уголь, онъ жилъ, какъ съ женой, съ сестрой жены брата, съ упомянутой выше двадцатитрехлѣтней дѣвушкой. А раньше того, какъ онъ растлилъ эту дѣвушку и превратилъ ее въ свою любовницу, онъ жилъ съ женою его брата, съ бѣлой и румяной, типа русской купчихи, бабой. Отъ этой бѣды несчастный братъ его сталъ горьчайшимъ пьяницей. Братъ его небольшого роста, шепелявившій, вслѣдствіе потери лѣвой верхней челюсти отъ костоѣды, представлялъ изъ себя жалкую фигуру, жадно поглощавшую водку при всякой возможности.

Въ сторонѣ отъ Губина-Угла верстахъ въ пяти былъ одинокій хуторъ, гдѣ жила вдова одного, тоже когда-то разбогатѣвшаго, сапожника—мужика. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Мартыновъ увидѣлъ однажды въ церкви Губина-Угла молодую вдову и приглянулась ему эта, по рассказамъ, замѣчательная красавица.

Сталъ онъ подѣзжать къ ней всячески, съ цѣлью склонить ее на связь съ собою. Но красавица упорно отвращалась отъ него и, въ концѣ концовъ, онъ принудилъ ее своими приставаньями выгнать его вонъ изъ своего дома.

Тогда Мартыновъ запилъ и въ одинъ изъ запойныхъ дней, собравъ вокругъ себя отрядъ вѣрныхъ ему губинцевъ, онъ неожиданно накатилъ въ хуторъ вдовушки, ворвался со своей сворой къ ней въ домъ, всѣхъ бывшихъ въ домѣ слугъ и домочадцевъ выгналъ вонъ, и съ помощью вѣрныхъ холуевъ своихъ изнасиловалъ красавицу. Бѣдная женщина послѣ этого несчастья тяжело захворала (очевидно, нервной горячкой) и послѣ выздоровленія изъ былой красавицы стала неузнаваемой и повредившейся въ умѣ. Даже днемъ ставни и двери ея дома были закрыты; она жила безвыѣздно и безвыходно въ своемъ домѣ, вѣчно боясь кого-то и чего-то.

Былъ съ Мартыновымъ еще случай. Какъ-то собрались у него въ домѣ кое-кто изъ губинцевъ, его приказчики по скупкѣ сапоговъ и другой обуви, былъ въ числѣ гостей и становой приставъ. Началась столь хорошо вѣдомая губинцамъ Мартыновская попойка. Выпили здорово. Раскуражившійся Мартыновъ напустился на одного изъ своихъ приказчиковъ, котораго обвинялъ въ обворовываньи его. Пьяный приказчикъ въ отвѣтъ согрубилъ Мартынову. Тогда Мартыновъ схватилъ еще нераскупоренную пивную бутылку и ударилъ ею изо всей силы по головѣ приказчика. Хлынула кровь у приказчика изо рта и носа, и онъ мертвый упалъ на полъ той залы, которая была оклеена такими безвкусными противными золотыми обоями.

Становымъ приставомъ былъ тутъ же составленъ протоколъ... Но протоколъ этотъ гласилъ, что такой-то приказчикъ купца Мартынова былъ убитъ однимъ изъ присутствовавшихъ крестьянъ во время ссоры. Этотъ крестьянинъ согласился охотно за предложенную Мартыновымъ сумму взять вину въ убійствѣ на себя. Была, конечно, дана соотвѣтствующая мзда и становому да и всѣ присутствовавшіе постарались извлечь изъ этого счастливаго для нихъ обстоятельства возможную выгоду для себя. Принявшій на себя вину въ убійствѣ былъ судимъ и сосланъ на поселеніе въ Сибирь,—откуда, спустя года три, писалъ Мартынову, что молится за него Богу, такъ какъ теперь-де человѣкомъ сталъ. Съ деньгами, полученными отъ Мартынова, онъ занялся въ Сибири торговлей,—скупкой мѣховъ у инородцевъ, разбогатѣлъ и теперь устроился такъ, какъ онъ никогда бы не устроился на родинѣ.

Словомъ, изъ рассказовъ губинцевъ, передъ нами все отчетливѣе и отчетливѣе обрисовывалась фигура нашего хозяина и патрона. Такъ какъ отъ этого звѣря можно было ожидать всяческаго паскудства, то мы насторожились по отношенію къ нему и, ясно, что въ его лицѣ мы уже почуяли врага, тѣмъ болѣе, что узнали еще и о томъ, какъ онъ жестокъ съ тѣми крестьянами сапожниками, которые не были его односельчанами и которыхъ опутывали своими сѣтями его приказчики—скупщики. Крестьяне эти запу-

тывались въ долгахъ ему, и онъ беспощадно ихъ раззорялъ, прижимая при взысканіи долговъ, бракуя и обезцѣнивая ихъ обувь, въ особенности въ тотъ годъ, когда мы были въ Губинѣ-Углѣ и когда „сапогу не было ходу“,—сбытъ обуви шель туго и сапожники-кустари охали отъ нужды и утѣсненія, утѣшая себя лишь тѣмъ, что не всегда бываетъ такой годъ, что бываютъ и хорошіе года, какъ, напр., годъ прусско-французской войны, когда сапогъ былъ въ ходу.

Хотя уже и недружелюбно настроенные противъ своего хозяина, мы поѣхали, тѣмъ не менѣе, на Пасху въ Питеръ. Конечно, для насъ важнѣе всего было при этомъ повидаться со своими друзьями, узнать обстоятельно, какъ идетъ у нихъ дѣло пропаганды, поразсказать имъ о томъ, что успѣли мы сдѣлать въ деревнѣ. Но желая еще оставаться въ Губинѣ-Углѣ въ качествѣ народныхъ учителей, мы должны были соблюсти формы вѣжливости и непременно побывать у своего хозяина Мартынова, тѣмъ болѣе, что онъ любезно и настойчиво приглашалъ къ себѣ въ гости, уѣзжая изъ Губина. Пришлось явиться къ нему. Пришли мы къ нему въ домъ часовъ въ 11-ть утра совершенно неожиданно, такъ что Мартынову, желавшему поразить насъ угощеніемъ, неудалось это въ такой часъ, и пришлось ограничиться чаемъ съ самыми обычными закусками. Онъ мнѣ выговаривалъ, почему я не предупредилъ его о своемъ выѣздѣ въ Питеръ и почему прямо къ нему не заѣхалъ.

Кромѣ того, я, кажется, испортилъ наше посѣщеніе еще и тѣмъ, что раза два поднимался уходить, высказывая тѣмъ нетерпѣніе скорѣе отзвонить и съ колокольни долой и тѣмъ, что въ концѣ концовъ, попросилъ у него денегъ въ счетъ жалованья, чѣмъ и обнаружилъ нетактично самую подоплеку своего посѣщенія. Почему-то онъ не далъ мнѣ денегъ на дому, а при нашемъ уходѣ предложилъ мнѣ, чтобы я явился часамъ къ двумъ слѣдующаго дня въ старообрядческую церковь, гдѣ-то къ Николаевскому вокзалу (улицу забылъ), въ которой онъ состоялъ старостой, и тамъ онъ обѣщалъ дать денегъ и кстати показать эту церковь съ рѣдкими по его мнѣнію церковными вещами, въ родѣ, напр., древнихъ образовъ древнѣйшей (и пресквернѣйшей, по моему) живописи.

Я прибылъ туда въ назначенный часъ и получилъ деньги. Къ моему огорченію, пришлось тутъ проторчать довольно долго, такъ какъ, прежде чѣмъ получить деньги, я долженъ былъ совершить осмотръ церкви, и такъ какъ въ то время меня совершенно не интересовало все то, что тамъ было, то я теперь хорошо и не помню, что тамъ видѣлъ, кромѣ образовъ, которые я принужденъ былъ хвалить, чтобы не оскорбить старообрядцевъ—Мартынова и еще нѣсколькихъ бывшихъ здѣсь, ходившихъ вмѣстѣ съ нами и искренно восхищавшихся истинной стариной видѣннаго.

На самомъ же дѣлѣ, образа эти производили на меня непріятное впечатлѣніе: тутъ были изображены какія-то безжизненныя и, просто, антипатичныя лица. Послѣ перваго нашего визита Мартыновъ, при уходѣ, приглашалъ насъ черезъ день пожаловать къ

нему обѣдать. Мы обѣщали ему, но съ твердымъ намѣреніемъ больше къ нему не являться. И такъ какъ въ ожиданіи насъ онъ устроилъ, по всей вѣроятности, приготовленія, которыя должны были поразить и ошеломить насъ, такъ сказать, своимъ величіемъ, о чемъ мы съ восторгомъ рассказывали бы потомъ въ Губинѣ и Кимрахъ,—то онъ и не могъ намъ простить того, что мы не явились къ нему на обѣдъ, какъ обѣщали.

На 6-й день своего пребыванія въ Питерѣ, мы уѣхали обратно. Сказать и то, что мы и торопились; въ Питерѣ мы приѣхали въ четвергъ или пятницу на святой недѣлѣ, а занятія въ школѣ должны были начаться съ Фоминой недѣли; опаздывать къ ученію намъ не хотѣлось.

XIV.

Занятія въ школѣ шли по прежнему. Посѣтившій нашу школу бывшій директоръ народныхъ училищъ Робертъ,—небольшой, старый, но очень живой и добродушный человѣкъ, котораго привелъ въ школу пьяный братъ Мартынова, пьянствовавшій уже нѣсколько дней подрядъ и съ которымъ Робертъ, какъ было замѣтно, и самъ успѣлъ пропустить рюмочку - другую, — очень внимательно отнесся къ ученикамъ, бесѣдовалъ съ ними, и очень ловко, какъ бы шутя проэкзаменовалъ ихъ,—и узнавъ, что нѣкоторые изъ спрошенныхъ имъ учениковъ учатся не болѣе мѣсяца, выразилъ свое удивленіе тѣмъ успѣхамъ, какіе они обнаружили передъ нимъ. Правда, онъ наскакивалъ со своими вопросами больше всего на способныхъ и лучшихъ учениковъ школы,—хотя справедливость требуетъ сказать, на сорокъ съ лишкомъ ребятишекъ, совсѣмъ неспособныхъ и тупыхъ на ученіе приходилось очень мало,—а такъ какъ ребятишки еще и очень ревностно хотѣли познать школьную премудрость, такъ что съ ними заниматься было просто пріятно, то школа въ общемъ вся шла успѣшно. Я сейчасъ не помню даже, чтобы кто-либо изъ ребятъ въ школѣ не обучился грамотѣ. Среди взрослыхъ же попадались очень тугіе. Двухъ братьевъ Егоровыхъ, напр., одного отца семейства, а другого парня лѣтъ 18-ти такъ мы и не могли обучить грамотѣ; ужъ имъ помогали, отъ нетерпѣнія и досады, и другіе взрослые, постигшіе грамоту, и сами они изъ кожи лѣзли, а проклятыя буквы не запоминались несчастными головами, хоть убей! Среди ребятишекъ не было ни одного такого! Надо при этомъ замѣтить, что мальчики не производили впечатлѣнія физически цвѣтущихъ дѣтей и поэтому озорства почти не проявляли; большинство изъ нихъ съ девяти лѣтъ принимались уже за отцовское ремесло, садились за шитье обуви.

Нѣкоторые изъ нихъ уже могли самостоятельно сшить башмаки или кожанья калоши. Только школа оторвала ихъ отъ сапога, да и то находились дѣтишки, садившіеся за сапогъ въ вечерніе часы.

Кстати сказать, мужское населеніе Губина-Угла въ огромномъ

большинствѣ носило на себѣ отпечатокъ сидячей жизни,—съ не-свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ вялымъ тѣломъ, въ то время, какъ женщины и дѣвушки, на которыхъ лежали полевья работы, были что называется кровь съ молокомъ, здоровья, румяныя, и какъ выражались мужики «ядренья».

Земли у губинцевъ немного, на душу полагалось въ трехъ поляхъ, при общемъ выгонѣ, «три полосы», которая уже давно не мѣрялась десятиной. И вотъ эти полосы унавозить и вспахать должны были женщины; страдавали на нивѣ и косили сѣно тоже бабы; засѣвали поле—мужики; молотили и вѣяли мужики и бабы вмѣстѣ. Существовать отъ земли и уплачивать лежавшія на нихъ подати губинцы не могли; хлѣба хватало въ урожай на прокормъ да на новый посѣвъ, и продуктами отъ земли и вообще отъ сельскаго хозяйства губинцы не торговали.

А между тѣмъ у большинства губинцевъ потребности были выше обыкновенныхъ крестьянскихъ. Москва заразила ихъ городскими обычаями. Одѣвались губинцы, хотя и по-русски, но франтовато. Часы стѣнные и карманные, картинки и зеркала, самоваръ и сласти на угощеніе и т. п. были въ большомъ употребленіи. Жизненный расчетъ губинцевъ зиждился, главнымъ образомъ, на сапогѣ,—и мужики круглый годъ производили обувь, и врывавшіяся въ ихъ сапожный обиходъ полевья работы только мѣшали ихъ главному дѣлу; почему мужскую часть этихъ работъ могущіе свалить ее на чужія плечи сваливали, нанимая работниковъ. Примѣръ же разбогатѣвшихъ сапожниковъ á la Мартыновъ привносилъ въ душу не одного губинца тайный помыселъ и самому разбогатѣть также съ помощью сапога, что и заставляло почти всѣхъ изъ нихъ налегать на сапогъ,—и земельное дѣло все больше и больше отодвигалось у нихъ на второй планъ.

Съ губинцами у насъ установились довольно хорошіе отношенія, и насъ всѣ они принимали, какъ желанныхъ гостей, когда мы заходили къ кому-нибудь посидѣть.

Были у насъ и болѣе близкіе намъ, которыхъ мы охотнѣе и чаще другихъ посѣщали, но были и 2—3 недоброжелателя. Одинъ изъ послѣднихъ попечитель школы въ особенности былъ непріятенъ,—Горшковъ, мартыновскій подхалюза, но мужикъ неглупый, учухавшій, какъ говорятъ сибиряки, что учитель и учительница люди съ особеннымъ духомъ. Онъ началъ довольно часто являться въ школу во время занятій и, усѣвшись на окнѣ,—сидѣлъ и наблюдалъ за тѣмъ, что я дѣлалъ и что я говорилъ. Хотя, кромѣ школьной премудрости по указаніямъ Ушинскаго и Евтушевскаго, я ничего ребятишкамъ не внушалъ, но появленіе Горшкова всегда нарушало наше, и мое, и учениковъ, спокойное настроеніе. Я чувствовалъ въ душѣ раздраженіе на приходившаго и нахально усаживавшагося на окнѣ соглядатая, дѣтишки тоже начинали чувствовать себя стѣсненными отчасти, можетъ быть, потому, что и въ учителѣ замѣчали перемѣну. Наконецъ, въ одно изъ его посѣщеній я не вытерпѣлъ и попросилъ его уйти изъ школы, объяснивъ

ему, что дѣти его стѣсняются да и мнѣ онъ мѣшаетъ. Онъ возразилъ, что онъ имѣетъ право быть въ школѣ, какъ попечитель, и что своимъ присутствіемъ онъ никому не мѣшаетъ. Я при разговорѣ съ нимъ сталъ раздражаться и, въ концѣ-концовъ, категорически потребовалъ, чтобы онъ убирался изъ школы и не мѣшалъ заниматься. Горшковъ обиженный ушелъ.

Казусъ этотъ случился какъ разъ за день или за два до вторичнаго пріѣзда Мартынова въ Губинъ-Уголь. Это было въ началѣ мая. Уже началась весна; уже огромное озеро, на южномъ берегу котораго стояло село Губинъ-Уголь, а на противоположномъ деревушка Бережокъ,—вскрылось ото льда; уже губинцы ловили въ немъ неводомъ карасей и окуней и закидывали тони и на счастье учителя съ учительницей,—при чемъ пойманныхъ на наше счастье карасей и окуней пускали въ устроенный для нихъ садокъ (это было значительное подспорье къ нашему питанію, которое, правду сказать, было таки недостаточно: толокно съ квасомъ, пареная брюква, соленая сомовина, которую Ларисса ѣла, преодолевая отвращеніе къ ней, въ постные дни,—и молоко и яйца—въ скоромные, да чай съ хлѣбомъ повседневно, вотъ наше деревенское меню). Уже нашъ пріятель изъ Бережка Иванъ Яковлевичъ, красавецъ, напоминавшій лицомъ Христа, ходилъ съ ружьемъ по праздникамъ на перелетную утку и кулика. Уже жаворонки оглашали бѣдную поля губинцевъ своими никогда ненаскучающими пѣснями во славу теплага солнца, яркой утренней зари и ясной лазури неба. И это-то время оказалось временемъ Мартыновскаго запоя.

Мартыновъ уже дорогой разрѣшилъ и уже со второго дня по пріѣздѣ въ запоѣ начались его безобразія. Мы теперь воочію убѣдились, на что онъ способенъ.

Въ часъ ночи онъ со своими прихвостнями поднималъ деревню: будили дѣвокъ водить при фонаряхъ хороводъ,—будили мужиковъ неводить ночью въ озерѣ рыбу. Мужики угощались водкой, дѣвкамъ за хороводы и пѣніе сыпались пряники и орѣхи изъ выставляемыхъ на улицу ящиковъ. Усѣвшись на валявшемся близъ ограды его дома длинномъ осиновомъ бревнѣ, пьяный Мартыновъ начиналъ утверждать при всемъ честномъ народѣ, что онъ сидитъ на дубѣ, на что ему иронически отвѣчали: «что-жь, коли твоей милости такъ угодно, пусть и осинка дубомъ будетъ»!.

Насъ дня четыре Мартыновъ не касался. Пріѣхавши, онъ пригласилъ насъ на другой день къ утреннему чаю, при чемъ большой любезности въ этотъ разъ не проявилъ, а затѣмъ ограничился тѣмъ, что прислалъ мнѣ въ подарокъ нѣсколько аршинъ драпу на пальто, а Лариссѣ какой-то матеріи на юбку. Очень насъ смутили эти подарки; никакъ мы не ожидали такого обстоятельства; думали мы думали, какъ намъ быть съ ними и порѣшили, скрѣпя сердце, взять во избѣжаніе скандала, который Мартыновъ всенепремѣнно бы учинилъ вслѣдъ за нашимъ отказомъ отъ подарковъ. Тѣмъ не менѣе скандалъ все-таки надвигался.

На пятый день Мартыновъ, уже зѣло заложивши, заявился въ школу съ волостнымъ старшиною, съ Горшковымъ и Тунцовымъ (приказчикъ-скупщикъ и тоже попечитель школы) и съ какими-то еще невѣдомыми мнѣ лицами. Прежде всего онъ направился въ отдѣленіе моей жены, потребовавъ, чтобы я его сопровождалъ. Игнорируя ученицъ, онъ, распуская слюни, довольно долго жалъ руку Лариссѣ, силясь пьянымъ языкомъ говорить какіе-то комплименты. Еще немного и Ларисса наговорила бы ему дерзостей. Меня же это уже взвинчивало.

Явившись въ мое отдѣленіе, онъ, въ то время, какъ всѣ сопровождавшія его лица стоятъ на ногахъ, развалился на моемъ стулѣ за столомъ съ самымъ самодурнымъ видомъ и сталъ задавать дѣтямъ вопросы въ родѣ того, сколько таинствъ, да псаломъ Давида «помилуй мя, Боже!». Ни таинствъ, ни псалма Давида ребята не знали,—но Законъ Божій преподавалъ не я, а батюшка, такъ что придраться ко мнѣ поэтому нельзя было. Когда по его приказу кто-нибудь изъ дѣтей начиналъ читать по «Родному Слову», Мартыновъ осоловѣлыми глазами глядѣлъ на читающаго и мычалъ. Потомъ всталъ и остановился у выхода въ переднюю, чтобы пьяной рукой сотворить крестное знаменіе при выходѣ; въ этотъ моментъ со двора вскочилъ мой первый ученикъ, отпросившійся въ переѣмку домой зачѣмъ-то и опоздавшій поэтому. Мальченка, увидѣвши Мартынова и свиту его, отъ неожиданности оторопѣлъ и не снявъ шапки, сталъ, раскрывъ во всю любопытные дѣтскіе глаза. Мартыновъ, замѣтивъ мальчика въ шапкѣ, неожиданно сорвалъ шапку съ его головенки, схватилъ моего бѣднаго Никитку за ухо, втащилъ перепуганнаго ребенка въ уголъ и поставилъ на колѣни.

— Распускаешь учениковъ!...—обратился онъ ко мнѣ.—Какъ онъ смѣетъ шапки не снимать въ избѣ, гдѣ образ!—кричалъ Мартыновъ.—Я вотъ пришлю патреть Наслѣдника Цесаревича... пусть онъ виситъ тутъ... (онъ указалъ пальцемъ мѣсто на стѣнкѣ у двери, не высоко отъ полу). Я прикажу нарисовать, чтобы была рука Его Императорскаго Высочества... и пусть, какъ входитъ мальчишка въ школу, такъ каждый разъ и цѣлуетъ эту руку... Я вамъ покажу шапку не снимать...

— Василій Ѳедоровичъ, я прошу васъ не кричать здѣсь, дѣтей не пугать...—началъ было я.

— Я сказалъ—и шабашъ!.. Ты вонъ выгналъ попечителя изъ школы... За что?

— Это долго объяснять... А я все-таки попросилъ бы васъ...—раздражаясь уже, началъ и я возвышать голосъ.

— Я тебя слушать не хочу! Пойдемъ отселева!...—скомандовалъ онъ своей свитѣ и удалился.

Я былъ возмущенъ до глубины души! Бѣднаго Никитку я тотчасъ поднялъ съ колѣнъ, приласкалъ и старался его успокоить. Мальченка плакалъ, перепуганный и оскандаленный передъ всѣми присутствовавшими.